АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов
III Всероссийской научной конференции
с международным участием

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Историко-географический факультет

Кафедра археологии, этнографии и региональной истории

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов
III Всероссийской научной конференции с международным участием
(Чебоксары, 29 сентября 2023 г.)

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2023

УДК 902/904(082)
ББК 94.3я43
А43

Рецензенты: **Михайлова Елизавета Михайловна**, д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой Чебоксарского кооперативного института (филиала) АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»

Сергеева Евгения Валерьевна, канд. ист. наук, научный сотрудник исторического направления (секция этнологии) БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия: **Широков Олег Николаевич**, д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Вязова Ольга Георгиевна, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Петров Николай Аркадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой археологии, этнографии и региональной истории, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

А43 **Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории :** сборник материалов III Всеросс. науч. конф. с международным участием (Чебоксары, 29 сент. 2023 г.). – Чебоксары: Среда, 2023. – 224 с.

ISBN 978-5-907688-74-2

В сборнике представлены статьи участников III Всероссийской научной конференции с международным участием «Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории». Исследования посвящены актуальным вопросам исторической науки. Предназначен для этнографов, историков, археологов, краеведов, студентов гуманитарных дисциплин, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907688-74-2
DOI 10.31483/a-10508

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2023
© Издательский дом «Среда», 2023

Предисловие

Памяти выдающегося учёного: к 95-летию со дня рождения П.В. Денисова

28 августа 2023 года исполнилось 95 лет со дня рождения выдающегося чувашского этнографа и историка Петра Владимировича Денисова. К сожалению, его земной путь завершился в 2014 году. Согласно устоявшейся традиции, юбилей человека, внёсшего значительный научный вклад, отмечается форумом, собирающих круг исследователей. Такая практика позволяет ещё раз акцентировать внимание на наиболее проблемных аспектах научных исследований, подвести определённые итоги в разрешении научных вопросов, возможно даже переосмыслить отдельные научные задачи и выводы в свете новых достижений и определиться с новыми направлениями этнографических и исторических исследований.

Начало становления личности Петра Владимировича во многом сходно с путём многих представителей чувашской интеллигенции советского периода. Выходец из многодетной крестьянской семьи, Петр Владимирович родился в 1928 г. в д. Бахтигильдино Первомайского (ныне Батыревского) района Чувашской АССР.

На тяжелые годы Великой Отечественной войны выпало взросление юноши, когда после окончания Бахтигильдинской средней школы в 1944 г. в шестнадцать лет Петр Владимирович стал студентом исторического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина – одного из старейших вузов страны. Именно здесь начинается становление будущего учёного-этнографа, здесь обозначились его первые исследовательские успехи. Значительная роль в этом процессе принадлежала его учителю – крупному ученому, этнографу, профессору Николаю Иосифовичу Воробьеву, заложившему в начинающего учёного основы теории и практики этнографических исследований.

Большую роль оказала на начинающего учёного встреча, а затем многолетняя дружба с профессором Николаем Васильевичем Никольским, проживавшим в Казани. Н.В. Никольский становится старшим товарищем и, в какой-то мере, наставником П.В. Денисова: осенью 1949 г., после окончания университета, Петр Денисов был принят по рекомендации Н.И. Воробьева в целевую аспирантуру по специальности «Этнография народов СССР» при Казанском филиале АН СССР. Н.В. Никольский отмечал, что среди семи чуваш, подавших заявление в аспирантуру, Денисов был самым сильным.

После завершения аспирантуры в 1952 г. П.В. Денисов возвращается в Чувашию. Его дальнейшая деятельность была связано с малой родиной, где на разных участках научной деятельности и системы образования шло становление учёного и педагога, выкристаллизовывался талант выдающегося чувашеведа. В 1962 г. состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Религиозные верования чуваш» в Институте этнографии академии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. В качестве диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук была принята монография П.В. Денисова «Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки)» (Чебоксары, 1959), ставшая крупным событием в научной и культурной жизни Чувашии, вызвавшая большой

резонанс самых широких кругов специалистов и любителей истории далеко за пределами родной республики.

С 1962 г. Петр Владимирович, уже дипломированный учёный, связал свою жизнь с научно-педагогической работой: сначала работал старшим преподавателем и доцентом кафедры истории в Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева, а с 1967 г. – в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. С 1973 по 1988 гг. П.В. Денисов – заведующий кафедрой истории СССР; в марте 1990 г. по его инициативе была создана кафедра археологии, этнографии и региональной истории, которую он и возглавил.

Авторитет учёного, его скрупулёзная и активная научная деятельность позволили П.В. Денисову установить тесные и широкие научные связи с ведущими учеными нашей страны и зарубежья, среди которых С.А. Токарев, Ю.В. Бромлей, А.И. Клибанов, Л.Н. Гумилев, В.И. Козлов, Р.Ф. Итс, Т.А. Крюкова, Р.Г. Кузеев, Н.Ф. Мокшин, В.Е. Владыкин, С.И. Руденко, К.И. Козлова, Н.И. Гаген-Торн, Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Г.А. Сепеев, И. Шишманов, И. Коев, М. Велев, А. Рона-Таш, А. Каппелер и многие другие.

В 1973 г. за монографию «Религия и атеизм чувашского народа» решением специализированного совета Института этнографии АН СССР ему присвоена ученая степень доктора исторических наук, а в 1976 г. Петр Владимирович получил ученое звание профессора. Эта монография стала логичным продолжением темы религиозного фактора развития чувашского этноса в условиях распространения атеизма. Монографии и десятки научных статей по религиозной теме выдвинули П.В. Денисова в ряды авторитетных учёных-религиоведов.

Другой научной проблемой, в решении которой Петром Владимировичем был внесен значительный вклад, явилось исследование этногенеза чувашского народа. На основе широкого этнографического материала ученый успешно доказывал теорию болгарского происхождения чувашского этноса в работе «Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашской народности» (Чебоксары, 1957). Продолжением научных изысканий в этом направлении явилась монография «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» (Чебоксары, 1969). Этот оригинальный труд получил высокую оценку как отечественных, так и зарубежных специалистов.

Важным направлением научных изысканий П.В. Денисова являлось изучение жизни и творчества учёных-этнографов, чья деятельность была связана с изучением культуры и истории чувашского народа. Обстоятельные работы были опубликованы им о В.А. Сбоеве, В.К. Магницком, Н.М. Охотникове, Н.И. Ашмарине, Н.В. Никольском. Значительная часть творческой жизни была посвящена П.В. Денисовым изучению личности Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа), выдающегося синолога, основоположника российского востоковедения.

Профессор П.В. Денисов является автором более 150 научных работ, в том числе 12 монографий, десятков журнально-газетных статей на исторические и этнографические темы; под его научной редакцией было издано свыше 50 научных монографий, учебников, тематических сборников по вопросам истории и этнографии чувашского народа. Петр Владимирович проявил себя как многопрофильный исследователь. Его важнейшие

труды по этнографии, истории и вопросам культуры чувашского народа получили широкую признательность. Имя П.В. Денисова не раз включалось в библиографические справочники и энциклопедии как в России, так и за рубежом.

Особого внимания заслуживает педагогическая деятельность П.В. Денисова. Энциклопедические знания учёного и постоянное стремление к их обновлению, богатый личный опыт, доброжелательность и уважение чужого мнения, своеобразная «мягкая» манера ведения лекции в сочетании с удивительным даром рассказчика делали его занятия по этнографии и историографии неповторимыми и запоминающимися. Подобный творческий подход проявлялся не только в стенах университета, Петр Владимирович много лет организовывал и возглавлял этнографические экспедиции, где наряду с «профессорскими» достоинствами особенно ярко проявлялись любовь к родной земле и её жителям.

Огромные знания и опыт, накопленные профессором П.В. Денисовым, были востребованы при создании этнографического музея на историческом факультете Чувашского госуниверситета. Он оказывал помощь в организации этнографического музея под открытым небом в п. Ибреси. Петр Владимирович, являясь крупнейшим специалистом научного наследия выдающегося ученого-китаеведа Н.Я. Бичурина, выступал в качестве консультанта при формировании экспозиций музея «Бичурин и современность» в п. Кугеси Чувашской Республики.

П.В. Денисов по праву может считаться создателем школы чувашской этнологии: значительное число этнологов Чувашии – его ученики. Большинство историков Чувашского государственного университета также являются его учениками. Под его руководством было подготовлено 27 ученых, в числе которых 8 исследователей защитили докторские диссертации по этнологии народов Поволжья и Приуралья; они успешно трудятся не только в вузах Чувашии, но и за её пределами.

Достойными продолжателями научного творчества профессора П.В. Денисова стали дочери, пошедшие по его стопам: Олеся Петровна и Нарспи Петровна стали по примеру отца учеными-этнографами. Традицию исторических исследований семьи продолжает внук профессора Пётр, унаследовавший вместе с именем деда не только исследовательские способности, но и пытливость ума, широкий кругозор и высокую работоспособность.

Многочисленные ученики профессора П.В. Денисова продолжают дело учителя по разным направлениям научно-педагогической деятельности. Одним из подтверждений этого служит очередной круглый стол памяти выдающегося учёного.

канд. ист.наук, доцент
заведующий кафедрой археологии,
этнографии и региональной истории
историко-географического факультета
ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
Н.А. Петров

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭПОХА СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ: ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА П.В. ДЕНИСОВА

Вовина (Денисова) О.П. Приветственное слово участникам конференции 9

Вязова О.Г. Газета «Хыпар» в творчестве профессора Петра Владимировича Денисова. 11

Захарова-Кульева Н.И. Традиционная одежда чувашей в трудах П.В. Денисова 15

Сергеев Т.С. Роль чувашского бюро краеведения при Наркомпросе Республики и общества изучения Чувашской АССР в сохранении и развитии этнокультуры народа в 1930-е годы 20

Таймасов Л.А. Вопросы этногенеза чувашского народа в научном творчестве П.В. Денисова 25

Харитонов М.Ю., Голюнов А.Н. Биографический метод в трудах П.В. Денисова 31

Яковлев В.И. Н.В. Никольский – исследователь традиционной музыкальной культуры народов Волго-Уралья. Историографический контекст. 37

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Бойко И.И., Харитонова В.Г. Жители Чувашии о межнациональных отношениях в республике 44

Ефимов Л.А. Сорминская киреметь в языческой религиозной жизни «верховых» чувашей 50

Ласточкин В.Б. Интегрированная система непрерывного образования и ее влияние на этнокультурные и этнополитические процессы в современной России 54

Халилова Л.Р. Из опыта работы культурно-просветительных учреждений Челябинской области по возрождению и сохранению традиций татарского народа 58

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Григорьев А.Д., Харитонова С.Б. Деятельность Чувашского республиканского комитета Российского общества Красного Креста в годы Великой Отечественной войны 63

Кащенко А.В., Сагитова В.Р. Социально-экономическое состояние Татарстана до и после начала Специальной военной операции 67

Розова Я.А., Казаков Н.А., Ростовцева М.М., Доронина К.А., Клементьева Е.Г. Особенности подготовки и проведения экскурсии по городу Чебоксары для носителей индийского варианта английского языка 73

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Дмитриева И.В., Петров Н.А. Женские обряды и трудовые традиции чувашек, связанные со скотоводством, второй половины XIX – начала XX века 81

Евдокимова А.Н. Вопросы церковной истории в трудах чувашского просветителя Спиридона Михайлова 84

Казимиров М.С. Традиции чувашской церемониальной трапезы: взгляд сквозь столетия 89

Мухаметшина Л.Т. Нематериальное культурное наследие народов Республики Татарстан: из практики сохранения и популяризации 96

Никифорова А.А. Народная культура в сфере туризма: перспективы реализации 99

Никифорова А.А., Гардер П.Р. Деятельность краеведческих музеев по сохранению культурного наследия (на примере Нижневартовского краеведческого музея им. Т.Д Шуваева) 102

Сергеева Е.В., Антипина А.А. Трансформация обряда инициирования дождя çумăр чӳк у чувашей 105

Щанкина Л.Н. Строительные традиции и обряды русских Мордовии 108

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Агеева Н.Н., Иванова Т.Н. Портреты чувашской диаспоры в Москве: Лира Петровна Смирнова 112

Ахмеев В.В. Деятельность НКГБ (МГБ) Чувашской АССР по проверке участников коллаборационистских формирований в 1945–1952 гг. 118

Белецкая Е.А., Яковлева Л.В., Шулика М.В., Белецкая А.А. Этнографический туризм как компонент сохранения культурного наследия Белгородчины 122

Галимова Л.Н. Проявления политической культуры провинциального купечества второй половины XIX – начала XX в. 125

Гонышкова О.Г. Клен и Берёзонька – Чайка и Сокол: психологической аспект «готовности номер один» 130

Ефремов Е.А., Широков О.Н. Обеспечение Красной Армии автомобильным транспортом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 134

Ибрагимов Р.Р. Ислам в жизни татарского социума Волго-Уральского региона в 1920–1930-х гг. 140

Иванова Т.Н., Иваницкий М.А. Формирование системы коммерческих банков в 1990-е гг. в общероссийской и региональной историографии 143

Инков А.А. Атемар – несостоявшаяся столица Мордовского края в XVII веке 146

Кнышова М.Д., Басова Е.А. Специалист социально-культурной деятельности: историческое исследование 157

Краснова М.Н. Исследователи Чувашии о И. Бичурине 159

Кузькин А.П., Лаврентьев М.В. Ташкентская земледельческая колония для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи (1909–1911 гг.) 163

Лаврентьев М.В. Последние дни Шлиссельбургской каторжной тюрьмы (28 февраля – 5 марта 1917 г.) 168

Лобашева А.С., Спасенкова И.В. Возрастные периоды и жизненные циклы женщины Русского Севера 172

Минеев А.И. Технико-экономический совет Волго-Вятского совнархоза: структура и функционал 175

Павлова Е.А. Салмин А.Н – краевед Батыревского района 178

Павлушков А.Р. Значение Устава духовных консисторий для развития государственно-церковных отношений 181

Петрикова К.А., Александрова Е.А. Методология и пути решения консервации и реставрации иконы «Скорбящая Радость Пресвятыя Богородицы» 184

Руднева С.Е. Топливный кризис в Москве в 1917 году 189

Семенченко И.В., Коваль И.И. Профессиональное образование на Урале в 1917–1918 гг 195

Сивкина Н.Ю., Гусева А.С. Храмовые общины в контексте экономической политики ранних Селевкидов 198

Тюнтеров О.С., Иванова Т.Н. Характеристика архивных материалов о чувашском просветителе И.Я. Яковлеве в Российской государственной библиотеке 201

Федулов М.И., Семенов А.А. Итоги и перспективы изучения городищ раннего железного века по материалам разведок в бассейне р. Сура ... 206

Федулова И.А. Пулемётный железобетонный колпак Сурского оборонительного рубежа как объект военно-исторической памяти о Великой Отечественной войне 211

Чибилёва В.П. Основные этапы научных исследований И.Ф. Бларамберга в Оренбургском крае 216

Широков О.Н., Матюшин П.Н., Кашаев И.М. Деятельность уездных воинских начальников в период мобилизации на территории Чувашского края в годы Первой мировой войны 219

ЭПОХА СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ: ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА П.В. ДЕНИСОВА

Приветственное письмо участникам III Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории», посвященной 95-летию со дня рождения д-ра ист. наук, профессора П.В. Денисова

Уважаемые участники конференции, дорогие коллеги и друзья!

Разрешите поблагодарить Оргкомитет конференции, кафедру археологии, этнографии и региональной истории, историко-географический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова за оказанную мне возможность выступить с приветственным словом.

Мне особенно приятно, что конференция по актуальным вопросам археологии, этнографии и истории, посвященная 95-летию со дня рождения профессора П.В. Денисова, проходит в стенах университета, которому мой отец посвятил долгие годы своей научной и творческой жизни. Среди участников конференции – многочисленные ученики, коллеги и друзья Петра Владимировича, работающие в разных сферах и областях знаний как в Чувашской Республике, так и за ее пределами. Их многогранная работа исследователей, преподавателей, ученых, продолжает лучшие традиции историко – этнографической и антропологической науки, сложившиеся в России и в Чувашии. Каноны и характер этих традиций формировались на протяжении целой эпохи, поколениями выдающихся этнографов и антропологов минувшего столетия, включая советский период, и передавались в научное наследие в XXI век. С этой кагортой ученых, трудившихся в сложное, насыщенное драматическими событиями время, была тесно связана научная деятельность и жизненный путь чувашского этнографа, профессора Денисова.

Научная биография Петра Владимировича, его преподавательская работа, экспедиционные исследования нашли отражение в воспоминаниях и публикациях его учеников, коллег и соратников. Эти материалы – ценный источник не только об известном этнографе, но и о времени, историческом пространстве, социуме, в котором трудился профессор Денисов. В них отражены и общие тенденции в развитии этнографии, антропологии и региональной истории, специфика полевой и музейной работы в национальных республиках, учебно-образовательный процесс. К этому источнику будут обращаться последующие поколения исследователей. Настоящая конференция также выполняет эту важную инструментальную роль, способствуя как сохранению памяти о прошедшем этапе этнографии, антропологии и смежных с ними наук, так и осознанию связей преемственности в истории этих дисциплин.

Антропология, в широком смысле, включая и этнологию, – наука о человеке, о сходствах и различиях между людьми, о человеческих

взаимоотношениях, во всем их многообразии. В этом проявляется холистический характер дисциплины, предполагающий интеграцию специалистов разных профессий в исследовании социальных и культурных процессов, происходящих в обществе и в мире. На мой взгляд, содержание и цели данной конференции отражают эту черту антропологии, привлекая к ее участию исследователей самого разного профиля, преподавателей и студентов, сотрудников музеев, архивов, научных центров и организаций. Дискуссии, открытое обсуждение вопросов истории, этнического взаимодействия, культурных контактов народов Поволжья и Приуралья будут способствовать преодолению академической замкнутости научных исследований, создавая мосты для дальнейшего диалога и направленности на решении практических социальных проблем.

Антропология и этнология имеют прикладное значение, особенно для молодого поколения. Познание региональной истории и этнографии неотделимо от опыта взросления в многонациональной культурной среде. В этом плане – школы, музеи, общеобразовательные и культурные центры, в которых работают выпускники Чувашского университета – это ключевое социальное пространство, где раскрывается и развивается интерес к родной культуре, к уникальным языкам этнических сообществ и национальным традициям. Этническая культура меняется и оживляется благодаря молодым силам и талантам – ведь составляющие ее традиции это не только сохраненная мудрость и опыт прошлого; национальные традиции вновь открываются и создаются, присутствуют в нашей повседневной жизни в самых разнообразных формах. Мне хотелось бы пожелать студентам Чувашского Университета, других учебных заведений постоянно углублять и совершенствовать свои знания этнической истории, ценить и уважать этно-культурные традиции, а также смотреть на свою собственную культуру «глазами» других народов, преодолевая узкие границы этноцентризма, и отстаивая принципы гуманизма и толерантности.

В настоящее сложное время как никогда становится более очевидна социальная роль антропологии, этнографии, гуманитарных знаний в решении глобальных, экономических, национальных, экологических проблем. Любое открытое научное обсуждение этих вопросов станет позитивным шагом в создании универсального языка межкультурного и человеческого взаимопонимания.

Еще раз искренне благодарю всех участников Конференции, желаю всем успешной работы, интересных дискуссий, новых научных исследований. Доброго здоровья и удачи!

Спасибо!

департамент Антропологии и Социологии,
Университет Сетон Холл, США
О.П. Вовина (Денисова)

Вязова Ольга Георгиевна
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ГАЗЕТА «ХЫПАР» В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА ПЕТРА ВЛАДИМИРОВИЧА ДЕНИСОВА

***Аннотация**: в статье показывается вклад П.В. Денисова в изучение первой чувашской газете «Хыпар», в возрождение серий, издававшихся при участии Н.В. Никольского и редколлегии «Хыпара», а именно «Чувашского календаря», отмечается значимость первого издания цензорского комплекта газеты «Хыпар», подготовленного ученым, вместе с тем уточняются некоторые факты биографии самого д.и.н., профессора Петра Владимировича Денисова.*

***Ключевые слова**: Петр Владимирович Денисов, И.Д. Кузнецов, газета «Хыпар», демократическая литература, первая русская революция 1905–1907 гг., крестьяне, массовое сознание, корреспонденты газеты «Хыпар», Никольский, Чувашский календарь, П. Владимиров.*

Доктор исторических наук, профессор Петр Владимирович Денисов в первую очередь известен как этнограф чувашского народа, но ему также принадлежит огромное количество исследований, раскрывающих различные аспекты истории Чувашии и ее уроженцев. Петру Владимировичу очень сильно повезло, так как уже в студенческие годы на его жизненном пути встретились известные ученые Среднего Поволжья, во многом определившие его дальнейшие профессиональные интересы. К их числу следует отнести Николая Васильевича Никольского, первого профессионального чувашского историка и этнографа, еще до октябрьской революции ставшим приват-доцентом Казанского университета. Именно по рекомендации Н.В. Никольского студент Петр Денисов заинтересовался историей первой чувашской газеты «Хыпар» (основана Н.В. Никольским в 1906 г.) и написал дипломную работу по теме «Крестьянское движение в Чувашии в годы первой русской революции 1905 – 1907 гг.» [2, с. 6]. Еще в студенческие годы Петр Владимирович стал собирать материалы о сотрудниках и корреспондентах этой газеты [6, с. 36–37].

После завершения обучения в Казанском университете и аспирантуре при Казанском филиале АН СССР в 1952 г. П.В. Денисов возвращается в Чувашию. Он окунается в научную и культурную жизнь родной республики: работает в Научно-исследовательском институте языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, знакомится с художниками, писателями, учеными. Наиболее тесные дружеские и творческие связи установились с видным историком, общественным деятелем И.Д. Кузнецовым, в 1955 г. вернувшимся после реабилитации в Чувашию.

Первые годы работы Петра Владимировича в Чебоксарах совпали с глобальными изменениями в жизни страны. Смерть И.В. Сталина и последовавшие за ней либерализация советского общества, прекращение

массовых репрессий создавали иную общественно-политическую обстановку и для развития исторической науки в том числе. В этих новых условиях стало возможным обращение к тем вопросам истории Чувашии, которые ранее совершенно не изучались. К этим вопросам можно отнести и деятельность первой чувашской газеты «Хыпар». Как отмечает А.П. Леонтьев в своей основательной монографии, посвященной газете, вышедшей в Чебоксарах в 2011 г., «в довоенное время научных трудов, посвященных эсерам, Комучу и «Хыпару», не выявлено, за исключением работ С.Н. Николаева» (после октябрьской революции уехал из страны, жил в Праге, где «публиковался в эмигрантской периодике»). В военные годы эта тема также не была на переднем крае научных интересов. Более того, она в принципе считалась закрытой...» [5, с. 14].

Среди первых появившихся в Чувашии работ о газете «Хыпар» можно отметить достаточно большую статью П.В. Денисова, опубликованную на страницах газеты «Советская Чувашия» 25 апреля 1956 г. В этой статье давалась краткая предистория появления газеты, приводилась характеристика материалов, выходивших на ее страницах. В первую очередь Петр Владимирович конечно обращал внимание читателя на то, что в газете публиковались художественные произведения представителей чувашской демократической литературы: Т. Семенова (Таяр Тимки), М. Акимова, Н. Шелеби и других, в которых показывалась «картина чувашской деревни, бесправное положение разоренного крестьянства, подвергавшегося жесткой эксплуатации и звучали революционные призывы» [3]. Автор также подчеркивал, что благодаря газете ее читатели – чуваши могли узнать о событиях, происходивших в годы первой революции в различных регионах нашей страны, а также о революционных выступлениях крестьян на территории Чувашии. На страницах газеты постоянно публиковались письма, наказы крестьян депутатам Государственной думы. Таким образом, приведенная даже в газетной в статье информация свидетельствовала, что «Хыпар» может стать ценным источником при изучении истории Чувашии периода первой русской революции, эволюции сознания крестьянства, основной массы населения края, а также чувашской литературы.

К сожалению, П.В. Денисов в своей статье ничего не пишет о главном инициаторе появления газеты «Хыпар» Н.В. Никольском. Это было связано с тем, что Николай Васильевич, как и многие другие ученые нашей страны, работавшие еще до октябрьской революции, в советские годы подверглись не обоснованной критике, столкнулись с ограничением в научной деятельности. На Н.В. Никольского в Чувашии было наложено своеобразное «табу», с 1931 по 1958 гг. не было опубликовано ни одной его работы.

Начавшаяся «оттепель» не только позволила вернуться к «закрытым» темам чувашской истории, но повлияла и на издательскую деятельность. Эти изменения также оказались связанными с Н.В. Никольским и газетой «Хыпар». Так, в июле 1956 г. Иван Данилович Кузнецов был назначен на должность директора Чувашского государственного издательства, а в марте следующего года он пригласил П.В.Денисова на должность заведующего редакцией научно-популярной литературы. Чувашское издательство по инициативе И.Д. Кузнецова начинает вновь издавать «Чувашский календарь». П.В. Денисов как заведующий редакцией, руководил редакционно-издательской подготовкой этих книг [2, с. 9].

Первое издание «Чувашского календаря» состоялось еще в 1867 г. под руководством русского ученого, исследователя чувашского языка Н.И. Золотницкого. С 1903 г., работая в Переводческой комиссии миссионерского общества, составлением и изданием «Чувашского календаря» занимался Н.В. Никольский [5, с. 31]. В поисках денег для издания первой чувашской газеты «Хыпар» редакция газеты во главе с Н.В. Никольским готовят к изданию «Чувашский календарь» на 1906 г. Поученные от реализации деньги были пущены на издание первых номеров газеты [7, с. 13]. И в последующие годы редакция «Хыпара» принимала участие в подготовке новых изданий календаря. «Чувашский календарь» 1950-х гг. отличался от тех, что издавались до октябрьской революции. В нем больше внимания стало уделяться знакомству читателей с известными деятелями науки, культуры, общественной жизни, уроженцами Чувашии. Так, в календаре за 1958 г. была опубликована статья о Н.Я. Бичурине, появились материалы и о Н.В. Никольском. Многие из статей календаря были написаны самим Петром Владимировичем.

Следует отметить, что 1958 г. стал важным в судьбе основателя газеты «Хыпар» Н.В. Никольского. Можно сказать началась «научная реабилитация» ученого. В начале 1958 г. в Чувашском НИИ по инициативе заместителя директора кандидата исторических наук В.Д. Димитриева была развернута подготовка к 80-летию со дня рождения Н.В. Никольского (его 50-летие, 60-летие, 70-летие научной общественностью не отмечались). 20 мая 1958 г. в Доме политпросвещения Чебоксарского горкома КПСС состоялось расширенное заседание Ученого совета института, посвященное юбиляру [4, с. 266]. Тогда же в различных газетах были опубликованы статьи о Н.В. Никольском. Автором одной из публикаций стал П.В. Денисов. Она вышла 21 мая в газете «Молодой коммунист». В ней освещался научный путь Николая Васильевича, подчеркивался его вклад в изучение истории и этнографии чувашского народа, в подготовку молодых специалистов – кадров интеллигенции для национальных республик Поволжья, в издание первой чувашской газеты [1]. Свою статью Петр Владимирович начал с подробного анализа архивного фонда Н.В. Никольского, который находится в Чувашском научно-исследовательском институте, подчеркивалось, «что богатство рукописного архива Н.В. Никольского уже давно привлекает внимание многих советских и заграничных ученых-тюркологов» [1]. Петр Владимирович также сообщал, что в фонде хранятся и первые номера газеты «Хыпар». Интересным является включение в статью воспоминаний Николая Васильевича Никольского о роли бывших учеников Симбирской чувашской учительской школы в издании газеты. Н.В. Никольский предлагает и тему для будущих исследований – изучить историю участия чувашской молодежи и учащихся учебных заведений г. г. Казани и Симбирска в революционном движении 1905–1907 гг. [1]. Жаль, что эта тема так и не получила пока должного изучения в чувашской историографии.

Статья П.В. Денисова о Н.В. Никольском, как оказалось, интересна и для изучения творчества самого Петра Владимировича. Так, она была подписана – Петр Владимиров, в результате чего может возникнуть сомнение в авторстве П.В. Денисова. Но, на наш взгляд, статья, без сомнения, была написана Петром Владимировичем, так как она была включена в список основных печатных работ П.В. Денисова, опубликованном в сборнике «Чувашия глазами этнографа: поиски и находки. Статьи,

очерки, рецензии», подготовленном к 80-летию ученого. Этот список составлялся и редактировался самим автором. Объяснений данной ситуации может несколько. Первое – при издании статьи произошла опечатка. С такой версией согласилась и дочь Петра Владимировича – Олеся Петровна, так как она не помнит, чтобы в разговорах с отцом, он когда-либо упоминал издание своих работ под псевдонимом. Вторая версия прозвучала в беседе с Леонидом Александровичем Таймасовым – ученике и коллеге Петра Владимировича Денисова. П.В. Денисов, вернувшись в Чувашию, работая в Чебоксарах, очень тесно общался с представителями чувашской литературной интеллигенции: П. Хузангаем, В.Миттой, Я. Ухсаем, С. Эльгером, М. Ильбеком. Возможно, общение с ними, натолкнуло Петра Владимировича на использование, можно сказать, псевдонима, переделав отчество в фамилию.

Продолжая работать в Чувашском книжном издательстве П.В. Денисов не отставляет тему газеты «Хыпар», в 1961 г. под его руководством издается сборник «Хыпарҫăсем (Вестники. Произведения чувашских писателей, напечатанные в первой чувашской газете «Хыпар»)» на чувашском языке. Ценность этого сборника заключается в том, что «составитель впервые собрал и издал публицистические статьи, рассказы, стихотворения, опубликованные в «Хыпаре» [5, с. 14], а также включил в книгу воспоминания первых ее редакторов (Н.В. Никольского, С.К. Кириллова, П.А. Алексеева). Воспоминания Н.В. Никольским были написаны по рекомендации самого Петра Владимировича, так как они были на русском языке, для книги был сделан перевод на чувашский язык. Таким образом, читатели получили возможность из первых рук узнать, как издавались первые номера чувашской газеты «Хыпар», с какими проблемами и сложностями сталкивалась редколлегия и сам Николай Васильевич.

В предисловии к книге кратко характеризовалась литература, созданная о газете, особо обращалось внимание на то, что из-за цензурных соображений не всегда на страницах «Хыпара» указывалось авторство статей, поэтому некоторые публикации были помещены без указания авторов. В книгу также вошла основательная статья, посвященная самой чувашской газете «Хыпар». Она была написана с позиций, укрепившихся в советский период. А.П. Леонтьев отмечает: «П.В. Денисов ставит «Хыпар» 1906–1907 гг. в один ряд с революционно-демократическими изданиями, но не принимает эсеровскую направленность газеты» [5, с. 14]. Данный подход, на наш взгляд, нельзя ставить в вину П.В. Денисову, также, как и другим советским ученым, так как в тех условиях отклонение от официальных точек зрения было в принципе невозможно.

Следует отметить, что сборник, подготовленный П.В. Денисовым, стал очень популярным среди филологов, специалистов, занимающихся изучением чувашского языка и литературы, а вот историками он, к сожалению, используется меньше. Если в статье «Первая чувашская газета» Петр Владимирович только перечисляет вопросы и сюжеты, с которыми можно познакомиться на страницах газеты, то в издании «Хыпарҫăсем...» исследователь получает возможность более подробно все это изучить. Тем самым в руках ученых оказывается ценный источник о жизни чувашской деревни начала XX в. и периода первой русской революции, а также и по истории самой газеты «Хыпар».

Таким образом, П.В. Денисов был среди первых ученых Чувашии, приступивших к изучению газеты «Хыпар», творчества Н.В. Никольского, подготовившего к изданию важный массив источников по истории Чувашии начала XX в. Именно Петр Владимирович выступил инициатором появления воспоминаний о газете «Хыпар», автором которых стал создатель и первый ее редактор – Н.В. Никольский.

Список литературы

1. Владимиров П. Славный юбилей ученого / П. Владимиров // Молодой коммунист. – 1958.

2. Данилова А.П. Слово об учителе / А.П. Данилова, Л.А. Таймасов // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки. Статьи, очерки, рецензии. – 2008. – С. 4–18. – EDN IAMMLW

3. Денисов П.В. Первая чувашская газета / П.В. Денисов // Советская Чувашия. – 1956.

4. Димитриев В.Д. Н.В. Никольский - ученый, просветитель, общественный деятель / В.Д. Димитриев, А.П. Леонтьев, Г.Б. Матвеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – 303 с.

5. Леонтьев А.П. Хыпар: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы / А.П. Леонтьев. – Чебоксары: Хыпар, 2011. – 640 с.

6. Петров Н.А. Петр Владимирович Денисов (85 лет со дня рождения) / Н.А. Петров, О.Г. Вязова // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рожд. П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары. Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – 268 с.

7. Хыпарçăсем (Вестники. Произведения чувашских писателей, напечатанные в первой чувашской газете «Хыпар»). На чув.языке. / ред.-сост. П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1961. – 272 с.

Захарова-Кульева Наталия Ивановна
старший научный сотрудник
БУ ЧР «Чувашский национальный музей»
Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА ЧУВАШЕЙ В ТРУДАХ П.В. ДЕНИСОВА

***Аннотация**: в статье анализируются труды П.В. Денисова, в которых рассмотрены предметы чувашской традиционной одежды, украшения, их происхождение и параллели с дунайскими болгарами. В работе автор использует сравнительные материалы, опирается на археологические и лингвистические данные.*

***Ключевые слова:** П.В. Денисов, одежда, чуваши, болгары, розетки кĕскĕ, свадебный платок çулăк, головной убор сурпан.*

В чувашской гуманитарной науке П.В. Денисов оставил яркий след. Его перу принадлежат монографии и статьи, посвященные разным аспектам этнографии, в том числе и традиционной одежде.

В данной статье проведен анализ четырех трудов Петра Владимировича, в которых изложены его рассуждения по поводу происхождения и распространения основных предметов чувашской народной одежды.

1950–1954 гг. на основе экспедиционных исследований П.В. Денисов подготовил статью «Национальная одежда низовых чуваш южных

районов Чувашской АССР», в которой рассматривает изменения основных видов одежды низовых чувашей. Головные уборы чувашей он делит на «платки, полотенца (сурпан), покрывала (пёркенчёк), шлемообразные шапки (тухья) и конусообразные головные уборы (хушпу)» [3, с. 228]. Приводя примеры аналогичных чувашскому сурбану головных повязок из культуры разных народов, делает вывод, что «полотенцеобразные головные уборы восточных славян и мордвы имеют совершенно иное происхождение, чем аналогичный головной убор у тюркоязычных народов Азии» [3, с. 233]. Женские твердые головные уборы, похожие на *хушпу* по форме и созвучные по названию, встречающиеся у соседних народов (башкир, бесермян, мордвы-терюхан, некогда и у татар) П.В. Денисов связывает «с древними культурами Причерноморья скифо-сарматской эпохи, откуда он проник в районы Волго-Камья и далеко на восток, в Среднюю Азию» [3, с. 236]. По утверждению этнографа, посредническую роль между народами Поволжья и Востока играли булгары.

В костюме низовых чувашей он замечает влияние татар. Особенно много общего сохранилось с татарами-мишарями.

Мужские старинные рубахи «низовых чуваш по сравнению с современными шились гораздо длиннее и доходили почти до колена» – пишет этнограф. Однако отмечает влияние городской культуры, которое «особенно ярко прослеживается в селениях, близко расположенных к железной дороге и на юге около Алатырского района [3, с. 213].

В середине XX в. статья П.В. Денисова «Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР» являлась наиболее полно отражающей костюм низовых чувашей.

К предметам одежды обращается П.В. Денисов также в статье «Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа» [4]. Традиционную рубаху он связывает со степной культурой. Следуя за идеей С.П. Толстова о влиянии древнего Хорезма на поволжские народы, утверждает, что «туникообразные формы южной рубахи проникли к современным народам Поволжья именно восточным, более древним путем, распространяясь в Восточной Европе по волжской экономической магистрали вплоть до бассейна Оки» [4, с. 73].

Присутствие в женском костюме сурбана этнограф считает наследием «от булгарских предков» и его проникновение в Европу связывает с чалмообразными уборами «степных тюркоязычных народов Азии» [4, с. 75]. К степному происхождению относит он и каркасные головные уборы *хушпу* и *тухья*, аналоги которых имеются в костюме других народов Поволжья и Приуралья. Развитие этих параллелей он видит в ранней тюркизации «некоторых племен Волго-Камья», «начавшееся до середины первого тысячелетия н.э.» [4, с. 77].

В книге «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» П.В. Денисов обобщил историко-этнографические исследования в области этнокультурных параллелей дунайских болгар и чувашей [5]. В данном исследовании в качестве дополнительных источников он использует предметы одежды. Так, сходства с болгарскими рубахами этнограф находит «в типе покроя», «окантовке швов красной полосой, устройстве ворота и характере и вышивочного шва» [5, с. 17].

П.В. Денисов внес определенную ясность в историю происхождения орнамента *кĕскĕ* на чувашских женских рубахах. До появления его монографии другие исследователи (Н.И. Гаген-Торн, Н. И. Воробьев) высказывали странные и не обоснованные мысли. Так, по мнению Н.И. Гаген-Торн узоры *кĕскĕ* не являются древними [2, с. 34]. Н.И. Воробьев считал, что чувашские женщины эти узоры вышивали, смотря на снежинки [1, с. 267]. Однако они имеют шестиугольную форму и в их узорах никогда не увидишь орнитоморфных и зооморфных мотивов. Чувашские узоры *кĕскĕ* всегда строятся на пересечении четырех или восьми лучей и изобилуют фигурами древа и разных стилизованных животных и птиц.

П.В. Денисов обнаружил сходство также в технике исполнения нагрудных орнаментов чувашей и болгар. У обоих братских народов нагрудные розетки выполнены в технике косого стежка [5, с. 25]. У чувашей они больше всего распространены среди средненизовых чувашей. Этим односторонним швом в основном украшали нательную рубаху.

Ссылаясь на археологические труды А.П. Смирнова, этнограф утверждает, что «истоки лежат в искусстве скифо-сарматских племен» и «сюжеты вышивок с древом жизни привнесены в Среднее Поволжье тюркоязычными болгарскими племенами, тесные связи которых с сарматами подтверждаются археологическими данными» [5, с. 77].

Украшенные в розеточном стиле свадебные предметы, близкие по композиции чувашским наволочкам, в основе которых – «сильно геометризированные фигуры мирового древа», П.В. Денисов обнаружил у болгар-капанцев Разградского округа [5, с. 26]. Отличие заключалось в том, что болгарская свадебная подушка была вышита «на черном фоне шерстяными нитками красного, зеленого, черного и белого цветов, при этом последние два цвета являются ведущими» [5, с. 26]. Наволочки чувашских свадебных подушек, как правило, вышивали по домотканому белому холсту красными шелковыми нитками. Остальные цвета являлись второстепенными и особо не выделялись. Очень часто вышитые ромбовидные розетки окаймлялись шелковыми красными лентами в виде сетки.

В чувашской традиционной культуре вышитыми розетками украшали жениховые платки *çулăк*. Узоры на них так же, как и нагрудные *кĕскĕ,* строятся на пересечении четырех или восьми лучей, однако по мотивам отличаются. П.В. Денисов выявил у болгар-капанцев свадебный платок жениха, носимый «на спине четырехугольником наподобие матросского воротника» [5, с. 30]. Розетки, близкие по форме чувашским нагрудным узорам, встречаются на разных предметах и у других народов Поволжья и Приуралья.

П.В. Денисов находит параллели в прямоугольных передниках (болгар. *престилка* = чуваш. *чĕр çуттu*), носимых болгарскими и чувашскими женщинами. Оба народа их украшали счетной вышивкой. У болгар «распространенными мотивами являются человеческие фигуры с поднятыми вверх руками, изображение черепахи» [5, с. 31]. Петр Владимирович сравнивает их с «передниками из узорного тканья» средненизовых и низовых чувашей.

В музеях Чувашии передников, украшенных с вышитыми мотивами человеческих фигур с приподнятыми руками, не сохранилось. Однако в фондах Российского этнографического музея имеется небольшая коллекция заготовок с подобными мотивами. Большинство из них выполнено в

технике цветной перевити *шăтăкла*. Одна из заготовок с аналогичными узорами опубликована в книге «Чувашский костюм: от древности до современности» [9, с. 61, рис. 47].

Обязательным элементом чувашской традиционной одежды выступает пояс. В музейных коллекциях они представлены разными типами, как по технике изготовления, так и по форме. Чуваши всех возрастов как поверх нательной, так и верхней одежды, всегда опоясывались. Верховые чувашки выделялись ношением трех поясов и напуском рубахи на талии. Подобное явление П.В. Денисов выявил у болгарских женщин. Впервые это было описано в книге болгарского исследователя И. Коева [8, с. 33].

Болгарские женщины пояса пристегивают «металлическими пряжками «павти», украшенными геометрическими и растительным орнаментом», «филигранью или чеканом с большим количеством камней» [5, с. 34]. У чувашей до XVIII-XIX вв. богатые ажурные пояса не уцелели. П.В. Денисов их связывает с металлическими застежками, известными «казанским татарам, башкирам и чувашам под общим названием «*каптырма*» [5, с. 34]. В XIX в. среди верховых чувашей была традиция опоясываться одновременно двумя тканными поясами одной длины. С одной стороны, на определенном расстоянии, они заранее закрепляли концы с помощью пуговиц. При завязывании они оставались висячими с одного бока. С другой стороны, двумя оставшимися концами завязывали и концы также свисали вниз.

В середине и в конце XIX в. чуваши подвешивали к поясу холщовые подвески *сарă*. Вслед за ленинградскими этнографами (Н.И. Гаген-Торн и Г.А. Никитиным и Т.А. Крюковой) П.В. Денисов утверждает, что это вначале было широким и длинным поясом. В музейных собраниях, действительно сохранились единичные экземпляры вышитых длинных *сарă*. П.В. Денисов их сравнивает с поясами болгарских женщин «в окрестностях Охрила и Битоля» [5, с. 37–38].

Чувашский женский костюм выделяется обилием украшений, собранных из серебряных монет. Этнографические параллели П.В. Денисов наблюдал также в нагрудных украшениях болгар и чувашей. В Никопольском округе были распространены *низгръедник* «в форме прямоугольника из красного сукна, зашитого монетами, бисером и позументом» [5, с. 38]. Далее он пишет, что в районе Македонии «встречаются женские нагрудники из монет, напоминающие «*ама*» чувашских девушек» [5, с. 38].

Сходные элементы исследователь находит и в мужских головных уборах. По археологическим материалам для болгар характерен был островерхий головной убор. Ссылаясь на труды А.П. Смирнова, Н.И. Ашмарина, Н.И. Воробьева, П.В. Денисов делает вывод, что и чуваши носили островерхие колпаки в «дореволюционное время» [5, с. 39].

Чувашские девушки носили полусферические шапки *тухья*, унизанные бисером и монетами. Головные уборы с аналогичным названием имеют широкую географию распространения. Они бытовали и у дунайских болгар. Однако термин *таке* в их языке обозначает «берет». «Возможно, пишет П.В. Денисов, что слово «таке» у болгар в прошлом означало не только берет, а употреблялось и в отношении женских головных уборов» [5, с. 43].

Обряд смены девичьего головного убора на женский присутствовал в обрядовой культуре многих народов. Как правило, женские уборы

значительно отличаются от девичьих. У чувашей, например, они имеют открытую макушку и хвостовую часть. В один ряд к чувашским *хушпу* П.В. Денисов ставит болгарский «луб», распространенный на территории «северо-западной Болгарии». Ссылаясь на труд М.Г. Велевой «Българската двуспрестилчина носия» (1974), он дал следующее описание: украшен «полосками красной ленты, позумента, бисером и монетами. Сзади прикреплено белое покрывало в виде полотенца – *покосня* – с орнаментированными краями и бахромой на концах» [5, с. 45].

В чувашских полотенцеобразных головных уборах *сурпан* этнограф видит сходные черты с повязками замужних женщин Македонии и Болгарии, известных под термином «*месал*», а «в селениях Разградского округа они бытовали под названием *махрама*» [5, с. 51]. По оформлению и ношению они весьма близки чувашским аналогичным головным уборам.

Появление сурбана в традиционной народной одежде чувашей П.В. Денисов считает восточным влиянием и «посредническую роль в распространении его, вероятно, играли волжские булгары, имевшие тесные культурные и экономические связи с восточными народами» [5, с. 50]. Эта теории подтверждается и термином для его обозначения *сурпан*, имеющим персидское происхождение [7, с. 239].

В 1985 г. под руководством Р.Г. Кузеева были изданы историко-этнографические очерки «Народы Поволжья и Приуралья», в которой дана краткая информация о девяти народах: коми-зырянах, коми-пермяках, удмуртах, мордве, марийцах, чувашах, татарах, башкирах и калмыках. Раздел о чувашах подготовлен П.В. Денисовым и Л.А. Ивановым. В подразделе «материальная культура» в сжатой форме описана чувашская традиционная одежда и приведены пять фотографий чувашских женщин в старинных костюмах. Авторы отметили, что в момент подготовки книги «из традиционного комплекса национальной одежды в отдельных районах Чувашии продолжают бытовать женские рубахи и передники» [6, с. 187].

Таким образом, используя широкий круг сравнительных материалов, опираясь на археологические и лингвистические данные, в вышеназванных трудах П.В. Денисов доказывает, что основные предметы чувашской традиционной одежды и украшений связаны с восточной культурой и имеют параллели с дунайскими болгарами.

Список литературы

1. Воробьев Н.И. Народное изобразительное искусство / Н.И. Воробьев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. – С. 261–292.

2. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья: материалы по этногенезу / Н.И. Гаген-Торн. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 228 с.

3. Денисов П.В. Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР / П.В. Денисов // Ученые записки ЧНИИ. – 1955. – Вып. 11. – С. 210–251.

4. Денисов В.П. Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа / В.П. Денисов // О происхождении чувашского народа: сборник статей. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. – С. 71–95.

5. Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1969. – 176 с.

6. Денисов П.В. Чуваши. Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки / П.В. Денисов, Л.А. Иванов; отв. ред. Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1985. – С. 175–199.

7. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / Н.И. Золотницкий. – Казань: Императорский Казанский университет, 1875. – 279 с.

8. Коев И. Облекло и жилища на старото българско население въ Разградско / И. Коев // Известия на семинара по славянска филология при университета св. Климент Охридски. – Кн. 8. – София, 1942.

9. Николаев В.В. Чувашский костюм от древности до современности / В.В. Николаев, Г.Н. Иванов-Орков, В.П. Иванов. – М.; Чебоксары; Оренбург, 2002. – 400 с.

Сергеев Тихон Сергеевич
д-р ист. наук, профессор,
старший научный сотрудник
НИИ этнопедагогики им. академика РАО Г.Н. Волкова
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ ЧУВАШСКОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ ПРИ НАРКОМПРОСЕ РЕСПУБЛИКИ И ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ АССР В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ НАРОДА В 1930-е ГОДЫ

Аннотация*: в статье предпринята попытка раскрыть деятельность краеведческих организаций 1930-х годов – Центрального бюро краеведения при Наркомпросе Чувашской АССР (1931–1934) и Общества изучения Чувашской АССР (1934–1937) и их роли в сохранении и развитии этнокультуры народа в период индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, коренных культурных преобразований, развернувшихся в годы предвоенных пятилеток. Опираясь в основном на архивные материалы и незначительное количество имеющихся публикаций на эту тему, используя сравнительно-исторический метод и хронологический подход, автор на конкретных примерах показывает, как даже в условиях становления тоталитаризма и потери многих известных краеведов эти организации, особенное школьные, внесли определенный вклад как в экономику, так и в этнокультуру чувашского народа, способствуя укреплению его национальной идентичности.*

Ключевые слова*: Чувашская АССР, краеведение, природа, экономика, родной язык, этнокультура, экспедиции, диаспора, репрессии, историческая память.*

Краеведение (общественное движение по изучению природы, экономики, культуры, быта, духовной жизни на территории родного края), зародившееся еще в дореволюционный период, в годы советской власти приняло широкий размах. К десятилетию советской власти (1927) в стране функционировали 565 краеведческих музеев, 64 краеведческих исследовательских центра, 1765 краеведческих обществ [8, с. 52]. При

музеях возникали общественные краеведческие организации в виде обществ, их филиалов и ячеек.

Так, при Центральном чувашском музее, открытом в 1921 г., появилось Общество изучения местного края (ОИМК), после образования Чувашской АССР (1925) переименованное в «Общество по изучению Чувашского края» (ОИЧК). К своему пятилетию оно объединяло в своих рядах 155 человек, в основном чувашей, мужчин, служащих, лиц с высшим и средним образованием, каждый из которых был членом ВКП(б) иди ВЛКСМ [12, с. 295]. а в 1930 г. – на порядок больше [3, л. 1]. Филиалы и ячейки краеведения имелись во многих городах страны, в районных центрах и школах Чувашии. ОИЧК поддерживало тесные научные контакты со многими научными учреждениями, с Обществом изучения чувашской культуры, функционировавшим в столице в 1927–1931 гг., а также с известными учеными педагогами, историками, археологами, этнографами, лингвистами страны. В 1926–1929 гг. на территории Чувашии проводились геологические, ботанические, педологические, лингвистические, антропологические, археологические, этнографические экспедиции [12, с. 296]. На общих собраниях и заседаниях различных секций ежегодно заслушивалось и обсуждалось по 10–15 докладов по актуальным вопросам природы, экономики истории, этнографии, археологии, фольклору, музыке, языку, литературе [1, л. 168, 217 об.; 2, л. 66; 9, с. 3, 5, 12, 13]. Много внимания уделялось проблеме чувашского языка как основного элемента этнокультуры и самоидентичности народа, реформе чувашского алфавита, созданного И.Я. Яковлевым. К счастью, проблема латинизации языка избежала чувашей. По итогам исследований местных краеведов были опубликованы труды М.П. Петрова-Тинехпи, В.Ф. Смолина, К.В. Элле, Г.И. Иванова, Н.В. Никольского, Н.П. Юренева, А.П. Прокопьева-Милли и других краеведов о природных богатствах, истории, археологии, этнографии, языку, литературе, фольклору, музыке чувашей [1, л. 169 об., 218 об.]. Важными вехами в истории краеведения были проведенные в 1928 г. Первый Всечувашский краеведческий съезд в Чебоксарах с участием 115 человек и 80-летие со дня рождения чувашского просветителя И.Я. Яковлева с участием народного комиссара просвещения А.В. Луначарского в Москве. Таким образом, период «золотого десятилетия» 1920-х годов оставил заметный след в истории краеведческого движения в Чувашии [11, с. 22–29].

В годы первых пятилеток на культурном фронте, как и на других фронтах (военном и экономическом) применялись военные методы, рассчитанные на успех за короткие сроки в виде «недель», «декад», «месячников», о чем свидетельствуют сами термины «культштурм», «культэстафета», «культосада», «культбойцы» и т. п. В результате таких кратковременных усилий появлялись новые пункты ликбеза, избы-читальни, библиотеки, народные доима, музеи. Например, в ходе краеведческой декады на «краеведческом фронте» в декабре 1930 г. к 18 функционировавшим в Чувашии краеведческим ячейкам с 900 членами прибавилось 20 новых ячеек с 600 членами. В районах были проведены по два доклада на краеведческие темы. Повысилась посещаемость музеев [3, л. 1]. Однако такая штурмовщина в виде кратковременных кампаний не приводила к желаемому успеху, после них работа ослаблялась и пустилась на самотек. Правительственные органы не видели прямой выгоды от краеведения.

Мы согласны с мнением историка-архивиста Н.Ф. Козлова о том, что в 1930–1936 гг. краеведение подверглось полному «огосударствлению». В 1931 г. произошла перестройка краеведческого дела в целом. В постановлении Совнаркома РСФСР №396 от 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведного дела» были определены основные задачи краеведческих организаций: «изучение производительных сил и природных богатств страны, изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства и ускорения культурного роста страны, изучение, в частности, вопросов поднятия урожайности, внедрения новых культур, выявление новых предметов экспорта и прочее». Упор в сторону производства воспринимался не всеми. Дискуссии о новых моделях краеведения продолжались до 1933 г. [7].

В постановлении Совнаркома Чувашской АССР от 18 мая 1931 г. по докладу ОИЧК «О мероприятиях по развитию краеведного дела в Чувашской АССР» отмечалось, что ОИЧК не справляется со своими задачами, не вовлекает в свою работу широкие массы трудящихся. Постановление обращало внимание на необходимость усиления работы Наркомпроса в подведомственной ему сфере краеведения [5, л. 1–2].

23 августа 1931 г. ОИЧК было преобразовано в Центральное бюро краеведения при Наркомпросе Чувашской АССР с 9 секциями (промышленно-экономическая, естественно-географическая, сельскохозяйственная, труда и быта, историко-революционная, языка и литературы, музыкально-краеведческая, школьно-политехническая, музейная). С мая 1930 г. по январь 1932 г. на 24 общих собраниях Бюро было заслушано и обсуждено 30 докладов по разным вопросам экономики и культуры края, а также отчеты местных ячеек, в частности, Чебоксарского садово-огородного техникума и Ульяновского чувашского педтехникума (в 1922–1935 гг. он находился в ведении Чувашской АССР. – *Авт*.). Местными ячейками Бюро краеведения были тогда проведены экспедиции по изучению педологии, музыки, религии в районах Чувашии [2, л. 67–69].

Самостоятельные организации с их атмосферой творчества и свободомыслия в период нарастания культа личности Сталина и жесткого идеологического прессинга с осуждением «националистов» оказались невостребованными. Языковеды, искавшие пути усовершенствования яковлевского алфавита, были обвинены в «пуризме», «шарлатанстве», «мракобесии» и т. п. В 1931 г. перестало функционировать и Общество изучения чувашской культуры в Москве. Многие известные краеведы были подвергнуты незаслуженному унижению, травле, репрессиям, арестам и заключению в лагеря, в том числе М.П. Петров-Тинехпи, Е.З. Захаров, Н.В. Шубоссинни, Ф.Т. Тимофеев и др., а их труды изъяты из обращения [13, с. 340].

В конце 1934 г. на фоне изменений краеведческой системы Чувашское бюро краеведения было реорганизовано в «Общество изучения Чувашской АССР». Его Устав был утвержден Правительством ЧАССР 31 декабря 1934 г. Целью Общества названо «проведение всестороннего изучения Чувашской республики путем организации естественно-исторических, экономических и культурно-бытовых исследований, научная разработка вопросов изучения республики в указанных направлениях; распространение знаний в республике среди трудящихся масс и вовлечение их в

активную исследовательскую работу для дела социалистического строительства» [5, л. 3]. Таким образом, историческое, историко-культурное краеведение заменялось производственным.

В 1934 г. возникло Оргбюро по созданию краеведческих обществ во главе с председателями плановых комиссий или заместителей председателей исполкомов [6]. В отчете Оргбюро Общества изучения Чувашского края (бывшего Чувашского бюро краеведения) за 1934 г. отмечалось, что число краеведческих ячеек в Чувашии сократилось до 18, они функционировали лишь в 6 районных центрах, 4 техникумах, 8 общеобразовательных школах. Образцовыми к тому времени считались ячейки при Чебоксарском садово-огородном техникуме с охватом 60 человек и при Большечурашевской школе Ядринского района с охватом 50 человек, проводившие исследования по гидрологии, выявлению полезных ископаемых, стройматериалов [4, л. 5, 9].

Постановлением Совнаркома РСФСР от 10 июня 1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» деятельность Бюро краеведения была признана нецелесообразной. Распоряжением Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» общественные краеведческие организации были ликвидированы. В апреле 1938 г. Наркомпрос РСФСР в письме «О постановке и организации краеведческой работы» заявил, что «для краеведческой работы нет никакой необходимости создавать специальные и особые организации». Краеведение разрешалось лишь на уровне музеев, учебных заведений, культпросветучилищ [7]. Перестал выходить журнал «Советское краеведение», на страницах которого часто печатались достижения НИИ методов краеведческой работы. Получилось так, что исследовательские функции краеведения были переданы государственным краеведческим музеям, а образовательные и воспитательные функции – органам народного образования. Более или менее стабильно развивалось лишь школьное краеведение [8, с. 57].

Соответственно возрастала роль краеведческих музеев, число которых по стране за годы предвоенных пятилеток выросло до 400 [10, с. 312]. Роль научно-методического центра для краеведов Чувашии от Центрального чувашского музея перешла к созданному в 1930 г. НИИ социалистического строительства.

Хотя краеведческое движение в целом подверглось остракизму, вузовское и школьное краеведение поддерживалось, как средство идеологического воспитания молодежи. Краеведческую работу вели кафедры истории при педвузах, библиотеки и издательства, выпускавшие краеведческую литературу и карты, а также библиографические пособия по истории и культуре местного края. Значительную методическую помощь учителям-краеведам и пытливым поисковикам--школьникам оказала брошюра П.З. Озерова «Краеведение и чувашская школа» (Москва, 1927), где имелись разделы: Задачи школьного краеведения», «Методы работы с учащимися», «Краеведение и местное хозяйство», «Полезные дела следопытов», «Книги и обращение у учителю-краеведу». Школьное историческое краеведение сыграло важную роль в музейном и архивном строительстве, в охране памятников истории и культуры, вводя в научный оборот новые материалы по истории революционного движения, по истории городов и сел, колхозов и совхозов, учреждений образования и культуры. В

туристических походах и экскурсиях молодежь изучала родной край, впитывала в себя любовь к родным местам, патриотические чувства. Это оказалось, кстати, перед Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Союз краеведов Чувашии, воссозданный в 1991 г., в современных условиях демократизации общества и гласности набирается опыта по критическому использованию достижений предшественников и поднятию краеведения на должную высоту. Подготовка и издание четырехтомной «Чувашской энциклопедии» (2006–2011) и районных энциклопедий – яркое тому подтверждение.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 3.

2. ГИА ЧР. – Ф. 333. – Оп. 1. – Д.26.

3. ГИА ЧР. – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 54

4. ГИА ЧР. – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 74.

5. ГИА ЧР. – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 103.

6. Историческое краеведение в 1930-х – 2000 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://megaobuchalka.ru/4/56047.html7ysclid=ihogv09oit182726133 (дата обращения: 03.06.2023).

7. Козлов Ф.Н. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) / Ф.Н. Козлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ogosudarstvlennoe-kraevedenie-istoriya-i-uroki-po-stranitsam-zhurnala-sovetskoe-kraevedenie-1930-1936-1 (дата обращения: 05.06.2023).

8. Озеров А.Г. Краеведение: методические советы / А.Г. Озеров. – М.: Юный краевед, 2021. – 233 с.

9. Отчет Общества изучения местного края за 1921–1923 годы. – Чебоксары, 1924. – 49 с.

10. Разгон А.М. Краеведческие музеи / А.М. Разгон // БСЭ. – Т. 13. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – С. 312.

11. Сергеев Т.С. Краеведческие организации в изучении и сохранении родного языка и этнокультуры чувашей в 1920-е годы / Т.С. Сергеев, Е.В. Агаева // Этническая культура. – 2023. – Т. 5. №2. – С. 22–29. – DOI 10.31483/r-106790. – EDN XVFLYH

12. Сергеев Т.С. Общество изучения местного края // Чувашская энциклопедия. – Т. 3. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 295–296.

13. Ткаченко В.Г. Краеведение // Чувашская энциклопедия. – Т. 2. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – С. 339–340. – EDN XABOAT

Таймасов Леонид Александрович
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ЧУВАШСКОГО НАРОДА В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ П.В. ДЕНИСОВА

***Аннотация**: в статье рассмотрены научные исследования профессора П.В. Денисова, в которых представлено его видение этногенеза чувашей. Интерес к этой научной проблеме у него возник еще в годы учебы в Казанском университете, когда вопросы истории татар и чувашей приобрели особую актуальность в связи с принятием специального постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». К разработке вопросов этногенеза татар и чувашей были привлечены ведущие ученые страны. Благодаря тщательному анализу литературы, источников, полевых материалов, а также общению со своими учителями и коллегами, среди которых были Н.И. Воробьев, Н.В. Никольский, Е.П. Бусыгин, А.П. Смирнов, С.А. Токарев, Л.Н. Гумилев, В.Ф. Каховский, И.Д. Кузнецов и др., у П.В. Денисова сложилась твердая позиция по проблеме происхождения чувашского народа. В своих монографиях, научных и публицистических статьях он внес дополнительные аргументы в пользу булгаро-суварской теории. В разные периоды научной деятельности он испытывал влияние политических перемен, авторитетных мнений, что в той или иной форме нашло отражение в его публикациях, однако концепция булгаро-чувашской этнокультурной преемственности оставалась незыблемой. В современной историко-этнографической науке продолжают доминировать теоретические концепции происхождения чувашского народа, изложенные в концентрированном виде в его энциклопедических статьях.*

***Ключевые слова**: П.В. Денисов, этнолог, этнографические экспедиции, этногенез, этническая история, болгаро-суварская теория, чуваши, дискуссия.*

Тема этногенеза чувашского народа до настоящего времени является одной из наиболее актуальных и дискуссионных в региональной историко-этнографической науке. Существует большое число теорий и гипотез, получивших то или иное обоснование [14, с. 5–43]. Исследования Н.И. Ашмарина [1], В.Ф. Каховского [15], А.П. Ковалевского [16; 17], В.Д. Димитриева [14], Б.А. Серебренникова [20] и др. стали научно-теоретической базой болгаро-суварской концепции происхождения чувашского народа. П.В. Денисов стремился укрепить ее на основе анализа этнографических источников. Автор данной публикации ставит цель охарактеризовать отдельные монографии и статьи ученого, касающиеся вопросов этногенеза и этнической истории чувашей, не претендуя на детальный анализ всех теоретических положений.

П.В. Денисов еще в период обучения в Казанском университете следил за развернувшейся полемикой по проблеме истории татарского народа. Научная общественность поволжских республик тогда активно обсуждала постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г., в котором изучение истории Золотой Орды называлось «ошибкой националистического характера» [19]. Документ фактически требовал пересмотра этнической истории татар вне рамок золотоордынской концепции. Казанские историки Н.Ф. Калинин, Х.Г. Гимади при участии московских ученых Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, Л.В. Черепнина подготовили к изданию книгу «Очерки по истории ТАССР», в которой отрицалась роль Золотой Орды в этнической судьбе татар. Эта работа подверглась серьезной критике, однако явилась началом разработки новой концепции татарской истории. По рекомендации обкома партии руководство Института языка, литературы и истории Татарской АССР обратилось в Институт истории АН СССР за помощью в написании «Истории Татарской АССР». Для реализации данного научного проекта кураторами были назначены академик Б.Д. Греков и член-корреспондент АН СССР Л.В. Черепнин [18].

На расширенном собрании сотрудников института 26 декабря 1944 г., была фактически начата подготовка к научной сессии о происхождении казанских татар, состоявшейся с участием ученых отделения истории и философии АН СССР и Казанского филиала АН СССР 25–26 апреля 1946 г. Основные доклады сделали археолог А.П. Смирнов, антрополог Т.А. Трофимова, этнограф Н.И. Воробьев, лингвист Л.З. Заляй. Содокладчиками выступили Н.Ф. Калинин и Х.Г. Гимади. В прениях участвовали М.Н. Тихомиров, С.Е. Малов, Н.К. Дмитриев, А.Ю. Якубовский, С.П. Толстов, В.В. Богданов, А.Б. Булатов, Р.М. Раимов, Ш.И. Типеев. Участники сессии поддержали «линию партии» в вопросах этногенеза татар: отрицалось влияние Золотой Орды, и обосновывалась булгарская концепция [19].

В связи с актуализацией булгарского вопроса возникла необходимость рассмотрения проблемы происхождения чувашского народа. 30–31 января 1950 г. состоялась научная сессия отделения истории и философии АН СССР и Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, посвященная проблеме происхождения чувашского народа. Докладчики: археолог П.Н. Третьяков, антрополог Т.А. Трофимов, этнограф Н.И. Воробьев, лингвист В.Г. Егоров – стремились обосновать автохтонность чувашей [14, с. 11].

П.В. Денисов информацию о ходе научных дискуссий по вопросам этногенеза татар и чувашей получал из печати, от преподавателей, Н.В. Никольского, хорошо владевшего историографией вопроса, с которым он близко общался в годы учебы в Казани. Еще в студенческие и аспирантские годы молодой исследователь основательно изучил работы А.А. Фукс, В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, М.П. Петрова (Тинехпи) и др., в которых затрагивались вопросы этногенеза чувашей. Его научный руководитель профессор Н.И. Воробьев поддерживал автохтонную теорию, и это обстоятельство оказало определенное воздействие на формирование взглядов П.В. Денисова по проблеме этногенеза

татар и чувашей. Однако, анализируя литературу и источники, он приходил к самостоятельным выводам.

Глубокая проработка П.В. Денисовым проблемы этногенеза чувашей, его позиция к ней отразились в ряде научных публикаций. Одной из первых работ молодого исследователя по указанной теме явилась статья «Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа» [10]. Анализируя свидетельства древних авторов, труды ученых, привлекая материалы личных наблюдений, автор склоняется к булгаро-суварской теории происхождения чувашей. В упомянутой статье он сравнивает женскую рубаху, головные уборы, орнаменты, предания, религиозные верования, хозяйственные занятия чувашей с аналогичными элементами тюркских и финно-угорских народов и приходит к выводу, что этнографические материалы позволяют утверждать о доминировании булгарских элементов в материальной и духовной культуре чувашского народа, а финно-угорские «культурные нормы» возникли сравнительно поздно в результате «ассимиляции местного населения пришлыми булгаро-сувасами в X–XIII вв.» [10, с. 94].

Вопросы этногенеза получили отражение в монографии «Религиозные верования чуваш» [4], в которой П.В. Денисов сделал акцент на исторические этапы развития чувашской религии. Он полагал, что ранние формы религии у предков чувашей формировались в условиях первобытных отношений, когда существовало социальное равенство и отсутствовала эксплуатация человека человеком. Денисов основывался на марксистской формационной теории развития общества, объяснявшей возникновение классов и государства как результат совершенствования производительных сил, приведшего в свою очередь к появлению имущественного неравенства, к социальному расслоению общества. Современная наука иначе рассматривает многие процессы общественного развития, но это особая тема, и мы не будем ее здесь развивать. П.В. Денисов полагал, что возникновение Волжско-Камской Булгарии оказало огромное воздействие на этнокультурные процессы в Волго-Уральском регионе.

Автор считал, что под влиянием привнесенных переселенцами новых религиозных форм происходила деформация верований местного населения, прежде всего проявившаяся в формировании иерархии богов и духов во главе с верховным богом – *Мӑн Турӑ*. Также, по мнению ученого, принятие ислама в качестве государственной религии Волжской Булгарии повлияло на характер и ход этнокультурных процессов. Автором приведены конкретные примеры, отражающие исламское влияние на предков чувашей [4, с. 72–79]. П.В. Денисов делает следующее обобщение: «Материалы сравнительного этнографического изучения религиозных верований и обрядов волжских булгар и чуваш позволяют сделать вывод, что языческие верования чуваш имеют непосредственную связь с религиозными представлениями населения Булгарского царства» [4, с. 79].

П.В. Денисов полагал, что монгольское нашествие изменило этноконфессиональную ситуацию в регионе, вызывая вынужденные миграции и приток в регион новых этнических групп, что в конечном счете привело к формированию казанских татар и чувашей. По мнению ученого, основная часть булгарской феодальной верхушки пошла на сотрудничество с золотоордынской и казанской элитой: «Происходил процесс сращивания местной феодальной знати с завоевателями. Вынужденная

приспосабливаться к интересам господствующей верхушки, чувашская феодальная знать стала принимать ислам» [4, с. 81]. Вслед за феодальной верхушкой, проводившей политику исламизации своих подданных, значительные группы чувашского населения также переходили в ислам. «В результате проведения такой политики значительная часть чувашского населения, обитавшая в районах левобережья Волги, Приказанья, а отчасти и на правобережье Волги, была вынуждена принять ислам», – писал он [4, с. 82]. Исламизация вела к смене языка, общественного и бытового уклада, изменению этнической идентичности. Христианизацию чувашей П.В. Денисов рассматривал с позиций критики религии, выявлял негативные черты в государственной политике и деятельности духовенства. Однако признавал, что процесс языческо-православной синкретизации оказал воздействие на трансформацию традиционной культуры чувашей.

Большим вкладом в изучение этногенеза чувашей стала монография П.В. Денисова «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей». Известно, что для сбора источников он совершил научные командировки в Болгарию [9]. К этому времени ученый хорошо изучил работы болгарских исследователей, занимавшихся историей протоболгар, – И. Шишманова, Ст. Костева, Е. Петева, И. Коева. Поездки П.В. Денисова в Болгарию позволили усилить литературные сведения полевыми материалами.

Для аргументации имеющихся параллелей в материальной культуре чувашей и болгар ученый особое внимание уделил национальным костюмам. Сравнивая их, обнаружил схожие черты в элементах и деталях рубах, передников, головных уборов, вышивок, украшений, свадебных нарядов. Например, обратил внимание на близость нагрудной вышивки *кĕскĕ* чувашской женской рубахи к аналогичному узору на рубашках болгароккопанцев, схожесть узоров на свадебных подушках и т. д. [9, с. 26–27]. Анализируя материалы духовной культуры двух народов, П.В. Денисов пришел к заключению о наличии параллелей в мифологии, религии, произведениях фольклора, некоторых обрядах и т. д. Так, общие черты обнаружил в сказаниях о священном дереве, богатырях-исполинах, в былинах, почитании Тенгрихана, культе огня, воды, небесных светил, свадебных ритуалах и т. д. [9, с. 55–221].

Были внесены дополнения в собрание общих слов в чувашском и болгарском языках. П.В. Денисов основательно изучил исследования чувашских (В.Г. Егоров, М.Р. Федотов, М.Я. Сироткин и др.), болгарских (Е. Боев) лингвистов и дополнил их обобщения и выводы своими наблюдениями, полученными в ходе этнографических экспедиций по районам Чувашии и Болгарии. Ученый считал, что слова и термины, относящиеся к традиционной культуре, общественным отношениям, сохранили общие черты, несмотря на расхождение путей исторического развития болгарского и чувашского народов [9, с. 122–171]. По мнению В.Д. Димитриева, «книга П.В. Денисова внесла ценный вклад в решение проблемы этногенеза чувашей», усилив позицию сторонников концепции болгаро-чувашской этнокультурной преемственности новыми аргументами [9, с. 122–171]. Вопросы этнической истории чувашей П.В. Денисов рассматривал в ряде других работ. В частности, в статье, опубликованной в сборнике научных трудов в 1979 г., он сравнил их традиционные верования с религией тюркских народов

Сибири и Алтая и пришел к выводу о наличии общих черт, что подтверждало азиатские корни в происхождении предков чувашей [11, с. 109–131].

На утверждение булгаро-суварской теории происхождения чувашского народа существенное воздействие оказали обобщающие статьи П.В. Денисова «Чуваши» в «Советской исторической энциклопедии» [8], через два года эта статья была помещена в третьем издании «Большой советской энциклопедии» [6], а также публикация с аналогичным названием позже вошла в сборник «Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки» [7]. В них автор, опираясь на труды советских и зарубежных ученых, утверждал, что основную роль в этногенезе чувашей сыграли тюркоязычные волжско-камские болгары, заселившие в последней четверти 1-го тысячелетия лесостепные районы правобережья Волги, где смешались с местными финно-угорскими племенами, при этом болгарский элемент доминировал. Массовое переселение болгар-сувар (суваз0в) на правый берег он объясняет разорительным вторжением монголо-татар. Формирование этнических групп чувашей – верховых *(вирьял)*, обитавших в северо-западной части Чувашии, низовых *(анатри)*, размещенных в северо-восточной, южной частях республики и в значительном количестве обитавших за ее пределами, среднинизовых *(анат енчи),* населявших районы между первыми и вторыми, – происходило вследствие тюркизации местных племен, как считал ученый.

Таким образом, исследование проблемы этногенеза чувашского народа являлось одним из важных направлений в научном творчестве П.В. Денисова. Этнографический материал, полученный в ходе изучения литературных работ и документальных источников, проведения многочисленных экспедиций, в значительной мере способствовал утверждению болгаро-суварской теории. Публикации П.В. Денисова по вопросам этногенеза чувашей востребованы и активно используются современными исследователями.

Список литературы

1. Ашмарин Н.И. Болгары и чуваши / Н.И. Ашмарин // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1902. – Т. 18. – Вып. 1–3. – С. 1–132.

2. Вопросы этногенеза татар Поволжья, 1946 год. Сталинизм против татарской истории и языка и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZPxpdLJaY28Bj9c2 (дата обращения: 13.10.2023).

3. Денисов П.В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 270 с.

4. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 408 с.

5. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 476 с.

6. Денисов П.В. Большая советская энциклопедия. Чуваши / П.В. Денисов. – Т. 29. – 3-е изд. – М., 1978. – С. 239.

7. Денисов П.В. Чуваши / П.В. Денисов // Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. – М., 1985. – С. 175–199.

8. Денисов П.В. Советская историческая энциклопедия. Чуваши / П.В. Денисов. – Т. 16. – М., 1976. – Стб. 86–87.

9. Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. – 176 с.

10. Денисов П.В. Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа / П.В. Денисов – Чебоксары, 1957. – С. 71–94.

11. Денисов П.В. Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей / П.В. Денисов // Вопросы истории Чувашии в период феодализма и капитализма. – Чебоксары, 1979. – С. 109–131.

12. Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин: очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда / П.В. Денисов. – Чебоксары, 1977. – 108 с.

13. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине / П.В. Денисов. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 334 с.

14. Димитриев В.Д. Историография этногенеза чувашского народа / В.Д. Димитриев // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сборник. – Чебоксары: Изд-во Чуваш ун-та, 2004. – 312 с.

15. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа / В.Ф. Каховский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. – 463 с. EDN QOSUKB

16. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / А.П. Ковалевский – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. – 345 с.

17. Ковалевский А.П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана / А.П. Ковалевский. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. – 64 с.

18. О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации: постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/263103-o-sostoyanii-i-merah-uluchsheniya-massovo-politicheskoy-i-ideologicheskoy-raboty-v-tatarskoy-partiynoy-organizatsii-9-avgusta-1944-g (дата обращения: 13.10.2023).

19. Происхождение казанских татар: материалы сессии отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25-26 апреля 1946 г. в г. Москве (по стенограмме). – Казань: Татгосиздат, 1948. – 160 с.

20. Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1986. – 284 с.

Харитонов Михаил Юрьевич
канд. ист. наук, доцент,
заведующий кафедрой
Голюнов Александр Николаевич
магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ТРУДАХ П.В. ДЕНИСОВА

***Аннотация**: П.В. Денисов – чувашский историк и этнограф, внесший неоценимый вклад в изучение истории и культуры народов Среднего Поволжья, болгар и венгров. Один из самых известных исследователей жизни и творчества Н.Я. Бичурина. В статье предпринята попытка рассмотреть эволюцию биографического метода ученого на примере трудов о Н.Я. Бичурине и Н.М. Охотникове. Изучаются особенности применения биографического метода, проводится историографический анализ методики работы ученого.*

***Ключевые слова**: Петр Владимирович Денисов, Никита Яковлевич Бичурин, Никифор Михайлович Охотников, чувашская историография, биографический метод.*

Изучение биографий, анализ жизненных путей является одним из наиболее востребованных конкретных исторических методов. Биографический метод за многие века своего развития прошел путь от простых описаний отдельных выдающихся деятелей, чаще всего правителей, к сложным социально-психологическим портретам личностей, а порой и целых групп людей (коллективные биографии). В настоящее время биографический метод в социально-гуманитарных науках предстает как достаточно серьезная последовательная процедура с учетом многих аспектов, оказывающих влияние на исследуемую личность – социальных, политических, культурных, психологических и т. д. [1; 8].

В чувашской исторической науке имеются свои высокие образцы исследования биографий. Одним из таких ярких примеров являются труды Петра Владимировича Денисова. Среди его богатого научного творчества можно выделить работы, посвященные жизни и творчеству отдельных личностей. В его багаже – книги, статьи и очерки о видных ученых Н.В. Никольском, Н.И. Ашмарине, В.А. Сбоеве, коллегах-историках. Многие их них носят юбилейный или справочный характер. Но двум личностям «повезло» значительно больше – Никите Яковлевичу Бичурину, основателю отечественной синологии, и Никифору Михайловичу Охотникову, сподвижнику чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Первому из них – Н.Я. Бичурину – посвящены несколько статей и 3 книги Петра Владимировича, вышедшие соответственно в 1977, 1997 и 2007 гг [2; 4; 7]. Второму – Н.М. Охотникову – две статьи и книга, подготовленные на их базе 1986 г [3; 5; 6]. Полноценные научные исследования о них, воплотившиеся в отдельных книгах, стали своего рода визитными карточками П.В. Денисова.

В нашей статье мы поставили цель сравнить эволюцию биографического метода в трудах П.В. Денисова на примере трех разных изданий биографий Н.Я. Бичурина и работ о Н.М. Охотникове.

Первое, на чем мы должны остановиться при изучении книг П.В. Денисова о Н.Я. Бичурине, которые фактически были одной работой и написанием которой автор занимался более чем 30 лет (далее – мы будем чаще использовать термин «издание» для отдельных книг), то, что они имеют все же юбилейную направленность: книги о Бичурине выходили соответственно в годы 200-летия, 220-летия и 230-летия со дня его рождения. Приобщением к юбилею выдающегося ученого П.В. Денисов не только обозначал интерес читателей к его биографии, но и преподносил себя как исследователя, занимающегося актуальной темой: юбилейной датой, значимой для мировой и отечественной (тогда советской) науки.

Далее, обратимся к названию книг-изданий. Издание 1977 г. носило традиционное для биографий, вышедших в советское время, название: «Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда». Второе (1997 г.), на обложке своей книги, несло уже менее официозное название «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина». Здесь на первом месте сделан акцент на слове «жизнь», которое, действительно, более четко обозначало авторский взгляд. Изучение же творчества, трудов отходит на второй план; «творчество» как бы становится не основным стержнем повествования, а является частью «жизни». Необходимо отметить, что работа П.В. Денисова во всех трех изданиях не является «чисто» историографической, в ней не рассматривается вклад Н.Я. Бичурина по отдельным аспектам историй стран и народов, а делаются лишь общие замечания. Кроме того, мы видим в названии второго издания, акцентирование социального статуса «монаха» Бичурина, через использование его иноческого имени «Иакинф», что задавало другой настрой восприятию личности и биографического пути. Название книги изменилось и в третьем издании, которая стала называться «Слово о монахе Иакинфе Бичурине». Автор опять попытался сместить акцент в восприятии читателей. «Слово» – это с одной стороны, попытка защитить нашего ученого, дать ему высказаться, а с другой – это выражение уже авторской позиции П.В. Денисова, своего рода публичный манифест исследователя.

Цель своей работы П.В. Денисов явно определил только в первом издания: рассказать массовому читателю о важнейших вехах жизни и научного творчества Н.Я. Бичурина. В последующих изданиях этой формальности – нет. В них автор ставит цель по-иному: через краткую характеристику того, чем известен и важен для науки и культуры Никита Яковлевич, побуждая читателей к совместному со-изучению его биографии. В третьем издании важность личности Бичурина поднимается на новый уровень, оно подчеркивается словом «бессмертие». Осознание роли Н.Я. Бичурина для самого П.В. Денисова происходило постепенно, что можно наблюдать, анализируя введения разных изданий. В первом важность личности своего героя он еще пытается доказать и читателям и себе: большой текст во введении посвящен отзывам о Бичурине деятелей культуры и науки России XIX-XX вв. Во втором издании – число «ценителей» сокращенно до самых знаковых (А.С. Пушкина, К.П. Брюллова и еще нескольких), что автору кажется достаточным. В третьем – подтверждений значимости Н.Я. Бичурина со ссылкой на авторитеты уже не требуется;

ученый-историк сам полностью осознал масштаб его личности, а кроме того известность Иакинфа в широких образованных кругах нашей страны с 1977 г. значительно выросла. Наконец, П.В. Денисов ставит вопрос о роли Н.Я. Бичурина для Чувашии и чувашского народа. Поскольку Никита Яковлевич, родившийся в Чувашии, это не просто какая-то неприметная личность из провинциальной истории XIX в., а ученый, имеющий мировую известность и внесший огромный вклад в развитие изучения Китая в России и в мире, П.В. Денисов, фактически постулирует и значимость родины Бичурина – Чувашии – для мира и России, прежде всего как места, где сохраняется память о нем (добавим, что не забывает автор и о себе, как исследователе, внесшем определенный вклад в сохранение памяти о Бичурине). Интересно, что эти региональные аспекты выделяются только в первом и втором издании, в третьем – они отсутствуют. Чем это вызвано сказать сложно. Вероятно, третье издание изначально планировалось для общероссийского читателя к публикации в одном из центральных издательств.

Рассматривая другие характеристики разных изданий книги, заметим, что они не были простым переизданием. Это видно из такого простого параметра как объем отдельных изданий: первое – 7,56, второе – 21,93, а третье – 27,09 условных печатных листов. То есть по сравнению с первым изданием второе увеличилось в 2,9 раза, а третье по сравнению со вторым – в 1,2 раза (по сравнению с первым третье увеличилось в 3,6 раза). В отличие от первого последующие издания также гораздо лучше изданы и полиграфически оформлены. Количество иллюстраций выросло: первое – 7, второе – 62, третье – 94 (в третьем издании иллюстрации цветные и более качественные). С одной стороны иллюстрации увеличивали объем книги, а с другой – отражали изменение акцентов в повествовании. В первом издании иллюстрации в основном являлись обложками книг Н.Я. Бичурина. Во втором – изображения исторических личностей, городов, а также таких, где отражались быт тюрок, монголов, корейцев и китайцев. П.В. Денисов пытался заинтересовать читателей, показать, что окружало Бичурина в разных местах его жизни: своего рода это была попытка показать мир «глазами» Иакинфа. Третье издание еще более наполнено иллюстрациями, в т. ч. с известными портретами знакомых и ученых коллег, новыми изображением быта народов Востока. Появились изображения, характеризующие чувашскую культуру и обряды, фотографии храмов и монастырей, что является косвенным свидетельством изменения отношения к религии за 30 лет по сравнению с первым изданием биографии.

Переходя к содержанию, необходимо начать с оглавления книг. Названия пяти глав издания 1977 г., даны в форме изречений об Иакинфе в третьем лице, которые характеризуют его жизнь и деятельность. Во втором издании появляются три новые главы: «Во главе европейских китаистов», «Последнее десятилетие. Навстречу смерти», «Наследие». Именно они во многом повлияли на новый объем книги. В третьем издании многие названия глав были изменены. Они стали более информативны. Появилась новая глава: «Чувашское Поволжье – родина Н.Я. Бичурина». Интересно, что глава «Духовное звание было ему противно…» стала называться «На пути к Востоку: Казань-Иркутск-Тобольск», а глава «Последнее десятилетие. Навстречу смерти» – «На закате жизни». Необходимо также отметить, что в книгах, во всех изданиях, присутствовало приложение «Основные даты жизни и творчества Н.Я. Бичурина».

Еще в первом издании стал виден авторский стиль П.В. Денисова. Он не только останавливается на биографии Н.Я. Бичурина, но и дает небольшие вводятся экскурсы, например по истории христианизация Чувашии, реакция русского общества на декабристское восстание, т.е. пытается дать общий исторический фон, в которых действовал герой. Особенностью было и внимание к личным делам героя. Можно заметить, что достаточно часто акцент делается на жизненных проблемах и невзгодах, с которыми сталкивается Бичурин, его семья и близкие в различные периоды жизни: в детстве и юности, при попытках заняться научной деятельности и в старости. Подробно описываются способности юноши из чувашской глубинки к исследовательской деятельности. Издания 1997 и 2007 гг. выходили уже в совсем другое время. Изменилась общество и предпочтения читателей, изменился и автор, а также его приоритеты. Но изменения в книге произошли не только поэтому. За прошедшие 20 лет П.В. Денисов не переставал заниматься своей любимой темой: изучал литературу, источники, пытался использовать новые методики работы с материалом. В книге стало значительно больше информации. По многим вопросам ученый стал больше приводить точки зрения других исследователей. Появляется больше материала по семье Бичурина, обстоятельствам начала службы, встрече в духовной миссии, быте и жизни ученого в конце жизненного пути. П.В. Денисов проливает свет на некоторые неизвестные характеристики Бичурина: любовь к книгам, рисованию. Продолжает он изучать и отдельные общеисторические вопросы, связанные с биографией Н.Я. Бичурина. Так, одной из новых тем стало изучение языков народов Поволжья в Казанской духовной семинарии в XIX в. Мы видим обогащения изданий сведениями по истории албазинцев (потомков русских казаков в Китае), истории отдельных городов. Более явно стала видна творческая лаборатория Никиты Яковлевича: появляется комментирование его трудов и отзывов на него, полемика с другими исследователями. Наконец, новые издания предоставили гораздо больше сведений о наследии Бичурина. П.В. Денисов пытается выявить личный архив Иакинфа (в Казанской духовной академии, у родственников и знакомых). Новые аспекты в изучении Н.Я. Бичурина стали заметны в третьем издании, которое также имеет свои особенности. П.В. Денисов продолжил заниматься не только Бичуриным, но другими параллельными темами. Так, появляются сведения об этимологии чувашских собственных имен, а также информация о чувашских земляках и других деятелях Чувашского края. Наконец, в этом издании можно появление сведений об увековечении памяти нашего знаменитого деятеля.

Особо надо остановиться, как рассмотрены в разных изданиях отношения с различными деятелями культуры и науки. В первом издании представлено сравнительно немного такой информации. В частности, описывается полемика с деятелями зарубежного востоковедения, такими, как Ю. Клапрот, которому Бичурин, как правило, противопоставляется. Во втором издании, уже больше трактовок различных событий и отношений между людьми, которые делают повествование более объективным. Новинкой издания стало использование оценок трудов Н.Я. Бичурина различными учеными, подчеркивающими их достоинства и недостатки. Во втором и третьем изданиях появилась тема активной общественной позиции, занимаемой Н.Я. Бичуриным. Прежде всего, он содействовал развитию экономических и культурных отношений с Китаем. Например, пытался организовать школу переводчиков с китайского языка,

консультирует дипломатов, купцов и научных работников. Выступал в защиту культуры народов Восточной Азии, достаточно часто сталкивался с недопониманием. Такие сведения позволяют больше представить роль, масштаб и значение деятельности Н.Я. Бичурина, что было трудно увидеть в издании 1977 года. Наконец, в новых изданиях была пересмотрена роль церкви в жизни героя. Естественно, что поскольку первоначально исследование писалось в 1970-х гг., оно имело четкую антиклерикальную направленность, что в целом соответствовало идейной основе советской науки того времени. В издании 1997 г. появилась фраза, что жизнь Никиты Бичурина была так или иначе связана с церковью, которая «не могла ограничить его воли и духа монашеской кельей». Здесь уже чувствуется попытка отойти от позиции предыдущего периода. Можно заключить, что в постсоветскую эпоху сформировалось более объективное представление о жизни и деятельности Иакинфа, не отягощённое идеологическими предрассудками.

Перейдем теперь ко второй работе П.В. Денисова «Никифор Охотников. Очерк жизни и творческой деятельности». В отличие от Н.Я. Бичурина, который является личностью общероссийского масштаба, и чья деятельность отражена в большом количестве исследований, новый герой был другой, по образному выражению современных историков это т. н. «второстепенный» персонаж эпохи. Активный деятель чувашского просвещения, ученик, а потом учитель Симбирской чувашской школы, за свою недолгую жизнь (умер в 31 год), он внес и определенный вклад в сбор этнографических материалов и их исследование. Такой аспект понятен для региональной историографии. Однако для советского периода главным было то, что он являлся учеником В.И. Ульянова (Ленина), который подготовил его к сдаче экзаменов за полный курс Симбирской классической гимназии. Поэтому выбор Н.М. Охотникова как объекта изучения также имел и «конъюнктурные» основания. Этот сдвоенный интерес, с акцентом на последнем, был присущ и П.В. Денисову, обратившемуся к изучению его биографии. Его позиция отразилась даже в оформлении книги. В самом начале ее, на первом листе (где нет никаких других записей) следует цитата В.И. Ленина об обучении, а на пятой странице – перед введением, приводится цитата И.Я. Яковлева из письма 1918 г. к В.И. Ленину с напоминанием, что у того был ученик в годы юности. И наконец, в первом абзаце введения две ипостаси Н.М. Охотникова еще раз четко определены. Далее актуальность своей работы П.В. Денисов продолжает ролью Никифора Михайловича «для истории культуры чувашского народа», которую подчеркивали предыдущие исследователи его творчества. Наконец, П.В, Денисов обозначает и научную актуальность своего исследования: «нет ни одного обстоятельного исследования» по теме.

Отсутствие крупных научных работ о Н.М. Охотникове было отличием работы П.В. Денисова от работы над книгой о Н.Я. Бичурине, про которого имелась чрезвычайно богатая исследовательская литература, где приходилось найти свою отличную от других манеру изложения и фокусировку биографических событий. Другой особенностью был набор источников для исследования. Если в основу книги о Н.Я. Бичурине легли опубликованные материалы и сведения из работ других авторов, то в новой работе П.В. Денисов проявил себя именно как историк-источниковед. Он выявил как рукописи самого Н.М. Охотникова, так и других деятелей

просвещения и науки, а также отдельные документы о «учителе-чувашине», хранящиеся в разных архивах.

Структура работы состоит из 5 глав, совпадая по их числу с книгой о Бичурине. Однако названия глав отличается, и они навеяны названиями глав из воспоминаний самого Н.М. Охотникова, у которого они назывались практически идентично: «Детство», «Ученик», «Учитель». К ним П.В. Денисов добавил две – «Студент» и «Наследие» (обратим внимание, позже глава с таким названием появилась во втором издании книги о Н.Я. Бичурине).

Основная канва книги, особенно в начальной части, была основана на уже упоминавшихся воспоминаниях Н.М. Охотникова. Однако, исторический взгляд П.В. Денисова более широкий. Он не просто следует тексту воспоминаний; это построение широкой картины жизни чувашской деревни во второй половине XIX в.: географическая, социальная и национальная характеристика края, состояние экономики. Описывается роль общины и семьи в становлении молодого поколения. И далее, в других главах, поднимаются вопросы общественно-политической жизни, состоянии образования в Симбирской губернии. В этом мы видим тот авторский стиль, который мы встречали и в книге о Бичурине. Интересным стал раздел об ученичестве Н.М. Охотникова у В.И. Ульянова (Ленина). Здесь П.В. Денисов использовал практически все имеющиеся свидетельства о данном сотрудничестве (к удивлению Охотников, в своих воспоминаниях имя Владимира Ульянова не упомянул) и провел их верификацию. Еще одной особенностью этой книги П.В. Денисова стало широкое исследование рукописей Н.М. Охотникова, содержащих этнографические материалы с позиций содержащегося материала. С одной стороны, он дает характеристику этих материалов для будущих этнографов при их привлечении в возможных будущих исследованиях, а с другой, проводит историографическую оценку вклада Никифора Михайловича в чувашскую этнографическую науку.

Подводя итоги нашей работы по рассмотрению конкретного применения биографического метода П.В. Денисовым можно констатировать высокий уровень созданных им биографий. Со страниц его книг мы видим реальных живых героев, имеющих свои цели, ценности, совершающих поступки, порой ошибающихся, но стремящихся сделать мир лучше. И это не только потому, что и крупный ученый Н.Я. Бичурин и простой учитель Н.М. Охотников были цельными личностями, но и потому, что такими их смог показать исследователь жизни своих героев П.В. Денисов. Это качество характеризует книги, как созданные в советское время, так и позднее, когда наоборот, стали нигилистически относится к недавнему прошлому. За 30 лет, что стоит между разными изданиями книг, в нашей стране изменились страна, идеология, ценности людей, условия жизни и многое другое, неизменным оставалось одно: внимание П.В. Денисову к своим героям, его научная добросовестность и системность изложения материала. Представляется, что созданные им книги будут еще долгие годы служить как образец настоящих научных биографий.

Список литературы

1. Блоссфельд Х.-П. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы / Х.-П. Блоссфельд, И. Хъюнинг // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9. №1 (34). – С. 15–44. EDN MUKGXN

2. Денисов П.В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. – 272 с.

3. Денисов П.В. Историко-этнографические исследования Н.М. Охотникова / П.В. Денисов. – Чебоксары: ЧНИИ, 1985. – С. 70–89.

4. Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин: Очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. – 144 с.
5. Денисов П.В. Никифор Михайлович Охотников (Очерк жизни и деятельности) / П.В. Денисов // Вопросы истории дореволюционной Чувашии: сборник статей. – Чебоксары: ЧНИИ, 1984. – С. 3–30.
6. Денисов П.В. Никифор Охотников. Очерк жизни и творческой деятельности / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 127 с.
7. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 335 с.
8. Иванова Т.Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв.: сборник статей. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 167–176. – EDN CZZONK

Яковлев Валерий Иванович
д-р ист. наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы Российской Федерации,
заслуженный деятель искусств Республики Татарстан,
академик Петровской академии наук и искусств
ФГБОУ ВО «Казанская государственная
консерватория им. Н. Жиганова»
г. Казань, Республика Татарстан

Н.В. НИКОЛЬСКИЙ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

***Аннотация**: статья посвящена научно-исследовательской деятельности профессора Н.В. Никольского в области музыкальной этнографии. В качестве примера предпринимается попытка краткого анализа работы Н.В. Никольского «Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья» как одной из первых в региональной этномузыковедческой историографии.*

***Ключевые слова**: казанская этнографическая школа, Николай Васильевич Никольский, Петр Владимирович Денисов, песенный фольклор, музыкальные инструменты, историография.*

В истории изучения традиционной музыкальной культуры народов Волго-Уральского региона второй половины XIX – начала XX вв. важная роль принадлежала работам членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, ученым – представителям казанской этнографической школы, краеведам, многочисленным корреспондентам.

Особое место среди этих работ занимают научные исследования Николая Васильевича Никольского (1878–1961 гг.) – одного из ярких представителей казанской этнографической школы, доктора исторических наук, профессора Казанского университета, Восточной консерватории, Восточного педагогического института, Марийского педагогического института, члена Общества

истории, археологии и этнографии при Казанском университете, члена Русского географического общества.

Петр Владимирович Денисов (1928–2014 гг.) – выдающийся отечественный ученый-этнограф, создатель в Чувашии этнографической школы, анализируя и рефлексируя деятельность Н.В. Никольского в 20-е годы XX в. в своей статье «Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти» отмечает: «Одним из наиболее активных организаторов историко-этнографического изучения чувашей был Н.В. Никольский. В 1919–1922 гг. он возглавлял этнографический факультет Северо-Восточного археологического и этнографического института, с 1922 по 1931 г. заведовал кафедрой чувашеведения Восточного педагогического института в Казани. Он принимал активное участие и в создании чувашского отдела Государственного музея Татарской АССР. Учитывая большую потребность в учебных пособиях по этнографии чувашей и музыкальному фольклору народов Поволжья, Н.В. Никольский в тяжелой обстановке гражданской войны работал над созданием «Конспекта по истории народностей Поволжья» (Казань, 1919), «Краткого конспекта по этнографии чуваш» (Казань, 1919), «Конспекта по истории народной музыки у народностей Поволжья» (Казань, 1920). Несмотря на некоторые ошибки методологического характера, эти труды содержали большой фактический материал» [2, с. 12].

Подобная оценка П.В. Денисовым многоаспектной деятельности Н.В. Никольского в первые годы Советской власти, включающей его исследовательскую деятельность по созданию научных работ по фольклору и народной инструментальной музыке, имеет для нас методологически ценное -, концептуальное значение.

И действительно, источники свидетельствуют о том, что в 20-е годы XX века Н.В. Никольский принимал активное участие в становлении профессионального музыкального образования в Казани, в создании здесь новых музыкальных учебных заведений, в публикации специальных научных трудов (учебных пособий) по музыкальной этнографии народов Поволжья.

Так, совместно с профессором Казанского университета Н.Ф. Катановым, другими учеными, Н.В. Никольский участвовал в открытии Казанской центральной восточной музыкальной школы (1919 г.), Восточной консерватории (1921 г.) – первых специальных музыкальных учебных заведений в Поволжье, как отмечает сам Н.В. Никольский «для народностей Поволжья», «из среды самих национальностей лиц, которые с успехом могли бы заняться разработкой вопросов по местной музыкальной этнографии» [6, с. 3–4].

Примечательно, при Казанской центральной восточной музыкальной школе и Восточной консерватории по примеру Московской музыкально-этнографической комиссии была организована Казанская музыкально-этнографическая комиссия, в задачу которой входили сбор, изучение и публикация песенного и инструментального музыкального фольклора каждого народа региона. С этой целью Н.В. Никольским были разработаны и опубликованы научные труды историко-этнографического характера «Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья» и «Словарь по музыкальной этнографии».

Издание Н.В. Никольским «Конспекта по истории народной музыки у народностей Поволжья» и «Словаря по музыкальной этнографии»,

свидетельствуют о его постоянном научном интересе в течении длительного времени к проблемам музыкальной культуры народов Волго-Уралья, их песенному и инструментальному творчеству, к проблемам историко-этнографического изучения традиционных музыкальных инструментов, т. е. к проблемам этномузыкологии и этноинструментоведения. Все это подтверждается использованием Н.В. Никольским в своих музыкально-этнографических работах широкого (для того периода времени) круга источников по этномузыкальной проблематике, в частности, работ П.П. Сокальского, А.С. Фаминцына, В.А. Мошкова, А.Л. Маслова, И. Липаева, С.А. Рыбакова [6, с. 60–63],

Цель настоящей статьи, заключается в том, чтобы кратко попытаться проанализировать работу Н.В. Никольского «Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья», как одну из значимых работ в региональной этномузыкальной историографии в которой, с одной стороны, нашло наиболее концентрированное выражение сути понимания Н.В. Никольским актуальных музыкально-этнографических проблем, подходов к их разрешению, а с другой – как одну из первых научных работ, сыгравших важную роль в формировании музыкально-этнографического направления в изучении музыкальной культуры народов Волго-Уральского региона.

Работа Н.В. Никольского «Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья» (далее – «Конспект»), состоит из предисловия, пяти разделов и приложения.

В первом разделе «Конспекта», посвященном краткой истории музыкально-этнографического творчества в Поволжье, Н.В. Никольский высказал ряд важных для музыкально-этнографической науки положений. Во-первых, он выдвинул тезис о том, что «музыка нерусских поволжан развивалась в разных направлениях» под влиянием различных «географических, климатических, религиозных и гражданственных» условий жизни. Во-вторых, ученый утверждал, что «каждая эпоха оставляла свой след на музыкальном искусстве наших народностей», а именно: тюркских «народностей», «финских племен» и «монгольских племен» (калмыков). В-третьих, по его мнению, «каждая национальность налагала свой, ей только свойственный отпечаток на музыку», Н.В. Никольский подчеркивал, что «нет нации, которая не имела бы музыки: песен и инструментов» [6, с. 6].

Первоначальной родиной поволжских этносов Н.В. Никольский считал Азию. Здесь, по его мнению, и находились истоки их музыки, тогда еще общей [6, с. 7]. К сожалению, эта точка зрения Н.В. Никольского об азиатском происхождении поволжских народов в дальнейшем повлияла и влияет в настоящее время на интерпретацию исследователями некоторых научных вопросов, связанных с генезисом музыкальной культуры поволжских народов, и особенно на решение вопросов происхождения традиционных музыкальных инструментов.

Ряд существенных вопросов был рассмотрен автором «Конспекта» во втором разделе, названном «Музыкальные инструменты у народностей Поволжья с краткими историческими данными». Так, Н.В. Никольский затронул проблемы взаимосвязи музыкального инструментария поволжских народов с историей их происхождения и развития, одним из первых провел классификацию этого инструментария. Кроме того, выделил древнейшие музыкальные инструменты, дал описание конструктивных особенностей

отдельных музыкальных инструментов и выявил некоторые особенности использования музыкальных инструментов в быту.

Н.В. Никольский не без основания утверждал, что все музыкальные инструменты народов Поволжья «носят на себе отпечаток тех окружавших и окружающих условий, под влиянием которых совершалось историческое развитие народов Поволжья», и что в характере национальной инструментальной музыки проявлялись «климатические условия местности, занимаемой поволжанами и тех исторических судеб, под влиянием которых выработались национальный характер и быт» [6, с. 16]. Однако, из-за отсутствия в разделе глубоких научных объяснений этих положений, высказывания ученого носят несколько тезисный, декларативный характер.

Что касается древних музыкальных инструментов народов края, то, по мнению Н.В. Никольского, самым «первобытным орудием» для усиления звука был «собственный кулак человека», а «первыми творениями человека по инструментальной музыке» явились трещотки и барабаны, затем – духовые инструменты, а именно: трубы, свирели, свистки, волынки (или пузыри). Из древнейших струнных инструментов Н.В. Никольский выделил музыкальный лук [6, с. 16].

Большой научный интерес во втором разделе «Конспекта» представляют классификация музыкальных инструментов народов Поволжья и их описания. Основой первой послужила распространенная в науке второй половины XIX – начала XX вв. «трехчленная» классификация музыкальных инструментов. Согласно этой классификации музыкальных инструментов, Н.В. Никольский разделил музыкальные инструменты народов Поволжья на три группы: струнные, духовые и ударные.

Из струнных инструментов им были выделены: ятага, домбра, кобуз у киргизов, гусли у чувашей, думбра у калмыков. Из духовых инструментов: продольная флейта цибизга у башкир, киргизов, калмыков, пастуший рожок у башкир, волынка у чувашей, трубы у марийцев, киргизов, калмыков, варган у чувашей и марийцев. Группу ударных инструментов представлял барабан у чувашей.

С точки зрения современного подхода к проблеме систематизации (классификации) народных музыкальных инструментов и с учетом более детальной разработанности классификационных признаков этих инструментов в нынешней этноинструментоведческой науке классификация Н.В. Никольского имеет некоторые недостатки. Например, варган, помещенный Н.В. Никольским в группу духовых инструментов, в настоящее время относится к группе самозвучащих инструментов, а барабан – к группе мембранных инструментов.

На основании анализа работ русских инструментоведов А.С. Владимирского, А.Л. Маслова, В.А. Мошкова, Н.И. Привалова, С.Г. Рыбакова, А.С. Фаминцына, во втором разделе своего «Конспекта» Н.В. Никольским были даны описания всех классифицированных им музыкальных инструментов [1; 3; 4–5; 7–8; 9; 10–13]. Речь идет о кратких характеристиках конструктивных особенностей инструментов, их параметров, акустических свойств, особенностей функционирования.

Наиболее сложными и спорными, вплоть до настоящего времени, в описаниях музыкальных инструментов Н.В. Никольского, остаются вопросы происхождения этих инструментов. Например, Н.В. Никольский без тщательного анализа различных источников, без использования

местных материалов, воспроизвел противоречивую точку зрения А.С. Фаминцына об азиатском происхождении гуслей у народов Поволжья. Весьма спорными являются утверждения Н.В. Никольского об азиатском происхождении таких широко распространенных у народов Поволжья традиционных музыкальных инструментов, как трубы и барабана. Эти утверждения требуют научных доказательств.

По-своему интересен третий раздел «Конспекта» – «Главнейшие влияния на развитие музыкального и песенного творчества народностей Поволжья». Здесь Н.В. Никольский изложил собственное видение основных направлений взаимосвязей и взаимовлияний, происходивших в песенном и инструментальном творчестве финно-угорских, тюркских, славянских народов Поволжья в течение длительного времени. В качестве главных направлений он выделил славянское и арабское влияния.

Славянское влияние Н.В. Никольский связывал с началом христианизации края, ведя ее отсчет с XI в., а также появлением, начиная с XVI в., церквей, церковно-приходских школ. Именно через церковь и школу, по определению этого автора, в музыкальную культуру народов края, особенно чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян, проникали новые мелодии, новые песни и музыкальные инструменты. Кроме того, опираясь на работу А.С. Фаминцына «Скоморохи на Руси», Н.В. Никольский выдвинул тезис о влиянии на музыкальную культуру, развитие музыкального инструментария народов Поволжья «искусства скоморохов» [6, с. 30].

Арабские музыкальные влияния, по мнению исследователя, начались с X в., с принятием ислама. Через «арабских проповедников» законоведов, учителей и ученых, как предполагал Н.В. Никольский, арабская музыка «проникла» к татарам, башкирам, киргизам, «омусульманенной» части чувашей, марийцев, татар-кряшен и удмуртов. Из Багдада, по предположению ученого со ссылками на работы профессора Л.А. Саккетти, пришли новые инструменты – «лютня, канун (гуслеобразный инструмент), ребаб – струнный смычковый инструмент, скрипкообразный кеманге-а-гуц, духовые инструменты, например, цаплер, или цурна (род гобоя) и ударные инструменты, например, накари и дарбука (небольшой барабан)» [6, с. 35].

В четвертом разделе своей работы Н.В. Никольский, используя известные труды С.Г. Рыбакова, Н.И. Ашмарина, В.А. Мошкова, В.М. Васильева, А.Ф. Риттиха, М.Е. Евсевьева, рассмотрел, в основном, песенное искусство народов края (жанровые основы песенного искусства, их ладовые, мелодические и ритмические особенности).

Характеристике особенностей национальной инструментальной музыки и музыкальных инструментов он уделил незначительное внимание, выделив при этом весьма сложные и спорные вопросы о русских влияниях на музыкальные инструменты и инструментальную музыку народов Поволжья. Так, он полагал, что инструментальная музыка коми-зырян и коми-пермяков находились под сильным влиянием русской инструментальной музыки, а их музыкальные инструменты напоминали русские инструменты [6 с. 36]. Инструментальная музыка татар – плясовые мелодии и инструментальные варианты песенных мелодий, по словам Н.В. Никольского, «немногочисленна по сравнению с песенным творчеством» [6, с. 38]. Используемые ими скрипки и гармоники были отнесены к инструментам, заимствованным у русских.

Инструментальная музыка кряшен и нагайбаков, которые «в музыкально-этнографическом отношении составляют почти буквальное тождество», также, по мнению Н.В. Никольского, находилась под большим влиянием русской инструментальной музыки. Эти этнографические группы использовали из музыкальных инструментов «почти все русского происхождения»: балалайки, гармоники, гусли, скрипки, а также «сыбузга (чибузга), татарский инструмент, на котором играют молодые парни на святках» [6, с. 40].

У башкир, помимо своих национальных инструментальных мелодий, исполняемых на кураях, Н.В. Никольский отметил исполнение русских народных песен «Чижик», «Вдоль да по речке». Последнее было охарактеризовано как признак «русского влияния на башкир» [6, с. 48].

Весьма противоречивы высказывания Н.В. Никольского по поводу использования традиционных музыкальных инструментов и инструментальной музыки удмуртами. По его мнению, в быту удмуртов функционировали только русские народные инструменты – гармоника, балалайка и чувашский пузырь [6, с. 55]. Применение удмуртами музыкальных инструментов для сопровождения народных песен, якобы, было не принято.

Изложенные взгляды Н.В. Никольского относительно русского влияния на музыкальный инструментарий народов Поволжья, удмуртского музыкального инструментария, очевидно, отражали общий уровень историографии проблемы. Дело в том, что во второй половине XIX – начале XX вв. отсутствовали специальные научные работы по традиционным музыкальным инструментам народов Поволжья.

Чувашская инструментальная музыка в представлении Н.В. Никольского выглядела «более разновидной, чем у других народностей Поволжья». Ученый отмечал, что чуваши играют на гуслях (кёсле), скрипке (купас), на балалайке (тумра), гармонике (кармани, вархан), на волынке (шапар), простых дудках с пятью дырочками (шахлича), на берестяном пастушьем роге. Самый любимый из всех этих инструментов у чувашей – гусли, среди исполнителей на которых есть и мужчины, и женщины [6, с. 51]. Н.В. Никольский обратил также внимание на развитие у чувашей традиций инструментального ансамблевого исполнительства. По его наблюдениям, чуваши любили собираться вместе для ансамблевого музицирования и составлять «нечто вроде оркестра» из волынки, гуслей, гармоники, балалайки, скрипки и барабана [6, с. 51].

В завершающем разделе «Конспекта» Н.В. Никольский подчеркнул необходимость серьезного изучения «музыкально-этнографического творчества» народов Поволжья. Перспективной программой исследования музыкального песенного и инструментального творчества этих народов, по его мнению, могла быть программа, разработанная в 1906 г. Московской музыкально-этнографической комиссией [6, с. 68–72]. Эта программа предусматривала также изучение народных музыкальных инструментов и инструментальной музыки.

Оценивая место работы Н.В. Никольского в историографии проблемы, необходимо подчеркнуть следующее. Она стала первым обобщающим исследованием, одним из примеров специального комплексного музыкально-этнографического изучения песенного и инструментального народного творчества народов Волго-Уралья. Это было первое научно обоснованное учебное пособие по собиранию и изучению музыкального

фольклора (песенного и инструментального) для нескольких поколений музыкантов-этнографов, этноинструментоведов, музыкантов-теоретиков, фольклористов, филологов, историков.

Как показал анализ источников по истории этномузыкальной культуры Волго-Уралья, данная работа Н.В. Никольского не потеряла своей значимости вплоть до настоящего времени, особенно в аспекте решении современных проблем рекультурации – сохранения и возрождения традиционных музыкальных культур на новой – профессиональной основе.

Список литературы

1. Владимирский А.С. Волынка чувашская (О законах музыкальной гармонии и национальных инструментах) / А.С. Владимирский // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей принадлежащих. – М., 1868.

2. Денисов П.В. Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти / П.В. Денисов // Народы Волго-Уралья в истории культуры России: материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 28-29 сентября 2018 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – 396 с. EDN VVFXDQ

3. Маслов А.Л. Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве / А.Л. Маслов. – М., 1909.

4. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волго-Камского края. Музыка чувашских песен / В.А. Мошков // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1893. – Т.11. Вып.1–4. – С. 31–64, 167–182, 261–276, 369–376.

5. Мошков В.А. Труба в народных верованиях / В.А. Мошков // Живая старина. – 1900. – Вып. 3. – С. 297–352.

6. Мошков В.А. Труба в народных верованиях / В.А. Мошков // Живая старина. – 1900. – Вып. 4. – С. 451–524.

7. Никольский Н.В. Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья / Н.В. Никольский. – Казань: Первая государственная типография, 1920. – 72 с.

8. Привалов Н.И. Варган / Н.И. Привалов // Известия Санкт-Петербургского Общества музыкальных собраний. – 1903.

9. Привалов Н.И. Музыкальные духовые инструменты русского народа в связи с соответствующими инструментами других стран. Историко-этнографическое исследование / Н.И. Привалов // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. – 1907. – Т.7. Вып. 2. – С.101–198.

10. Рыбаков С.Г. Этнографическая характеристика татар, башкир и тептярей. Песни уральских инородцев (башкир) / С.Г. Рыбаков // Отчет Географического общества. – 1894.

11. Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. Исследование / А.С. Фаминцын. – СПб.: Алетейя, 1995. – С. 1–176.

12. Фаминцын А.С. Гусли - русский народный музыкальный инструмент. Исторический очерк с многочисленными рисунками и нотными примерами / А.С. Фаминцын. – СПб.: Алетейя, 1995. – С. 177–312.

13. Фаминцын А.С. Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа. Исторический очерк с многочисленными рисунками и нотными примерами / А.С. Фаминцын. – СПб.: Алетейя, 1995. – С. 313–536.

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Бойко Иван Иванович
д-р ист. наук, профессор
Харитонова Валентина Григорьевна
канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЖИТЕЛИ ЧУВАШИИ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация*: в статье рассмотрены результаты опроса жителей Чувашской Республики, в ходе которого они выражали личное мнение о характере межэтнических отношений в регионе. Мониторинговое обследование 606 респондентов прошло в октябре 2022 г. Сравнение полученных данных с материалами более ранних опросов свидетельствует об устойчивых положительных тенденциях в оценках межнациональных отношений в Чувашии.*

Ключевые слова*: этническая идентичность, социологические опросы, межэтнические отношения, этнокультурные особенности.*

Межэтнические отношения являются не только объектом исследовательского интереса, но и важным элементом государственной национальной политики. В России особенное внимание этой проблеме уделяется в регионах, которые не только являются контактными зонами людей разных национальностей, но имеют особый конституционный статус республик. С этой точки зрения изучение этнокультурных особенностей народов, проживающих здесь, наблюдения за межнациональными отношениями имеют большое значение как в теоретическом, так и в прикладном плане. Кроме того, они характерны значительными традициями. Если вести речь о Чувашии, то следует отметить, что этнографические экспедиции, изучение материального и культурного быта, в первую очередь, чувашского населения уходят корнями в XIX столетие. В условиях постсоветской России исследование, посвященные изучению этнокультурного развития и межэтнических отношений, начались в первом десятилетии XXI столетия. Полученные материалы отчасти нашли отражение в ряде публикаций. В течение трех исследовательски волн (2006, 2011, 2016) в рамках Всероссийского проекта, направленных на составление социокультурных портретов ряда регионов страны, были проведены масштабные опросы населения, в ходе которых были получены материалы в том числе и об этнокультурных особенностях населения республики. Первое

издание увидело свет в 2011 г. [8]. Затем вышли и два других издания. С 2009 г. опросы 600 жителей республики проводятся ежегодно в мониторинговом режиме. Первый комплексный документ такого рода был опубликован в 2012 г. [9]. Отдельные сюжеты нашли отражение в различных изданиях, как в статьях [1], так и в коллективных монографиях. Из последних изданий отметим труды, вышедшие в 2021 г. в Москве [10, с. 105–123] и Уфе [11, с. 173–182]. В каждой из них имеются материалы об особенностях языкового и культурного разнообразия в регионах страны, в том числе и в Чувашии.

В настоящей статье обратимся к материалам мониторингового обследования населения республики по проблеме «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике», которое было проведено в октябре 2022 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук. В составе 606 опрошенных жители 7 городов и сельских населенных пунктов 9 районов Чувашии. Доля горожан составила 61%, жителей сельских населенных пунктов – 39%. На мужчин приходилось 47%, женщин – 53%. Возрастное распределение выглядело следующим образом: 18–29 лет – 22%; 30–59 лет – 56% и 60 лет и более – 22%. Около 80% респондентов имели полное или же незаконченное высшее (43%) и среднее профессиональное (37%) образование. Опрошенные с общим средним образованием составили почти пятую часть респондентов (19%), а тех, кто имел неполное среднее образование и ниже – 2%. Семь из десяти опрошенных приходилось на работающих, в том числе 65% были в трудоспособном возрасте, а 5% – получали пенсию и одновременно трудились. Пенсионеры составляли 14%, студенты и учащиеся – 9%. Остальные приходились на тех, кто одновременно работал и учился, или же был безработным.

В целом, по демографическим и поселенческим распределениям состав лиц, попавших в выборку нашего опроса, соответствует данным государственной статистики. Такое же утверждение можно высказать и в отношении национального состава опрошенных. В их числе менее двух третей составляли чуваши (60%), немногим менее четверти – русские (24%), на татар пришлось 4%, на мордву – 2,5%, на марийцев – 0,4%. Кроме того, несколько опрошенных пришлось на украинцев, армян, кабардинцев, евреев, коми и представители других национальностей. Но это еще не весь «набор» этнических групп. В ряде публикаций мы неоднократно отмечали, что некоторые респонденты не считают возможным ограничить свою этническую принадлежность только одним выбором. Они одновременно причисляют себя, например, и к чувашам, и к русскими. Именно такой выбор сложной идентичности является в республике самым распространенным, что и неудивительно. Но встречаются такие сочетания, как мордвин и русский, татарин и русский, мордвин и чуваш и т. д. В ходе обследования 2022 г. одновременно посчитали себя чувашами и русскими почти 9% респондентов (2020 г. – 6,2%; 2021 г. – 8,3%). Возможность выбора сложной национальной идентичности была предусмотрена и переписью населения 2020 г. Применительно к Чувашии о необходимости такого шага мы писали в книге, посвященной организации и итогам Всероссийской переписи населения 2002 года, опираясь на конкретные случаи, описанные переписчиками

[5, с. 62]. По истечении двух десятилетий принятие решения о своей сложной национальной идентичности стало обыденным делом [4].

В ходе ежегодных мониторинговых опросов регулярно подтверждались данные о том, что около 15–20%, иногда чуть больше респондентов, проявляют интерес к национальной принадлежности лиц, с которыми приходится контактировать в обыденной жизни. Эти данные зафиксированы нами в ряде публикаций [6, с. 178] При этом следует иметь в виду, что речь не идет о негативных установках, а о нормальном любопытстве, о возможности узнать особенности культуры, языка других народов и т. д. Данные 2022 г. подтверждают ранее сделанные наблюдения, небольшая разница отмечена при оценке национальности случайного собеседника, но дистанция в 5 процентных пунктов не является значимой и может быть отражением конкретных ситуаций, имевших место в жизни тех или иных респондентов (табл. 1).

Следует учитывать, что при ответе на этот вопрос часть респондентов не отмечала все варианты. Речь идет о лицах, которые не работали или не учились, то есть они не могли оценивать предлагаемые им ситуации с точки зрения использования языков.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«*Придаете ли Вы значение национальности*?», (%)

	Случайного собеседника	*Коллеги по работе*	*Сокурсника*	*Соседа*
	2020			
Да	16,7	17,4	13,2	21,2
Нет	81,5	80,2	85,4	76,2
Затрудняюсь ответить	1,8	2,4	1,3	2,6
	2021			
Да	21,8	17,4	12,8	23,1
Нет	73,4	78,9	83,5	73,0
Затрудняюсь ответить	4,9	3,6	3,7	3,9
	2022			
Да	19,3	14,7	14,6	17,7
Нет	77,7	83,8	82,0	78,8
Затрудняюсь ответить	3,0	2,5	3,4	3,5

Нам уже неоднократно приходилось писать, что Чувашия является регионом, в котором в целом наблюдаются благоприятные межэтнические отношения. Они базируются на значительном историческом опыте совместного опыта проживания народов на данной территории, продуманной государственной политикой в этой сфере. В то же время мы регулярно подчеркиваем, что в ходе межэтнических контактов, которые постоянно наблюдаются чаще всего в городской среде, могут возникать и возникают ситуации, в ходе которых могут проявляться случаи грубости, неуважения между лицами разных национальностей. Конечно, подобные примеры встречаются и в случаях контактов людей одной этнической принадлежности, но нас интересуют

другие случаи, когда объектом «нападок» становятся «иные» языки, национальности, религиозные предпочтения.

Данные, помещенные в табл. 3, показывают, что около 30% респондентов как в 2021, так и в 2022 г. слышали негативные оценки их этнокультурных особенностей от представителей других национальностей. Этот показатель достаточно высок, но он заметно ниже сравнительно с началом второго десятилетия XXI столетия, когда доля тех, кто слышал о себе такие негативные оценки, составляла около 60% [1, с. 7]. Спустя десятилетие массовыми подобные высказывания не были, и примерно две трети опрошенных с ними не сталкивались. Отметим также, что в 2021 г. отдельные случаи подобных высказываний чаще отмечали чуваши, но дистанция между ними и русскими оставалась незначимой. В 2022 г. ситуация изменилась в сторону большей обеспокоенности русских, но и в данном случае следует констатировать, что и здесь разница между чувашами и русскими была совсем незначительной.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам в Чувашии за последние год–два слышать неуважительные высказывания о людях Вашей национальности, традициях, обычаях, языке Вашего народа от людей других национальностей?» (%)

Варианты ответов	*Всего**		*В том числе*			
	2021	*2022*	*2021*		*2022*	
			чуваши	*русские*	*чуваши*	*русские*
Да, приходилось часто	2,1	3,3	1,8	3,1	3,0	4,1
Да, приходилось, но редко	11,1	9,2	11,6	9,4	7,5	13,8
Да, были отдельные случаи	18,3	17,2	17,3	13,3	17,5	13,1
Нет, не приходилось	64,3	66,0	63,7	73,4	67,0	64,8
Затрудняюсь ответить	4,2	4,3	5,6	0,8	5,0	4,1

* Здесь и в других столбцах с обобщающими данными помещены ответы не только чувашей и русских, но и представителей других этнических групп

Но достаточно высокий показатель подобных нелицеприятных оценок, вовсе не означает, что он трансформируется в реальные действия, которые можно охарактеризовать как случаи притеснения, оскорбления и т. д. с опорой на этнокультурные особенности оппонентов (табл. 4). Следует отметить, что и десятилетием ранее наблюдался примерно такой же уровень негативного отношения к респондентам из-за их национальности [2, с. 110].

В 2022 г. наблюдается снижение этого показателя на 2,6 процентных пунктов, но такую величину не следует принимать за показатель определенной динамики, поскольку она в данном случае практически незначима. Дистанция между чувашами и русскими также реально отсутствует.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «За последние год-два приходилось ли Вам испытывать неудобства или негативное отношение к себе отношение в связи с Вашей национальностью, языком, религиозной принадлежностью?», (%)

Варианты ответов	*Всего*		*В том числе*			
	2021	*2022*	*2021*		*2022*	
			чуваши	*русские*	*чуваши*	*русские*
Да	4,7	2,1	3,8	3,1	1,4	4,9
Нет	89,3	91,4	88,1	96,1	92,8	88,9
Затрудняюсь ответить	6,0	6,4	8,1	0,8	5,8	6,3

Конкретные случаи подобного отношения, сводились к бытовым ситуациям, и о них поведали сами респонденты: «бытовая неприязнь», «обвинили в незнании чувашского языка и проживания на территории Чувашии», «из-за незнания языка», «нелестные высказывания в адрес моей национальности», «при разговоре на родном языке», «по причине незнания их языка» и др. Один из участников опроса попытался сделать обобщение, отметив, что «русских весь мир ненавидит (в данный момент)». Видимо, речь идет о специальной военной операции, но в данном случае трудно согласиться с таким вариантом, поскольку если и есть случаи негативного отношения, то они относятся ко всем гражданам России, а не только к русским. В целом, как видно из этих примеров, речь в основном идет о языке и национальности. Отметим также, что такие случаи чаще всего возникают спонтанно, в различных жизненных ситуациях. В то же время следует отметить, что если они происходят, то следует признать, что люди готовы использовать потенциальный запас негативных установок и стереотипов о «чужих». Если нет твердых убеждений такого рода, то следует констатировать отсутствие достаточного уровня культуры, сдержанности в случае потенциально конфликтогенных ситуаций. О наличии у части респондентов негативного отношения к «иным» свидетельствуют данные о чувстве неприязни, которые они испытывали к людям других национальностей. Об этом высказались 13% опрошенных. Другое дело, что эти настроения не проявились в реальных делах.

Общая оценка межнациональных отношений в республике остается стабильно положительной и уровень ее колебаний не является значимым. В 2022 г. 89,9% отметили, что в республике межнациональные отношения находились в пределах оценок, которые характеризуются как положительные (табл. 5). Об этом свидетельствуют оценки и более ранних

мониторинговых опросов, проведенные нами [9, с. 5–9], а также сведения, полученные в ходе других обследований [7, с. 140].

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили современное состояние межнациональных отношений в Чувашской Республике?» (%)

Варианты ответов	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*
Очень хорошие, дружественные	9,9	10,3	11,0	13,0	14,8	14,5
Хорошие	39,3	43,9	44,0	41,7	40,2	48,3
Удовлетворительные, терпимые	40,9	36,6	33,9	36,1	33,5	27,1
Неважные	4,1	4,2	4,4	2,7	4,2	2,2
Плохие, враждебные	0,7	0,3	0,7	0,4	0,8	0,5
Затрудняюсь ответить	5,1	4,7	5,4	6,0	6,5	7,5

Сравнительно с 2021 г. отмечено повышение положительных оценок на 1,4 процентных пункта, но мы в очередной раз должны отметить, что речь не идет о какой-либо закономерности, поскольку уровень подобных изменений не может об этом свидетельствовать, речь может идти о ошибках измерения, которые всегда наблюдаются в любых социологических опросах. Но главный показатель – это высокий положительный уровень межэтнических отношений, наблюдаемый в течение достаточно продолжительного времени. Причина этого, на наш взгляд, коренится в традициях добрососедства, сложившихся в течение столетий, а также в грамотной национальной политике, проводимой государственными и муниципальными органами власти республики, деятельности общественных организаций, представляющих интересы различных народов, проживающих в Чувашии.

Список литературы

1. Бойко И.И. Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике / И.И. Бойко // Вестник Чувашского университета. – 2013. – №4. – С. 5–9. – EDN RSXSCB

2. Бойко И.И. Межэтническая и межконфессиональная ситуация в Чувашской Республике / И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитонова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – №3. – С. 107–121. – EDN YLCYNV

3. Бойко И.И. Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии / И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитонова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – №2. – С. 31–38. – EDN XQWUPJ

4. Бойко И.И. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии / И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитонова // Вестник антропологии. – 2021. – №1 (53). – С. 104–120. – DOI 10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120. – EDN SJMUXJ

5. Бойко И.И. Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык / И.И. Бойко, Ю.К. Марков, В.Г. Харитонова. – Чебоксары, 2006. – 68 с. – EDN QOPDWT

6. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад за 2014 год. – Оренбург: Университет, 2014. – 190 с.

7. Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования. ЧГИГН. – Чебоксары, 2018. – 280 с.

8. Чувашская Республика. Социокультурный портрет. ЧГИГН. – Чебоксары, 2011. – 192 с.

9. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. ЧГИГН. – Чебоксары, 2012. – 88 с.

10. Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России. – М.: ИЭА РАН, 2021. – 620 с.

11. Языковое разнообразие в российских регионах: возможности развития. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2021. – 196 с.

Ефимов Лев Архипович
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОРМИНСКАЯ КИРЕМЕТЬ В ЯЗЫЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ «ВЕРХОВЫХ» ЧУВАШЕЙ

Аннотация*: в статье исследуются вопросы языческой религиозной жизни верховых чуваш до христианизации, показано устройство и деятельность Сорминскрой киремети, святым местом которого было киреметище, где проводились обряды моления и принятия жертвенных трапез. Киреметище находилось в лесу, севернее д. Актай Чувашско-Сорминской волости (ныне – на границах Аликовского и Моргаушского муниципального округов Чувашской Республики). Во второй половине XVIII века в связи с началом христианизации в чувашском крае, Сорминская киреметь была разрушена церковниками, а чуваши-язычники стали подвергаться преследованиям за поклонения языческим богам и киреметям. К настоящему времени в сорминском крае отголоски от язычества сохранились лишь в некоторых культовых обычаях и традициях.*

Ключевые слова*: верховые чуваши, язычество, Сорминская киреметь, языческие обряды, жертвоприношения, христианизация.*

У предков чувашей с древних времен была языческая религия, они верили в самостоятельное существование человеческой души. Считалось, что дух предков покровительствовал членам рода, мог и наказать их за непочтительное отношение. Самыми вредными и злыми божествами считались киремети, которые «обитали» при каждом селении и приносили людям бесчисленное множество несчастий (болезни, бездетность), пожары, засухи, градобития, грабежи, бедствия и т. д. В киремети будто бы превращались души злодеев и угнетателей после их смерти. Для нескольких родственных групп селений (или сельских общин) были общие святые места, как например – «Сурăм киремет». Она и стала объектом исследования в данной статье.

Река Сорма является притоком реки Цивиля, которая впадает в Волгу. Протяженность реки составляет 52 км. В верховьях реки Сорма, на правом ее берегу, к западу от села Чувашская Сорма и располагалась «Сорминская киреметь» – главное место жертвоприношения язычников-чувашей сорминского края. Киреметище находилось в лесу, севернее д. Актай Чувашско-Сорминской волости (ныне – на границах Аликовского и Моргаушского муниципального округов Чувашской Республики).

Можно предположить, что киреметь возникла тогда, когда первые чувашские материнские населенные пункты появились в междуречье Вылы и Сормы в период Золотой Орды. Спасаясь от золотоордынского ига

болгаро-чуваши переправились из левобережья Волги и заняли северные районы современной Чувашии, формируя этническую группу верховых чувашей «вирьял». После вхождения Чувашии в состав России в 1551 г., в чувашском крае было организовано воеводское правление в составе Чебоксарского, Ядринского, Свияжского, Цивильского, Курмышкого, Козьмодемьянского и Ядринского уезов (последний состоял из Ядринской, Выльской и Сорминской волостей). Вначале Сорминская волость состояла из считанного числа деревень, а волостной центр располагался в одном из селений по реке Сорма [1, с. 20].

Краевед Л.И. Иванов в книге «Формирование этнографических групп и подгрупп чувашей» указывает, что в междуречье Вылы и Сормы чувашско-болгарское население, по всей вероятности, прибыло еще в домонгольское время [3, с. 62]. Но в долинах этих рек раньше жили угро-финские племена, предки мордвы и мари в частности. Многие географические названия (ойконимы, гидронимы и др.) заимствованы чувашами от прежних аборигенов.

В чувашском язычестве наблюдался дуализм: вера в существование добрых богов и духов во главе с Верховным богом с одной стороны, и с другой – злых божеств и духов во главе с дьяволом [5, с. 73].

Киремет по поверьям чувашей – это самый злой дух. Чуваши-язычники считали, что она направляет на людей разные беды и болезни, приносит неурожайные годы, болезни для животных и «сухую беду», радуется, когда человек мучается в нужде. И только жертвоприношение спасало людей от неминуемых бед.

Как правило, центральным элементом любого киреметища было одиноко стоящее старое дерево (дуб, ветла, береза). Особенность чувашского язычества состояла в традиции умилостивления как добрых, так и злых духов. Жертвы приносились в киреметищах домашними животными, кашей, хлебом и т. п. За ними ухаживали мачауры (мăчавар). Они вместе с главарями молений (кĕлĕ пуҫĕ) совершали обряды жертвоприношений и молений. Добрым богам и божествам чуваши посвящали общественные и частные жертвоприношения и моления. В большинстве это были жертвоприношения и моления, связанные с земледельческим циклом: уй чӳкĕ (моление об урожае) и др. Леса, реки, особенно омуты и пруды, по поверьям чувашей, были заселены арҫури (подобие леших), вутăш (водяной) и другими божествами. Благополучие в семье и хозяйстве обеспечивал хĕртсурт – дух женского пола, в скотном дворе обитало целое семейство духов-покровителей домашней живности. Все надворные постройки имели духов-покровителей: хранители клети (кĕлетри ырă), погреба (нӳхреп хуҫи), сторож овина (авăн кĕтӳҫĕ). В бане ютился зловредный дух ийĕ – своеобразный домовой-костолом. «Загробный мир» представлялся язычникам-чувашам продолжением земной жизни. «Благоденствие» покойников зависело от того, насколько щедро потчевали их живые родственники на поминках.

Комплекс поминально-погребальных обрядов у чувашей-язычников свидетельствует о развитом культе предков. Умерших хоронили головой на запад, на могиле ставили временный памятник из плоского дерева в виде фигуры (салам юпи – «прощальный столбик»), осенью в октябре, юпа уйăх («месяц столба, памятника») сооружали на могиле умершего в

течение прошедшего года антропоморфный юпа – памятник из камня или дерева – мужской – дубовый, женский – липовый.

Святым местом был киремет карти – киреметище, где для моления и принятия жертвенных трапез возводилась срубная постройка без окон – кĕлĕ лаççи – со скульптурным изображением бога или богов и алтарем огня внутри, которое огораживалось четырехугольным деревянным забором. Сооружались они в отдаленно от селения месте (обычно на восточной стороне). Во внутрь киреметища вели трое ворот: северные ворота, обращенное к роднику или речке, служили для ношения воды, восточная – для жертвенных животных, западная – для людей. Около западных ворот устраивался жертвенник под навесом с перекладиной для подвешивания котлов, в которых варилось жертвенное мясо.

Раз в году, через неделю после праздника «Çинçе» из всех деревень Сорминского края собирались старейшины – «ват çынсем» на жертвоприношение Сорминской киремети по 10–15 мужчин на трех подводах. С первой подводой шло жертвенное животное – жеребенок (в стародавние времена жертвенным животным считалась лошадь вороной масти). На второй подводе – бочка с пивом, а на третьей – котел для варки жертвенного мяса и необходимые принадлежности трапезы.

В.К. Магницкий в статье «Заметки о Пугачевском бунте» приводит сведения, связанные с возникновением Сорминской киремети: «Когда Е. Пугачева окружили царские войска, один из его генералов вырвался из окружения и на своей лошади с серебряными уздой и подковами прискакал в лес около с. Чувашская Сорма. Здесь он был схвачен карателями и повешен на березе. Перед смертью генерал успел сказать: «Пусть здесь будет киреметь, и пусть чуваши меня почитают». Лошадь у него была сивая, а узда и подковы – серебряные. Чуваши, до сих пор не покидающие своих киреметей, Сорминской киремети приносят в жертву коньков (орхамах), приготовленных из муки и украшаемых золотом и серебром» [4, с. 93].

По рассказам старожилов удалось установить, что Сорминское киреметище представляло собой огороженную поляну Актайского леса (в 2-х км к западу от с. Чувашская Сорма) со старым вязом в середине. В ограде имелись три калитки: восточная – для ввода жертвенного животного, западная – для хождения молящихся, северная – для внесения воды. По правую руку от западной калитки стояло трехстенное помещение с крышей. В нем отсутствовала восточная стена. Далее стоял большой стол, на который укладывали жертвенное мясо. По обе стороны стола стояли деревянные скамейки для подвешивания котлов. После того, как положили мясо в котлы с водой и разожгли огонь под котлами, все присутствующие вставали лицом к востоку с шапками под левой подмышкой и за старшим йомзем (ворожеей) повторяли вполголоса слова молитвы. Моление продолжалось до полной варки мяса. Когда сваривалось жертвенное мясо, все садились на скамьи в трехстенное помещение лицом к отсутствующей стене и начинали трапезу. Продолжали обряд моления и жертвоприношения весь четверг и пятницу до полудня. К этому времени выпивали все привезенное пиво и съедали сваренное мясо, молились по каждому случаю просьбы, милости. К полудню третьего дня приводили в порядок территорию: сжигали потроха и крупные кости заколотых жертвенных животных, шкуру вешали на сушку, убирали площадку и, наконец, совали в

дупло старого вяза Мамаля окçи (деньги Мамаля). После этого все разъезжались по своим деревням. Оставался только жрец – мăчавăр.

Поскольку киреметище считалось чистым и святым местом, то здесь не допускались ни рубка леса, ни косьба травы, ни ловля диких животных. Нельзя было трогать и начавшиеся валиться помещения и ограждения. Вопрос об их обновлении решали йомзи. Через неделю после жертвоприношения Сорминской киремети начинался сенокос, затем – уборка зерновых, конопли, их обмолот, мочение снопов конопли и другие работы, связанные с уборкой посеянных и посаженных полевых и огородных культур. Перед началом молотьбы крестьяне совершали благодарственное жертвоприношение кашей (авăн пăтти) за собранный урожай богу и добрым духам [1, с. 133].

Кроме «Сорминской киремети», гласного места жертвоприношений верховых чувашей, киремети местного значения на территории современного Чувашско-Сорминского сельского поселения были: у д. Мартынкино – Чăх вар, Киремет вар, Чӳк вар; д. Яныши – Раман çирĕк киремет, Мăн киремет (Мигапар); д. Шор-Босай – Шĕнер киремет; д. Н. Хоразаны – Киремет çаран, Çĕн киремет варĕ, Йач киремет (выр ăн); д. Верхние Хоразаны – Яку киремет; д. Шоркасы – Йĕкĕр çырма киремет, Вĕри киремет; д. Кагаси – Вотлă çырма (Торхандей) в овраге, где в старину приносились кровавые жертвы злому духу «Торхандею», Сормварпось, Москани варĕ (урочище находилось в овраге, названном в честь некрещеного чуваша, игравшего свое время роль жреца при жертвоприношениях языческой эпохи), Парас осси [2, с. 72]. В рукописях священника Большешатьминской церкви Н.А. Архангельского, хранящегося в НА ЧГИГН, упоминается о том, что в середине 1750-х гг. по настоянию церковных властей огромное культовое дерево – сосна, служившая в киреметище на месте жертвоприношения чувашей д. Кагаси, было срублено и на 18 подвозах перевезено на р. Сорма для строительства водяной мельницы [6, л. 75]. Старожилы д. Кагаси рассказывали, «будто бы вокруг этой сосны новокрещённые чуваши перевенчивали венчанных в приходской церкви», что стало причиной уничтожения культового дерева [8, с. 29].

Таким образом, с началом христианизации в чувашском крае, Сорминская киреметь также была разрушена церковниками, а язычники чуваши стали подвергаться преследованиям за поклонения языческим богам и киреметям. В 1746 году в д. Чувашская Сорма была построена церковь во имя Преображения Господня. К 1765 г. более 90% чувашей сорминского края были обращены в христианство [7, л. 15].

К настоящему времени в сорминском крае отголоски от язычества сохранились лишь в некоторых культовых обычаях и традициях, таких как моление о дожде, жертвоприношения при похоронах (приносят в жертву птицу), а также на христианский праздник «Петров день» – 12 июля (забивают барашек), что подтверждает о переплетении христианских и языческих религиозных традиций у верховых чувашей.

Список литературы

1. Ефимов Л.А. Край Чувашский, край Сорминский: история и современность / Л.А. Ефимов. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед ун-т, 2020. – С. 133.

2. Ефимов Л.А. Чувашская языческая религия / Л.А. Ефимов // Край Аликовский. – Аликово, 1994. – С. 72.

3. Иванов Л.И. Формирование этнографических групп и подгрупп чувашей / Л.И. Иванов. – Чебоксары, 1992. – 62 с.

4. Казанские губернские ведомости. – 1866. – №16. – С. 93.
5. Матвеев Г.Б. Традиционные верования и мифологические представления / Г.Б. Матвеев // Чуваши: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов. – Т. 2. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд.-во, 2009. – С. 73.
6. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 609 (Фонд Элле В. К.). – Л. 75.
7. НА ЧГИГН. – Отд. 1. – Ед. хр. 189. – Л. 15.
8. Противомусульманский сборник. Вып. 5. – Казань, 1874. – С. 29.

Ласточкин Вячеслав Борисович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИНТЕГРИРОВАННАЯ СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация**: в статье методами сравнительно-исторического, историко-генетического и историко-системного анализа и синтеза исследованы процесс становления инновационной системы интегрированного непрерывного образования, разработанной и внедренной академиком Российской академии образования профессором Л.П. Кураковым и перспективы этой системы в условиях трансформации образовательного пространства нашей страны. Система непрерывного интегрированного образования, успешно внедренная в Чувашии и апробированная в ряде других, в том числе национальных, регионов России, дает дополнительную возможность получения полноценного высшего профессионального образования и дальнейшей карьеры жителям не только университетских мегаполисов, но и малых городов и сел и одновременно способствует развитию этнокультур и усвоению этнопедагогических ценностей.*

***Ключевые слова**: интегрированное непрерывное образование, гуманизация образования, гуманитаризация образования, этнокультура, Яковлев И.Я., Кураков Л.П.*

Под влиянием новых потребностей и вызовов нашего времени российское образование стоит на пороге очередной трансформации. Ее необходимость признают и ученые, и представленные в Государственной Думе РФ ведущие политические партии, и сами организаторы высшего и среднего образования нашей страны, и общественность. При этом, несомненно, влияние образования, просвещения на все сферы культуры, в том числе на этнокультуру, этнопедагогику многочисленных народов России. Таким образом, оно приобретает контуры важного звена государственной этнопедагогики, направленной, в соответствии со статьями 68 и 69 Конституции РФ, на сохранение и развитие самобытных языков и культур всех народов России.

Одна из моделей модернизации и интеграции высшей и средней школы была успешно разработана и внедрена с учетом национального,

этнокультурного, этнопедагогического компонента в конце XX – начале XXI века в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова под руководством его тогдашнего ректора – члена-корреспондента, затем действительного члена Российской академии образования (РАО), доктора экономических наук, профессора Л.П. Куракова, 80-летие со дня рождения которого общественность Чувашии отметила в январе 2023 года. На доме по улице Ленинградской в Чебоксарах, в котором он жил, была торжественно открыта мраморная мемориальная доска. Сам Лев Пантелеймонович не дожил до юбилея немногим более одного года.

Этот выдающийся организатор науки и образования стал третьим ректором ЧГУ в 1990 году в возрасте 47 лет и оставался на этом посту в течение двадцати лет. В истории России и ее системы просвещения это были трудные, кризисные, переломные времена, требовавшие энергичного и компетентного поиска новых решений, позволяющих обеспечить выживание и устойчивое развитие. Л.П. Кураков так оценивал ситуацию того времени: «Целое десятилетие Российская Федерация медленно деградировала, оттеснялась на обочину цивилизации государствами, не испытавшими разрушительных процессов, порожденных сначала приверженностью идеологическим догмам, затем поспешным приобщением к западной рыночной экономике, разрушением государственных институтов» [4, с. 7–8]. Вместе с государственностью под угрозу попала и сложившаяся десятилетиями уникальная система советского образования, и ее фундаментальная ценность – духовность. С болью в сердце Л.П. Кураков замечал: «Свобода на волне демократических перемен вылилась во вседозволенность, в возможность безнаказанно совершать самые неблаговидные поступки. Общество осталось один на один с безнравственностью, разгулом преступности, разбазариванием, разворовыванием созданных народным трудом богатств, коррумпированностью властей» [3, с. 4].

Не менее острой была и проблема обеспечения доступа к высшему образованию и связанной с ним дальнейшей профессиональной карьере жителей сельской местности и малых городов, значительную часть которых представляла молодежь коренной национальности. Чувашия в данном вопросе значительно отставала от среднего по СССР и Российской Федерации уровня. Л.П. Куракова явно тревожило такое сопоставление цифр по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: лиц с высшим образованием на 1 тысячу населения в возрасте 15 лет и старше в СССР тогда было 113 человек, среди русских – 115, среди чувашей – 62 человека, на каждую тысячу занятого населения в РСФСР приходилось 146, в Чувашии – 104, в т.ч. среди чувашей – 66 человек. В 1990 году на 10 тысяч человек населения в РСФСР приходилось 190, в Чувашии – 144 студента [4, с. 130]. Таким образом, несмотря на то, что в Чувашии к тому времени уже более двух десятков лет действовал свой государственный университет и в течение нескольких десятилетий – ряд других вузов или филиалов, республика явно отставала. Проблема еще более обострилась по следующей причине, тоже прямо и резко названной Л.П. Кураковым в его монографии об интегрированном образовании: «Так называемая перестройка, поспешная либерализация экономики, введение рыночных отношений не могли не затронуть сферу образования. Была разрушена довузовская подготовка, заброшена молодежь отдаленных мест: малых городов, сел, деревень. Их доля в общем числе студентов университета сократилась с 40 до 20%»

[4, с. 127]. А ведь в малых городах, поселках, селах (т.е. без учета Чебоксар и Новочебоксарска) проживала половина населения республики).

К этому необходимо ещё добавить, что именно село, по оценке классика этнопедагогики академика Г.Н. Волкова, выступает в роли коллективного хранителя высоких традиций этнокультуры – народной мудрости: «Крестьянская цивилизация – одна из древнейших и одна из величайших цивилизаций. Семья, род и община в этой цивилизации служат своего рода скрепом традиционных духовных ценностей, являясь живым корнем национальной культуры» [1, с. 111].

Тогда Л.П. Кураков предложил смелый инновационный путь решения назревшей проблемы, к реализации которого приступил почти сразу же после начала работы на посту ректора университета. Именно университет, как главный научный, образовательный, а в значительной мере – и культурный центр чувашского мира, где сосредоточены лучшие кадры национальной интеллигенции, призван стать ведущим звеном новой системы просвещения – интегрированного образования, охватывающей все звенья этой цепочки – от школьного и приравненного к нему элитного среднего (гимназии, лицеи, кадетские корпуса и школы и т. д.), а также дополнительного до высшего и поствузовского образования. Кураков «мечтал, чтобы республику захватила волна всеобщего образования, чтобы от столицы и до глухих деревень начали открываться гимназии, лицеи, школы для одаренных детей из малообеспеченных семей, учебно-консультационные пункты, библиотеки» [4, с. 131], – чтобы образование высшего качественного уровня стало доступным каждому и одновременно могучим средством сохранения и воспроизводства самобытных традиций этнокультуры.

Лев Пантелеймонович был вдохновлен подвигом нашего народного просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, которого сравнивал с Прометеем. Он особо подчеркивал, что система Яковлева уже при его жизни, ещё задолго до Октябрьской революции была востребована не только в родном Поволжье, но «стала всеобщей в просвещении национальных меньшинств дореволюционной России» [5, с. 40], в соответствии с решением Министерства народного просвещения была распространена на Казанский, Оренбургский, Одесский, Кавказский, Западно-Сибирский учебные округа, территории Туркестанского края, Иркутского и Туркменского генерал-губернаторств и т. д.

Подобно этому, ровно век спустя план Куракова, поддержанный первым президентом ЧР Н.В. Федоровым, Госсоветом, правительством, ведущими политическими партиями, общественностью Чувашии, обрел очертания государственного этнополитического мегапроекта. А ведь всего тридцать лет назад он был совершенно новым делом, – смелым шагом в неизведанное.

Сначала были открыты филиалы ЧГУ в Батыреве и Алатыре, потом – в Канаше и Новочебоксарске. Эти филиалы, по оценке Министерства образования РФ, уже в девяностые годы внесли важный вклад в решение острейших социальных проблем – уменьшили отток молодежи из сельской местности, повышение на базе филиалов квалификации специалистов с высшим и средним специальным образованием, приблизили образование к месту проживания студентов, для которых отпала необходимость ехать в Чебоксары или еще дальше. Эти филиалы, как и головной вуз, стали одновременно и центром местной социокультурной жизни,

т. е. духовного сплочения земляков. В деревне Чувашские Ишаки Батыревского района на личные сбережения Л.П. Куракова был построен и принят на баланс Батыревского филиала университета Дом Знаний «Туслах» («Дружба») с лицеем, библиотекой, лекторием и кинолекторием. В связи с этим обозреватель журнала «Духовное просвещение» Людмила Давыдова отметила: «Кураков начал делиться с Чувашией заработанными деньгами задолго до начала большой политической карьеры. И вкладывал средства не в бани, офисы и пивнушки, а в образование» [2, с. 31].

С учетом того, что Батыревский район граничит с Татарстаном и четверть его населения (а также значительная часть населения ближайших районов – Комсомольского, Яльчикского, Шемуршинского) составляют татары, в филиале университета была открыта специальность «Татарский язык и литература». В учебные планы других специальностей включены изучение татарского языка и истории татарской культуры. Так было достигнуто расширение языкового пространства для культурного и экономического взаимодействия проживающих на юге Чувашии русских, чувашей, татар, взаимообогащения этнокультур этих народов.

К 2000 году интеграционная структура ЧГУ включала 4 филиала, 4 региональных научно-образовательных центра с технопарками в Вурнарах, Козловке, Цивильске и Ядрине, 3 учебно-консультационных пункта, 2 гимназии, 15 лицейских класса 24 школы будущих менеджеров, 21 центр довузовской подготовки, Академию юных менеджеров в Чебоксарах. Учебно-консультационный пункт в Ульяновске стал одновременно центром культурной связи ЧГУ с многочисленной чувашской диаспорой Среднего Поволжья. Вся эта система позволила находить одаренных юношей и девушек, заниматься с ними, готовить их к продолжению образования.

Как и на век раньше опыт школы И.Я. Яковлева, опыт кураковской системы интегрированного образования стал вскоре достоянием всей мыслящей России. Родной внук И.Я. Яковлева, доктор физико-математических наук Иван Александрович Яковлев отмечает всероссийскую значимость мегапроекта интегрированного образовательного пространства: «В России университеты существуют с XVIII века, но ни один из них не создал филиалов, научно-образовательных центров в сельской местности. Это новшество затем внедрилось и в других национальных университетах, прежде всего Кавказа» [6, с. 10]. Внедрено оно и в далекой Якутии, где стимулирует возрождение и рост национальной культуры и национального самосознания. Там филиалы университета и центры довузовской подготовки открываются в самых отдаленных городах и районах, связанных со столицей только авиацией, и это имеет куда большее значение, чем в компактной густонаселенной Чувашии [4, с. 296].

Мегапроект интегрированного образования перспективен в плане модернизации образования и этнокультуры в будущем.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Духовное просвещение / Г.Н. Волков. – Чебоксары, 2006. – 206 с. EDN QUBJFX

2. Давыдова Л. Дом дружбы под созвездием Льва / Л. Давыдова // Школа духовности. – 2000. – №1. – С. 31–32.

3. Кураков Л.П. Будущее – в спасении интеллектуальных и духовных ценностей, сохранении нравственных ориентиров / Л.П. Кураков // Школа духовности. – 2000. – №1. – С. 4–11.

4. Кураков Л.П. Интегрированное образование: истории и итоги. – В 2 кн. Кн. 2. Приоритет государственных интересов / Л.П. Кураков. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. – 298 с.

5. Кураков Л.П. Прометей из чуваш. Размышления о выполнении Завещания И.Я. Яковлева / Л.П. Кураков. – 3-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. книжн. изд-во, 1999. – 224 с.

6. Яковлев И.А. Предисловие / И.А. Яковлев // Кураков Л.П. Прометей из чуваш. Размышления о выполнении Завещания И.Я. Яковлева. – 3-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. книжн. изд-во, 1999. – С. 7–11.

Халилова Лейсан Ринатовна
научный сотрудник
Институт татарской энциклопедии и регионоведения
ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
г. Казань, Республика Татарстан

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ТРАДИЦИЙ ТАТАРСКОГО НАРОДА

***Аннотация**: статья посвящена изучению региональной специфики решения вопроса культурно-национального развития татар Челябинской области. Автор рассматривает деятельность общественных организаций, направленных на сохранение этноконфессиональной самобытности татар.*

***Ключевые слова**: татары, Южный Урал, Конгресс татар Челябинской области, национально-культурная самобытность, общественные организации, творческие коллективы.*

Татары относятся к числу дисперсно расселённых народов. На территории Республики Татарстан проживают только около 25% всех татар. На протяжении нескольких столетий отдельные группы поволжско-приуральских татар периодически переселялись в другие регионы. В каждом случае это было продиктовано определёнными политическими и социально-экономическими обстоятельствами. Начало массового переселения татар на территорию Челябинской области было связано с падением Казанского ханства. Второй этап миграции произошел во 2-й трети XIX века в связи с освоением Южного Урала. В тот период татары участвовали в строительстве и охране засечных черт и крепостей, играли ведущую роль в меновой торговле с народами Казахстана и Средней Азии. Следующая волна миграции татарского населения на Южный Урал была вызвана интенсивным промышленным развитием региона в конце XIX века [6, с. 280].

На территории Южного Урала проживает свыше 3,4 млн человек. Это представители самых разных национальностей. Около 80% – русские, на втором месте по численности – татары, на третьем – башкиры. Есть тут украинцы, казахи, немцы, белорусы, мордва и другие [5].

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. в Челябинской области проживают 120 242 татар (4,1% населения). Они компактно проживают в городах Челябинск (в 2020 г. – 37074 чел.), Магнитогорск (10422), Златоуст (6489), Копейск (4974), Миасс (3062), Троицк (3057), Озерск (2414),

Верхний Уфалей (1362); а также в Кунашакском (9351), Саткинском (6786), Ашинском (3793), Варненском (1963), Нязепетровском (1523) и Уйском (1501) районах [7]. В области 88 населённых пунктов, в которых преобладает татарское население.

В современной действительности, в условиях постоянного развития многоэтнического общества и ассимиляционной интеграции российским народам, все труднее становится сохранить самобытность своей национальной культуры: язык, традиции, обычаи. В связи с этим представляется актуальной задача выработки путей и способов этнической мобилизации и консолидации татарского народа, сохранения национально-культурной самобытности татар в иноэтничной среде.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в области, как и в других регионах страны, произошел всплеск массового движения по сохранению родного языка, традиций и культуры своего народа. Главную роль в этом общественном порыве сыграли национально-культурные объединения городов и районов области. В апреле 1988 г. в г. Челябинск был создан Татаро-башкирский культурный центр. Его основателями выступили учёные, писатели, поэты – Л. Алмаева, Р. Валеев, Ш. Гайнуллин, С. Гараева, У. Сафиулин, Р. Шагалеев и другие. Первый Устав был написан кандидатом исторических наук, доцентом Л.М. Алмаевой. В эти годы же стали возникать татарские и татаро-башкирские общественные организации в городах Магнитогорск, Троицк, Еманжелинск, Златоуст, Сатки, Усть-Катав, Верхний Уфалей [6, с. 281].

Одним из крупных учреждений культуры Челябинской области является общественная организация «Конгресс татар Челябинской области». Отправной точкой её создания стал второй съезд Всемирного конгресса татар (г. Казань, 1997 г.), в работе которого приняли участие представители Челябинской области: заместитель главы администрации Центрального района Р.Х. Гибадуллин, Глава Кунашакского района Ф.С. Имангулов, руководитель Татаро-башкирского культурного центра М.И. Губайдуллин, поэт Б.Ш. Рафиков, композитор Р.М. Бакиров, председатель Совета Ассамблеи народов Челябинской области Л.М. Алмаева. Делегатами съезда было принято общее решение о необходимости участия южноуральского региона в общем национальном движении. 27 марта 1998 г. в Челябинском государственном академическом театре оперы и балета имени Глинки состоялось первое пленарное заседание Конгресса татар Челябинской области. Самые многочисленные делегации представляли Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Миасс, Сатку, Троицк, Копейск, Кунашакский, Ашинский, Нагайбакский районы. Был принят Устав организации, резолюция и несколько обращений – к татарскому народу, к Губернатору Челябинской области и к Президенту Республики Татарстан. Главным документом стала «Программа национального возрождения и развития татар Челябинской области 1999–2003 гг.» как составная часть «Программы региональной политики возрождения и развития народов Урала» [3]. 16 июня 1999 г. состоялось первое заседание исполкома Конгресса, на котором были избраны председатель Конгресса – Равиль Хамитович Гибадуллин, председатель исполкома – Сания Вахитовна Шевченко. С первых дней создания и по настоящее время основные цели организации направлены на удовлетворение культурно-просветительных, общественно

значимых духовных потребностей татарского населения Челябинской области, сохранение и развитие национально-культурного наследия, возрождение татарского языка и народных обычаев. Проходят первые районные и областные олимпиады по татарскому языку. Впервые на Южном Урале. Благодаря сотрудничеству с Челябинским педагогическим университетом появляется возможность получения специальности «преподаватель татарского кружка». С мая 2004 г. председателем был избран заместитель Главы Администрации Челябинска Альберт Хусаинович Еналеев. В 2005 г. делегация из региона приняла участие в празднование тысячелетия в Казани, в 2007 г. в столице области прошёл Всероссийский Сабантуй. Осенью 2009 г. председателем исполкома избрана Лена Рафиковна Колесникова. Одним из важнейших достижений Конгресса татар является сохранение и популяризация татарского языка, традиций, культуры и вовлечение в национально-культурную просветительную работу жителей всего Южного Урала, активное сотрудничество с представителями органов всех уровней власти. Члены общества ведут активную работу по привлечению внимания татарской общественности к необходимости сохранения языка и культуры татарского народа в условиях города, содействуют всестороннему развитию личности средствами культурно-просветительской деятельности; создают условия для практического осуществления программ сохранения и возрождения традиций народного творчества, поддержки инициатив самодеятельных коллективов и содействуют их реализации, возрождения приверженности к национальным, духовно-нравственным обычаям и традициям; выявления и поддержки талантливой молодёжи, обеспечения условий для саморазвития и роста самосознания молодого поколения; пробуждения и укрепления интереса молодёжи к всестороннему развитию, укрепления дружбы и толерантности; повышения культурного уровня жителей Челябинской области.

Инициатива получила широкую поддержку во многих городах и районах Челябинской области, начиная с 2009 г., открыты отделения Конгресса татар в городах и районах области, созданы татарские общественные организации, среди которых: Центр татарской и башкирской культуры, Союз Татарской Молодёжи Челябинской области, Центр информации и культуры «Дуслык», Областной культурно-досуговый клуб «Уралым» в г. Челябинск; благотворительный фонд «Иман» в г. Магнитогорск; Центры татарской культуры в городах Троицк, Бакал, с. Варна, Центры татаро-башкирской культуры в городах Златоуст, Сатка, Еманжелинск, Коркино, Чебаркуль, Нязепетровск [3]. В течение 30 лет татарское общество Челябинской области смогло сплотить вокруг себя интеллектуальные силы своего народа, привлечь интересы бизнеса и, самое важное, – смогло конструктивно взаимодействовать с руководством области, городов и районов.

Традиционная праздничная культура представляет поистине уникальные возможности, несут большую эмоциональную и воспитательную нагрузку, обеспечивая передачу традиций из поколения в поколение. В то же время выполняет заметную интеграционную функцию в межнациональных отношениях. Самым светлым и торжественным весенне-летним праздником издавна у татар считается Сабантуй, празднуемый в разных форматах – от сельского до федерального уровня. Ежегодно в Челябинской области проходят городские и районные Сабантуи, которые охватывают всю

географию области: Челябинск, Аргаяшский, Ашинский, Кунашакский, Нязепетровский, Нагайбакский и Чебаркульский районы, Еманжелинский, Усть-Катавский, Саткинский, Верхне-Уфалейский, Миасский и Снежинский городские округа. В 2007 г. в Челябинске прошёл 8-й Федеральный Сабантуй, 2012 г. в пос. Дубровка Красноармейского района при поддержке Губернатора Челябинской области, правительств республик Татарстан и Башкортостан, Конгресса татар Челябинской области состоялся Всероссийский сельский Сабантуй, в 2015 г. – в Троицке состоялся областной Сабантуй.

В крае регулярно проводятся областные татарские праздники и конкурсы: Курбан-Байрам, Навруз, «Сюмбеля», «Бэлеш-шоу», «Уйнагыз, гармуннар!», проводятся турниры по борьбе куряш, фестивали национальных культур «Уралым» (г.Миасс), «Туган як» (г. Озёрск), татарского песенного творчества «Хэтер» (г. Магнитогорск), «Тукаевские чтения» (г. Златоуст), конкурс красоты и таланта «Татар Кызы» и др., ежегодно с 2010 г. при поддержке Министерства образования Челябинской области проходит областной литературный конкурс «Джалиловские чтения» (г.Челябинск), с 2012 г. в г. Троицк проходит научно-практическая конференция «Расулевские чтения» [2, с. 289]. Дополнительным инструментом для сохранения и популяризации татарской традиционной культуры стал проект «Дни татарской культуры в Челябинской области».

Одним из главных компонентов национально-культурной идентичности народа является родной язык. Помимо семьи, он используется и изучается в учебных заведениях. В МБОУ «СОШ №81 г. Челябинска» – с 2015 г. имени Героя Советского Союза Мусы Джалиля – открыт класс с углубленным изучением татарского языка, культуры и истории, ежегодно проводятся школьный, муниципальный и областной этапы олимпиады по татарскому языку и литературе. В школе функционирует музей, посвящённый жизни и творчеству выдающегося поэта [4]. В настоящее время во многих крупных населённых пунктах функционируют курсы по изучению татарского языка (городах Магнитогорск, Верхний Уфалей, Пласт и др.), действуют общеобразовательные учреждения с этнокультурным (татарским) компонентом содержания образования. В Кунашакском районе работает национальный этнокультурный лагерь «Йолдызлык».

Активная общественная жизнь нередко концентрируется вокруг национальных творческих коллективов. Роль и значение этих объединений заключается в приобщении участников к традиционной культуре; создании условий для развития и творческой реализации личности; пропаганде фольклора (народные праздники, концерты, тематические вечера и т. д.); участие в деле возрождения и сохранения культурного наследия своего народа.

В Челябинской области насчитывается около 30 татарских коллективов художественной самодеятельности, в т. ч. народные ансамбли: татаро-башкирские творческие коллективы «Лэйсэн» (г. Вехний Уфалей), «Уралым» (г. Миасс), «Йейгор» (г. Сатка), вокальный ансамбль «Голлэр» (с. Усть-Багаряк), «Милэш» (с. Кунашак), фольклорный «Чулпан» (с. Муслюмово), ансамбль татарской песни «Сююмбике» (г. Магнитогорск), творческие коллективы «Лэйсэн» и «Умырзая» (г. Озёрск).

В 1990-е гг. в Челябинской области возрождается татарская периодическая печать [1, с. 59]. В Челябинске с 1990 г. выходила газета «Дуслык» на татарском языке, с апреля 2010 г. издаётся газета «Хазина» на русском

и татарском языках, в г. Магнитогорске с 2005 г. – Татар рухы»; с марта 2010 г. на областном телевидении выходит передача «Хазина», в селе Кунашак вещает местный телеканал «Кунашак ТВ». Создан информационный сайт Конгресса татар Челябинской области www.congresstatar74.ru для размещения новостей о деятельности татарского общества.

В заключении необходимо ещё раз подчеркнуть, что мирное развитие страны означает уважение законных интересов всех народов по сохранению самобытности их национальной культуры. Современная татарская общность – это горделивое и дружелюбное этническое сообщество, которое стремится к тесному общению, упрочению связей с другими этносами, проживающими на территории Челябинской области. Сегодня благодаря активной деятельности различных татарских общественных учреждений и культурно-просветительских организаций, национальным праздникам, коллективам художественной самодеятельности, теле- и радиопередачам, татарским периодическим изданиям и идет непрерывный процесс передачи культурных традиций и обычаев от поколения к поколению.

Список литературы

1. Валеев Г.К. Национальная пресса на Южном Урале / Г.К. Валеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – Т. 11. №1. – С. 47–60. EDN NTZLIN

2. Гизатуллин Р.Н. Челябинская область. Татарская энциклопедия / Р.Н. Гизатуллин, М.Ш. Ахатов; гл. ред. А.М. Мазгаров. – в 6 т. Т. 6. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. – 720 с.

3. Конгресс татар Челябинской области / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.congresstatar74.ru/partners/ (дата обращения: 13.10.2023).

4. МБОУ «СОШ №81 г. Челябинск» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://s81.chel-net.ru/ (дата обращения: 13.10.2023).

5. Правительство Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravmin.gov74.ru/prav/chelyabinskaya-oblast/vizitnaya-kartochk (дата обращения: 12.10.2023).

6. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / отв. ред. Л.М. Айнутдинова, Б.Л. Хамидуллин. – Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. – 336 с.

7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.74.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 12.10.2023).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Григорьев Александр Дмитриевич
канд. ист. наук, доцент
Харитонова Светлана Брониславовна
канд. ист. наук, доцент, начальник отдела
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧУВАШСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация*: в статье рассматриваются вопросы деятельности Российского общества Красного Креста в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны, связанные с медицинским обслуживанием населения, подготовкой медицинских кадров, обеспечением санитарно-эпидемического благополучия. Авторами дан анализ основных мероприятий общества Красного Креста в Чувашской АССР, механизм их реализации и эффективность.*

Ключевые слова*: Российское общество Красного Креста, Чувашская АССР, Великая Отечественная война, подготовка медицинских кадров, медицинское обслуживание.*

В условиях Великой Отечественной войны перед лечебно-профилактическими учреждениями и Российским обществом Красного Креста в Чувашской АССР встал круг совершенно новых проблем, связанных с организацией общественной помощи фронту, органам здравоохранения и тыловым эвакогоспиталям. Среди основных задач можно выделить следующие: бесперебойное и квалифицированное медицинское обслуживание населения, подготовка медицинских кадров для фронта, эвакогоспиталей и гражданской лечебной сети; развертывание тыловых эвакогоспиталей на территории Чувашской АССР и эффективное лечение раненых и больных воинов; обеспечение санитарно-эпидемического благополучия для сохранения здоровья и жизни трудящихся от эпидемий инфекционных заболеваний [2, д. 20, л. 26–27].

С первых дней начала войны общество Красного Креста и Красного Полумесяца направило все силы на оказание помощи медико-санитарной службе Красной Армии, органам здравоохранении Чувашской АССР, на организацию тыловых эвакогоспиталей и на обеспечение санитарного благополучия в тылу. Совместная работа Красного Креста и Красного Полумесяца с органами здравоохранения республики и их тесная связь с общественными организациями

способствовала укреплению первичных организаций и увеличению членов общества. Благодаря активной деятельности руководства областного комитета общества Красного Креста за годы войны количество первичных организаций в 1941 г. выросло до 836 по сравнению с 574 в 1940 г. Растёт и количество членов общества: с 24214 человек в начале Великой Отечественной войны до 46983 в 1945 г [2, д. 26, л. 25–35].

Важное место в деятельности Красного Креста занимала подготовка квалифицированных работников, сестер, санинструкторов, санитаров и сандружинников. С начала войны в республике было организовано 12 групп, из них 5 по линии Красного Креста. Учеба на курсах проводилась четыре раза в неделю по 4 часа в день, в дальнейшем количество групп увеличилось. Все выпускники курсов были направлены на работу в эвакогоспитали, где они работали в операционных, перевязочных палатах и дежурили у тяжелобольных. В целом за весь период Великой Отечественной войной только в Чебоксарах закончили курсы 434 человека, работали в эвакогоспиталях 75 человек, в гражданских лечебных учреждениях – 67, ушло в ряды действующей армии – 50 [2, д. 25, л. 4–6]. Всего за 1941–1945 гг. сестринское образование по линии Красного Креста получили 1490 человек [2, д. 20, л. 36]. Нужно отметить, что лечебно-профилактические учреждения, служба местной противовоздушной обороны и эвакогоспиталей в республике были полностью укомплектованы средним и младшим медицинским персоналом.

Согласно информационным отчетам, районные комитеты Красного Креста активно участвовали как в развертывании эвакогоспиталей, так и в обеспечении их средними и младшими медицинскими кадрами, организации шефской помощи раненым и больным воинам. Краснокрестовцы проводили недели санитарной обороны, на которых собирали предметы ухода, личной гигиены, художественную литературу, музыкальные инструменты, шашки, домино и передавали их эвакогоспиталям [2, д. 23, л. 4]. В оказании шефской помощи участвовали более тысячи активистов. Свободное от основной работы время многие члены Красного Креста приходили в госпитали и помогали в стирке белья, уборке палат и коридоров, ухаживали за тяжелыми больными. Молодежь организовывала читку газет и журналов, книг, по вечерам устраивали концерты, спектакли для легко раненых и выздоравливающих воинов.

Значительным проявлением патриотизма и гражданственности в нашей стране явилось широкое развитие донорства. В помощь эвакогоспиталям активисты общества Красного Креста создавали массовый резерв донорских кадров. В 1941–1945 гг. в Чувашской АССР функционировало 16 пунктов и одна станция переливания крови. Членов общества Красного Креста, ставших донорами, по городу и районам Чувашии только за 1944 г. насчитывалось 705 человек [2, д. 23, л. 4]. В период Великой Отечественной войны около 100 человек были награждены значками «Почетный донор СССР» [2, д. 25, л. 16].

В годы Великой Отечественной войны члены общества Красного Креста Чувашии сыграли значительную роль в борьбе за поддержание санитарного благополучия. В 1941 г. было создано 1176 санпостов, причём эта работа усилилась в последующие годы [2, д. 82, л. 42]. Они создавались на станциях и пристанях, в деревнях, где находились эвакогоспитали и временные воинские части; на промышленных предприятиях, в школах, в крупных селениях.

В массовой санитарно-профилактической работе в годы войны санитары занимались выявлением больных путем подворных санитарных обходов в прикрепленных населенных пунктах и школах. Для борьбы с бытовыми заболеваниями организовывали использование индивидуальной бани с целью дезинфекции вещей. В деятельности активистов общества важное место занимала организация прививок против инфекционных заболеваний, проведение санитарно-просветительной работы среди населения.

В годы Великой Отечественной войны в задачи общества Красного Креста вошло и оказание помощи семьям погибших, и детям-сиротам, и инвалидам Отечественной войны. Организация Красного Креста поставила одной из основных задач оказание помощи детям сиротам. Часто детей брали прямо из эшелона. Девушки, которые не могли взять на воспитание ребенка, предлагали свои услуги в качестве сестер, нянь, уборщиц в детских домах [2, д. 78, л. 124–126].

В период Великой Отечественной войны нужно особо подчеркнуть роль Красного Креста и Красного Полумесяца в оказании помощи эвакуированному населению и их детям. Чувашская АССР, находившаяся в отдаленности от фронта, стала одной из территорий для размещения эвакуированных. В 1941–1943 гг. города и села республики приняли 70,7 тыс. человек из Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской, Эстонской ССР, Московской, Ленинградской, Смоленской, Орловской и других областей страны. Среди эвакуированных было около 23 тыс. детей [1, с. 67]. Защита эвакуированных от заболеваний, своевременное обеспечение медицинской помощью представляло собой ответственную и сложную задачу.

Встреча эвакуированных начиналась с железнодорожных станций и пристаней. Санитарные дружинницы и активисты общества помогали эвакуированным при разгрузке. Здесь же выявляли больных, оказывали им медицинскую помощь, ухаживали за детьми, организовывали питание. Часто, бывало, так, что у эвакуированных не оказывалось теплой одежды и обуви, в связи с чем на места разгрузки эшелона привозили шерстяные чулки, варежки, тулупы, шубы. Важное место занимала подготовка общежитий, частных домов и расселение людей, устройство детей в ясли, сады [1, с. 68].

Прибывших эвакуированных местные органы власти ставили на учет для обеспечения их продуктами питания, одеждой и работой. Организации общества Красного Креста помогали проводить санитарно-профилактические мероприятия, патронажное обслуживание, своевременно выявлять больных и оказывать им медицинскую помощь. Лица, заболевшие серьезно или подозреваемые в заболевании, находились под наблюдением до первой врачебной помощи и быстро доставлялись в больницу. Таким образом предотвращалось возникновение и распространение инфекционных болезней среди эвакуированных.

Особой заботой были окружены дети. В 1942–1943 гг. в республику были эвакуированы три детдома на 388 человек, три спецшколы на 219 человек и девять интернат-яслей на 493 человека, из Ленинграда приняли эшелон с 400 детьми-воспитанниками детских домов. Всем прибывшим были предоставлены хорошие помещения, одежда, питание. Кроме того, для детей, эвакуированных в сельскую местность, организовали детские ясли и сады, колхозные и межколхозные детдома. Если размещение было делом хозяйственных органов, то медико-санитарное обслуживание детей

возлагалось на колхозных медицинских работников общества Красного Креста. Активисты организовывали профилактические прививки, молочные кухни, донорство грудного молока, дневные стационары для заболевших при детских яслях, патронаж детей, находящихся дома. Сандружинницы помогали постоянно следить за санитарным состоянием яслей, садов и детдомов. Ими в летнее время проводились оздоровительные мероприятия, для чего создавались оздоровительные площадки. Труд медицинских работников позволил сохранить здоровье эвакуированным детям [1, с. 69].

Таким образом, Российским обществом Красного Креста в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны проводилась широкая санитарно-военная подготовка населения, оказывалась помощь раненым и больным воинам в эвакогоспиталях, а также эвакуированному населению. С началом Великой Отечественной войны общество Красного Креста широко развернуло подготовку медицинских сестер и санитарных дружин, что оказало большую помощь санитарной службе. Обществом Красного Креста в годы войны было выдвинута новая форма медико-санитарного обслуживания населения в сельских местностях. Этой формой явились колхозно-сестринские медпункты, куда на работу направлялись прошедшие курс подготовки колхозных медицинских сестер. Местные комитеты общества Красного Креста широко организовали массовое донорское движение, и этим обеспечили применение переливания крови для спасения раненых и больных воинов, оказывали помощь населению, пострадавшему от военных действий, а активисты Красного Креста помогали органам здравоохранения в профилактических и противоэпидемических мероприятиях.

Список литературы

1. Алексеев Г.А. Красный Крест в Чувашии / Г.А. Алексеев. – Чебоксары: УИВ, 2014. – 151 с.

2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. – Ф. 2739/670. – Оп. 6.

Кащенко Анастасия Викторовна
студентка
Научный руководитель
Сагитова Виктория Равильевна
канд. психол. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТАТАРСТАНА ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

***Аннотация**: в статье проведен сравнительный анализ показателей, определяющих социально-экономическое состояние Республики Татарстан в период с 2021 по 2023 г. Актуальность проведенного анализа обусловлена необходимостью оценки динамики в рамках социально-экономических показателей, что позволит в дальнейшем представить возможности регионального развития и необходимость внесения корректировов в программы стратегического и тактического развития региона.*

***Ключевые слова**: экономика, социально-экономическое развитие, Татарстан, санкции, СВО, пандемия.*

Начавшаяся в 2022 г. Специальная Военная Операция (далее СВО) и предшествующая ей пандемия повлекли за собой ряд последствий, так или иначе отразившихся на всех сферах жизни общества. Большое влияние геополитической обстановки особенно сказывается на социально-экономическом состоянии как страны, так и её регионов.

Республика Татарстан (далее РТ) – ключевой субъект страны, который оказался подверженным влиянию новых санкций и уже испытывает их последствия в экономической и социальных сферах.

За полтора года до начала СВО экономика Республики переживала последствия пандемии, сопровождаемые экономическим спадом в регионе. Сравнительный анализ социально-экономического состояния РТ за период с 2021 г. (последствия пандемии), январь–июнь 2022 г. (начало СВО, введение санкций) и период январь–июнь 2023 г. позволил предположить, что ситуация, сложившаяся в республике со дня начала СВО позволила Татарстану противостоять вызовам и подстроиться под новые реалии экономики, сохранив свои лидирующие позиции на рынке страны.

В конце 2021 – начале 2022 года Республика Татарстан наравне с Россией и миром переживала последствия распространения коронавирусной инфекции. Самый большой удар был нанесен предпринимательской деятельности, поэтому в итоговом отчете министерства экономики Татарстан за 2021 год особое внимание было уделено состоянию бизнеса в регионе.

По распоряжению Кабинета Министров Республики Татарстан от 08.10.2020 №2080-р было принято решение проводить еженедельные

мониторинги финансово-экономического состояния организаций в реальном секторе экономики [7].

Так, было продекламировано: «Активно реализуется комплекс мер по поддержке малого и среднего предпринимательства, включающий программы предоставления льготных микрозаймов, гарантий (поручительств) по кредитам, субсидий, в том числе для самозанятых граждан и другие» [6].

По данным Министерства Экономики Республики Татарстан за 2021 г., «Регион сохранял лидирующие позиции по основным макроэкономическим показателям, при условии, что экономика переживала свой спад по всей территории страны» [6].

В сообщении первого заместителя министра экономики Республики Татарстан Олега Пелевина, в ходе заседания Комитета Государственный Совета РТ по социальной политике, было заявлено, что экономика региона к началу 2022 года вышла на допандемийный уровень.

«Основными факторами экономического роста стали ввод новых мощностей промышленного производства, увеличение загрузки системообразующих организаций, рост выпуска нефтепродуктов, химической продукции и продукции машиностроения, а также поэтапное увеличение объемов добычи нефти», – сказал Пелевин [10].

Для комплексной оценки состояния социально-экономического развития Республики Татарстан к моменту начала СВО в 2022 г., сопровождавшейся последствиями глобального кризиса, связанного с пандемией коронавируса, представленные в официальных документах данные, были подвергнуты вторичной группировке данных и сведены в таблицы [1; 2; 8; 9; 11].

Таблица 1

Основные экономические показатели РТ 2021–2022 гг.

Показатели	Январь-июнь 2021	Январь-июнь 2022
Экспорт (годовой показатель)	12,1 млрд $	15,6 млрд $
Импорт	372,7 млрд руб.	227,4 млрд руб.
Строительство	148,4 млрд руб.	163,5 млрд руб.
Сельское хозяйство	103,8 млрд руб.	104,3 млрд руб.
Оборот розничной торговли	597,1 млрд руб.	581,0 млрд руб.
Инвестиции	244,1 млрд руб.	298,3 млрд руб.

Анализируя данные таблицы 1, можно говорить о том, что уровень годового экспорта в Татарстане возрос на 3,5 млрд $ (29%) в сравнении с 2021 г. Однако прослеживается четкое снижение ввоза импортной продукции на 145,3 млрд рублей (39%). В основном снижение импорта произошло по следующим направлениям: комплектующие для транспортных средств, двигатели, электрогенераторы, катализаторы [3]. Введённые санкции способствовали смене поставщиков товаров, отметился переход на продукцию отечественных производителей или производителей странпартнеров, таких как Беларусь.

Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство» в январе–июне 2022г., составил 163,5 млрд рублей, что на 15,1 млрд рублей (10,2%) больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В сфере сельского хозяйства отмечается относительная стабильность.

Оборот розничной торговли на период январь–июнь 2022 сократился на 16,1 млрд рублей (2,8%) по сравнению с предыдущим периодом 2021 года.

Приток инвестиций в капитал Республики вырос на 54,2 млрд рублей (22,2%). Санкции сократили возможности российским инвесторам вкладываться в зарубежные предприятия, таким образом спрос на инвестирование в отечественные компании резко возрос.

Социальные показатели по Республике также подверглись изменениям (см. таблицу 2).

Таблица 2

Основные социальные показатели РТ 2021–2022 гг.

Показатели	Январь-июнь 2021	Январь-июнь 2022
Номинальная среднемесячная заработная плата	42106,2 руб.	49390,6 руб.
Безработица	19,6 тыс. чел.	10,4 тыс. чел.
Индекс потребительских цен	114	X
Здравоохранение (выделено средств за весь год)	115,5 млрд руб.	104 млрд руб.

В таблице 2 можно видеть, что начисленная номинальная среднемесячная заработная плата одного работника на предприятиях и в организациях республики, включая малое предпринимательство, в январе–июне 2022 г. составила 49390,6 рубля, что на 7284,4 рубля (17,3%) больше по сравнению с соответствующим периодом 2021 г. При этом индекс потребительских цен возрос на 14%.

Положительным моментом является сокращающийся уровень безработицы, который в период 2022 г. снизился на 9,2 тысячи человек (47%) по сравнению с предыдущим годом. Во времена пандемии многие люди лишились работы, к 2022 ситуация стремительно налаживается.

Уровень вложений в систему здравоохранения Татарстана сократился на 11,5 млрд рублей (10%) в период с 2021 на 2022 г. В первую очередь это связано с сокращением затрат, вызванных пандемией.

Начало СВО отразилось на социально-экономическом развитии Республики Татарстан из-за многочисленных пакетов санкций, наложенных на его стратегически важные экономические объекты.

Под 6 пакет санкций попало 6 компаний из Татарстана: ПАО «КАМАЗ», ООО УК «Татнефть-Нефтехим», ООО «Нижнекамский завод грузовых шин», ПАО «Нижнекамскшина», ООО ТД «КАМА» и АО «Ремдизель». Ранее под санкциями оказались «Казанское приборостроительное КБ», АО «Холдинговая компания «Ак Барс», АО «Радиоприбор», АО «Радиоэлектроника им. В.И. Шимко». В черный список также попал Альметьевский завод «Радиоприбор» [4].

Все эти компании прямо или косвенно задействованы в геополитическом конфликте – производят необходимую технику или спонсируют фронт.

Чтобы подробнее рассмотреть, как в текущем году Республика Татарстан переживает нестабильную политическую обстановку в стране и мире, обратимся к таблицам 3 и 4.

В таблицах указаны показатели, имеющиеся на данный момент, а также сравниваются два параллельных промежутка – это январь-июнь 2022 г. (эскалация военного конфликта) и январь-июнь 2023 г. (настоящее время).

Таблица 3

Основные экономические показатели РТ 2022–2023 гг. (в млрд руб.)

Показатели	Январь-июнь 2022	Январь-июнь 2023
Строительство	163,5 млрд руб.	221,3 млрд руб.
Сельское хозяйство	104,3 млрд руб.	106,9 млрд руб.
Оборот розничной торговли	581,0 млрд руб.	635,6 млрд руб.
Инвестиции	298,3 млрд руб.	312 млрд руб.

Изучив данные таблицы 3, можно сделать вывод, что уровень строительства к 2023 году возрос на 57,8 млрд рублей (23,6%). В связи с улучшением экономической ситуации и стабилизацией рынка труда, спрос на жилье и коммерческие объекты в Татарстане растет, это стимулирует развитие строительной отрасли. Более того, в 2023 году в Казани прошли такие события, как Чемпионат мира по плаванию, международный легкоатлетический турнир и другие, что потребовало строительства новых объектов и инфраструктуры.

Сектор сельского хозяйства поднялся на 3,3% или на 2,6 млрд рублей в 2023 г. по сравнению с предыдущим годом. Основная причина – хорошие погодные условия, ранняя и теплая весна в регионе.

Оборот розничной торговли увеличился на 54,6 млрд рублей (6,8%). Уровень инвестиций вырос на 13,7 млрд рублей 4,5% в сравнении с прошлым периодом.

Далее обратимся к основным показателям в социальной сфере за период 2022–2023 гг. (см. таблицу 4).

Таблица 4

Основные социальные показатели РТ 2022–2023 гг.

Показатели	Январь-июнь 2022	Январь-июнь 2023
Номинальная среднемесячная заработная плата	49390,6 руб.	57490,1 руб.
Безработица	10,4 тыс. чел.	6,1 тыс. чел.
Индекс потребительских цен	104,5%	X

Номинальная среднемесячная зарплата поднялась на 8099,5 рублей (16,4%), что говорит о росте экономики и благоприятных условиях для ведения бизнеса в регионе.

Безработица сократилась на 4,3 тыс. человек (21%). Показатель превзошёл даже 2019 – допандемийный год.

На основании рассмотренных показателей составлена диаграмма (см. рисунок 1), отражающая изменения в экономической сфере Республики Татарстан за период с 2021 по 2023 г.

Рис. 1. Экономические показатели 2021–2023 гг.

На рисунке 1 наглядно видно, что Республика Татарстан успешно маневрирует в нескончаемом потоке санкций. Региону удается не только удерживать позиции, но и приумножать свою социально-экономическую мощь.

Подводя итоги вышеизложенному, можно говорить о том, что Татарстан заслуженно занимает звание одного из наиболее развитых регионов России. Даже в самые сложные, кризисные времена, Республике удается развивать и приумножать свое благосостояние.

Социально-экономическая ситуация в Республике после начала СВО и введения санкций продолжает меняться, поскольку большинство ограничительных мер имеют отложенный характер и их влияние пока невозможно оценить. Однако, уже сейчас можно сделать вывод о гибкости сферы бизнеса в регионе.

Предприниматели научились противостоять давлению извне и быстро перестаиваться под новые реалии. Республика Татарстан переживает новые времена, когда поток инвестиций сместил свой ракурс с зарубежных направлений на внутригосударственные. Инвесторы активно выбирают Республику Татарстан, как объект для выгодных капиталовложений.

Член фракции КПРФ в Государственном Совете РТ Николай Атласов выразил своё мнение по поводу экономической обстановки в Республике: «Экономика Татарстана держит санкционный удар довольно неплохо в том числе благодаря широкой отраслевой диверсификации. Довольно неплохо себя чувствует оборонный сектор, который в результате СВО получил новое дыхание. Оборонные предприятия способны стать драйверами роста для сопутствующих производств» [5].

Список литературы

1. Социально-экономическое положение Республики Татарстан январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/36CgCF (дата обращения: 07.10.2023).

2. Социально-экономическое положение Республики Татарстан январь-август 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://16.rosstat.gov.ru/doclad/document/41925 (дата обращения: 07.10.2023).

3. Импорт Татарстана упал на 40%: потеряли комплектующие для транспорта и двигатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.business-gazeta.ru/news/589942 (дата обращения: 07.10.2023).

4. Какие компании из Татарстана попали под санкции, ЕС ввел 6 пакет санкций против России, как бизнес Татарстана связан со спецоперацией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://116.ru/text/economics/2022/06/03/71384180/ (дата обращения: 06.10.2023).

5. «Мы справились, хотя нам и нелегко»: бизнес Татарстана выдержал удар санкций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kazanfirst.ru/articles/602866 (дата обращения: 08.10.2023).

6. Об итогах деятельности министерства экономики республики Татарстан за 2021 год и задачах на 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_3135881.pdf (дата обращения: 04.10.2023).

7. Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 08.10.2020 №2080-р (дата введения: 08.10.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/rasp?npa_id=640926 (дата обращения: 07.10.2023).

8. Рустам Минниханов на коллегии Минздрава РТ: в 2022 году на развитие здравоохранения в Татарстане было выделено более 104 млрд руб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prav.tatarstan.ru/index.htm/news/2158900.htm (дата обращения: 07.10.2023).

9. Татарстану измерили импортозависимость [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5888964 (дата обращения: 07.10.2023).

10. Шагиахметов М.Р. Тезисы. Итоги за 2021 год. Задачи на 2022 год. Факторы обеспечения устойчивого роста экономики Республики / М.Р. Шагиахметов.

11. Экономика Татарстана вышла на допандемийный уровень и продолжает расти 12.04.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kazanfirst.ru/articles/578158 (дата обращения: 07.10.2023).

Розова Яна Александровна
исследователь научной мысли
г. Чебоксары, Чувашская Республика
Казаков Николай Александрович
канд. геогр. наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика
Ростовцева Мария Михайловна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика
Доронина Ксения Андреевна
магистр, учебный мастер
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика
Клементьева Елена Гермогеновна
заместитель директора
ООО «Ясна»
д. Кшауши, Чувашская Республика
совместитель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСКУРСИИ ПО ГОРОДУ ЧЕБОКСАРЫ ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ ИНДИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

***Аннотация**: экскурсии для иностранных туристов имеют специфику проведения. В Чувашской Республике основными потребителями англоязычных экскурсионных услуг являются жители Индии и сопредельных с ней государств. Индийский английский достаточно сильно отличается своим произношением, использованием большого количества сленговой лексики и игнорированием ряда правил грамматики. В статье показаны примеры текста экскурсии на Хинглиш.*

***Ключевые слова**: внутренний туризм, экскурсии для иностранцев, международная коммуникация, Хинглиш, сленг.*

В 2022 году несмотря на ещё продолжающуюся коронавирусную пандемию и обострившуюся геополитическую обстановку, оказавших негативное влияние на логистику туристских потоков, более 8,2 млн иностранных граждан совершили «туристское путешествие» в Российскую Федерацию, став потребителями, производимых в нашей стране, туристских, а в их числе и экскурсионных услуг.

Из более чем 8,2 млн иностранных туристов, посетивших Россию в 2022 году, почти 3 млн (36,2%) являлись представителями стран «дальнего зарубежья» и в большинстве своём без гида-переводчика не могли получить полноценные экскурсионные услуги. Среди туристов представителей стран, в которых говорят на английском языке (или широко используют в делопроизводстве и в быту), не так много, всего 51960 человек – 0,63% от числа всех иностранных туристов, 1,74% от числа туристов из стран «дальнего зарубежья». Однако, в настоящее время английский язык – это общепризнанный язык международного общения, язык политики, экономики, науки, культуры, межэтнической коммуникации, и «билингвизм», при котором наряду с родным языком в той или иной степени владеют английским, довольно широко распространён. Поэтому экскурсионные услуги на английском языке могут быть предложены не только представителям «англоязычных стран». Среди туристов из англоязычных и условно англоязычных стран более 53,5% составляют жители Индии. Это заставляет при оказании туристских услуг обратить особое внимание на организацию и проведение экскурсий для носителей диалектов индийского варианта английского языка.

В 2022 году общее число туристских поездок, совершённых российскими и иностранными туристами в пределах Чувашии по данным Росстата, составило более 725 тысяч (72 тысячи прибыли в республику с речными круизами). Более 341 тыс. человек прибывших воспользовались услугами коллективных средств размещения, из которых – 61% с целью отдыха, проведения досуга, оздоровления и паломничества. Количество иностранных граждан, принятых в коллективных средствах размещения региона, составило 4152 человека из них из англоязычных и условно англоязычных стран всего 77 человек (1,85%) в том числе из Индии 53 человека [7]. Таким образом количество тех, кто посещает Чувашскую Республику, является представителем англоязычных и условно англоязычных стран, и может воспользоваться экскурсионными услугами довольно небольшое. Однако, в Чувашской Республике действует 10 (9 из них – в Чебоксарах) образовательных учреждений высшего образования, в 6 из них получают образование иностранные граждане. Самое большое число иностранных граждан обучается в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, 2941 человек (75% от общего числа иностранных студентов обучающихся в вузах Чувашии), среди них нет представителей Соединённого Королевства, США, Австралии или Новой Зеландии, однако достаточно большое число граждан Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланки (377 человек) в которых английский язык довольно распространён среди населения (нередко имеет статус государственного языка или языка межнационального общения). Несмотря на то, что временные рамки их пребывания в регионе выводят их из числа туристов, они также могут выступать потребителями экскурсионных услуг. Обратим внимание, что и в случае с Чувашией основными потребителями англоязычных экскурсионных услуг являются жители Индии и сопредельных с нею государств.

На конец 2022 года в Чувашии действовало 87 туристических фирм, 94% которых сосредоточены только на турагентской деятельности. 78% (68 из 87) [6] туристических компаний республики работают в Чебоксарском городском округе, ряд из них оказывает и экскурсионные услуги. Юридических лиц, занимающихся оказанием только экскурсионных услуг в регионе, в настоящее время нет, но на данном рынке присутствует довольно большое количество индивидуальных экскурсоводов, чему

благоприятствует перенос обязательной аттестации экскурсоводов на период после 1 июля 2024 года. Из всех туристских фирм города Чебоксары, оказывающих экскурсионные услуги, только две (согласно официальным сайтам) предлагают экскурсии на английском языке – это «Компания «Мир экскурсий» и агентство уникальных путешествий «Городские легенды». В перечне разнообразных экскурсионных маршрутов англоязычные экскурсанты могут найти для себя такие маршруты как: «Cheboksary's Kremlin since the beginning of time», «Cheboksary – heart from the Volga», «From Volga Bulgaria to Sunny Chuvashia», «Let your soul enjoy bliss» и другие. Кроме того, на крупнейшей платформе аудиогидов Izi.TRAVEL представлена работа студентов направлений подготовки «Туризм» и «География» Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, аудио-экскурсия на английском языке «The Russian-Orthodox core Cheboksary». Используя авторский экскурсионный маршрут «Русско-православное ядро Чебоксар» (составитель к.г.н., доцент З.А. Трифонова), студенты-участники проекта перевели его на английский язык, чтобы расширить аудиторию пользователей и познакомить с городом Чебоксары заинтересованных людей со всего мира.

Несмотря на довольно большое число различных экскурсионных маршрутов, предлагаемых гостям столицы Чувашской Республики, подавляющее большинство из них пролегает в зоне, примыкающей к речному вокзалу (исторической части города Чебоксары), охватывая площадь где-то в 5 км^2 (не более 2% от всей площади городского округа). Для этой территории, характерны большие открытые пространства (площадь Речников, Красная площадь, акватории «Чебоксарского залива», речного порта, Чебоксарского водохранилища), а также, из-за значительных водных пространств и холмистого рельефа, ограниченное число маршрутов для возможного движения пешеходных и тем более автобусных экскурсионных групп. Как результат – открытость с разных ракурсов многих объектов показа и высокий уровень совмещенности маршрутов движения экскурсионных групп. Различия в тематике экскурсий здесь достигаются в первую очередь за счёт смены акцентов в рассказе экскурсовода. Наиболее часто прибегают к простым обзорным экскурсиям. В отношении объектов показа, последовательности их представления, мест остановок обзорные экскурсии могут иметь разную структуру, в т.ч. и подобную представленной: Бюст Екатерины Великой – Успенская церковь – Свято-Троицкий мужской монастырь – Чебоксарский Кремль и ворота в подземный город – Сквер и бюст К. Иванова – Церковь Архангела Михаила – Особняк Ф. Ефремова (отдел русского и зарубежного искусства Чувашского государственного художественного музея) – Введенский собор – Монумент Матери-покровительницы – Красная площадь. Экскурсию сопровождает рассказ, который экскурсовод может вести как на русском (чаще всего), так и на любом другом знакомом ему и его слушателям языке, в числе которых и английский. Поскольку из англоязычных (а также условно англоязычных) экскурсантов в Чувашии преобладают жители Индии, при подготовке и проведении экскурсии на английском языке желательно учесть особенности индийского варианта (индийских диалектов) английского языка.

Многонациональной Индии характерно большое разнообразие диалектов английского языка, имеющих значительные отличия. Так, в Западной Бенгалии распространён восточноиндийский английский, а в южных

регионах популярен так называемый южноиндийский английский язык. Наиболее употребляемым признан диалект General Indian English (сокращено, IE) иначе называемый Общим Индийским Английским [3].

Этот диалект имеет свои особенности употребления, которые отличают его «General English». Сильнее всего ощущается различие в фонетике. Так, в диалекте отсутствует твердый вариант произношения звука [l] на конце слов и перед согласными. Поэтому, в таких словах как all, meal, still будет произносится мягкий вариант [l']. Другой особенностью произношения является замена звука [ʃ] (используемого в словах short, Chuvash, worship) на [s]. Или, например, в индийском диалекте, зачастую не различают гласные по длительности или краткости произношения. Также разницу можно увидеть в словах, оканчивающихся на -ing. В британском варианте мы услышим звук [ŋ], а, например, транскрипция слова sing [siŋ] в индийской вариации выглядеть будет так: [siŋg]. И наконец, звук [r] произносится во всех положениях в слове [1].

Другим элементом, выделяющим индийский диалект, являются его лексические особенности. Например, некоторые английские слова в Индии имеют иное значение. Так слово «funny» (с англ. забавный, чудной) будет иметь значение «грубый или невоспитанный», «heavy» (с англ. тяжелый) приобретает смысл «очень». Среди носителей индийского английского языка редко можно услышать типичное для всех англоговорящих «O.K.», заменяет его выражение «T.K.», от фразы «theek hai» (пер. – отлично). Другой особенностью является совместное использование английский и индийских слов, например, часто можно услышать выражение: «Chalo, let's go» (пер. давай, пойдем) или «Haan haan (yes yes), understood» (пер. да, понял).

В индийском диалекте существует собственная система исчисления. Так, сто тысяч означают – one lakh, один миллион – ten lakh, десять миллионов – one crore.

Индийский вариант английского языка характеризуется добавлением суффиксов из других языков к корню или слова для образования нового слова. Например, суффикс -wala, используется для описания человека, имеющего определенную профессию: sculpturwala- скульптур, architecturewala- архитектор [2].

Грамматические различия между классическим английским и индийским английским очень значительны. Грамматические особенности в значительной степени зависят от лингвистических способностей говорящего, но есть некоторые общие моменты, которые присущи всем. Многие времена в индийском варианте могут использоваться в другом контексте, отличном от британского английского языка, и быть взаимозаменяемыми. Так, вместо Past Simple они используют Present Perfect, Present Continuous заменяет Present Simple, вместо Past Perfect Continuous и Present Perfect Continuous используются Past Continuous и Present Continuous. Особенное построение имеют и вопросительные предложения: например, простые вопросительные предложения будут иметь несвойственную отрицательную форму. В качестве примера:

– Did you know that there was once a Kremlin in Cheboksary? No, I didn't (Британский вариант);

– Didn't you know that there was once a Kremlin in Cheboksary? Yes, I didn't know (Индийский вариант) [4].

Кроме того, свойственно также иное употребление модальных глаголов: вместо will используется would, вместо can используется could и вместо should используется would.

Исходя из вышесказанного, для экскурсантов, которые говорят на индийском диалекте английского языка, некоторые фразы будут видоизменяться.

В качестве примера нами были рассмотрены элементы текста экскурсионного маршрута, с целью показать лексические и фонетические различия, которые могут возникнуть при проведении экскурсий для посетителей из Индии. Поскольку в рамках статьи нет возможности рассмотреть весь контрольный текст экскурсии, нами был взят элемент текста.

Ниже представлен отрывок из исторической справки про купца Прокопия Ефремова, который можно использовать в качестве отрывка экскурсии по городу Чебоксары.

«…Купец Прокопий Ефремович Ефремов был заступником чувашей, крестьянином по происхождению и меценатом. Он закупал для города воду, строил мосты, благоустройство бульваров и парков. Благодаря ему были созданы и работали в Чебоксарах многие благотворительные учреждения. Получив статус купца, он внёс значительный вклад в развитие города, основав свою торговую династию, к которой принадлежали и другие известные купцы-меценаты.

Ходят легенды, что Ефремовы нашли клад Емельяна Пугачева и с той поры разбогатели. Также существует миф, что в части бульвара находится подземный ход, который легендарно связан с историей города…»

Фрагмент текста на британском английском:

«Good day, ladies and gentlemen, and welcome to our guided tour of Cheboksary. Today, we delve into the fascinating history of a remarkable individual, Merchant Prokopy Efremovich Efremov. Let's embark on this journey together.

…Merchant Prokopy Efremovich Efremov, a man of great distinction, served as a patron to the Chuvash people. Despite his humble peasant origins, he played a pivotal role in the city's development. He dedicated himself to procuring water for our city, constructing bridges, and enhancing the beauty of our boulevards and parks.

Thanks to his tireless efforts, numerous charitable institutions were established and thrived within Cheboksary. As he ascended to the status of a merchant, he left an indelible mark on our city's progress, founding a commercial dynasty that also counted other renowned merchant philanthropists among its members.

Legends abound regarding the Efremov family's incredible fortune, with some stories suggesting their discovery of the treasure of Emelian Pugachev, a notorious historical figure. Additionally, a myth persists of an underground passage concealed beneath a portion of our boulevard, one that is steeped in legendary tales intertwining with the city's history.

Our journey today sheds light on the legacy of this extraordinary man and the legends that surround him. So, let us continue our exploration of Cheboksary's rich heritage».

Фрагмент текста на индийском английском:

«Namaste, esteemed guests! A warm welcome to our immersive tour of Cheboksary. Today, we shall delve into the captivating narrative of a remarkable individual, the Merchant Prokopy Efremovich Efremov. Come, let us embark on this enlightening voyage together.

…Merchant Prokopy Efremovich Efremov, a figure of profound significance, stood as a benevolent guardian of the Chuvash people. Despite his humble peasant origins, he emerged as a pivotal figure in the city's annals. He dedicated his life to securing water sources for our city, constructing bridges that connected hearts, and embellishing our boulevards and parks with lush greenery.

It was through his benevolent efforts that numerous charitable institutions took root and flourished within Cheboksary. As he ascended to the esteemed rank of a merchant, he imprinted an enduring legacy on the city's progress, establishing a trading dynasty to which other celebrated merchant-mecenates were proud to belong.

Legends, replete with wonder and intrigue, swirl around the fortunes of the Efremov family, with tales suggesting their discovery of the treasure of Emelian Pugachev, a figure from the annals of history. Furthermore, a mystical tale persists of an underground passageway hidden beneath a section of our boulevard, entwining the city's history with an aura of legend.

Today, our journey shall illuminate the life and times of this exceptional man and the enigmatic legends that enshroud him. So, let us continue our odyssey through Cheboksary's rich tapestry of history».

Проанализировав варианты перевода, можно выделить ряд различий, который представлены в таблице 1.

Таблица 1

Примеры различий экскурсий на британском и индийском диалекте английского языка

Возможные различия	Британский английский	Индийский английский
1	*2*	*3*
Языковой стиль и акцент	В тексте используется формальный стиль с характерными фразами «Good day», «Ladies and gentlemen's». Традиционное звучание придает британский акцент	Текст начинается с традиционного в индийской культуре приветствия «Namaste», тем самым сохраняется более дружелюбная атмосфера. Акцент придает уникальный звуковой характер: интонация, ритм и ударение на определенных слогах
Использование терминов и имен собственных	В тексте используется полное имя главного героя «Merchant Prokopy Efremovich Efremov»	В отличие от британского текста помимо формы «Merchant» используется «Benevolent guardian», подчеркивающее уважительное отношение к личности, в особенности старшим по возрасту

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*
Лексические различия и традиционные фразы	Британский английский использует традиционные фразы и лексику «Remarkable individual», «Pivotal role», «Indelible mark»	Включены индийские культурные элементы «Namaste», «Enlightening voyage», «Lush greenery»
Информационное содержание	Текст содержит основные факты о Прокопии Ефремове и его вкладе в городскую инфраструктуру	Текст более эмоционально выдержан, акцент сделан на духовные аспекты, использовано выражение «Enlightening voyage»
Обращение к аудитории	Традиционное обращение «Ladies and gentlemen's», выдержано в формальном стиле	Обращение к экскурсантам «Esteemed guests» указывает на более тесную связь
Использование культурных аналогий	Текст имеет научный стиль, сдержанную эмоциональность, формальное приветствие. Одной из отсылок к культурному наследию фраза «Sheds light on the legacy», образное выражение, используемое в литературе	В тексте встречаются аналогии, отсылающие к индийской культуре, истории и религии, такие как «Namaste», «Treasure» и «Enigmatic»

Такого рода переводческие трансформации делают процесс перевода экскурсий крайне сложным и трудным, но именно так достигается адекватность перевода. Нельзя не отметить, что адаптация экскурсионного материала для носителей разных диалектов английского языка способствует успешной коммуникации, отражает уважение к культурной разнообразности, способствует увеличению аудитории, что и является одной из основных задач в развитии туризма на территории Чувашской Республики.

Список литературы

1. Hindi-English jumble, spoken by 350 million [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.csmonitor.com/2004/1123/p01s03-wosc.html (дата обращения: 21.11.2018).

2. Edgar W. Schneider. Postcolonial English: varieties around the world [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/postcolonialengl0000schn/page/n9/mode/2up (дата обращения: 14.03.2023).

3. Нагиба И.В. Индийский английский: история, статус, особенности // Известия Восточного института. – 2008. – №15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/indiyskiy-angliyskiy-istoriya-status-osobennosti (дата обращения: 24.09.2023). – EDN NCJDBL

4. Lawler John. Indian English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www-personal.umich.edu/jlawler/aue/indian.html (дата обращения: 14.03.2023).

5. Курченкова Е.А. Английский язык в Индии: история и актуальные проблемы / Е.А. Курченкова // МНКО. – 2012. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-v-indii-istoriya-i-aktualnye-problemy (дата обращения: 24.09.2023). – EDN OXHJKL

6. О развитии туризма в городе Чебоксары [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gcheb.cap.ru/news/vistupleniya-dokladi/2023-god/20230109-o-razvitii-turizma-v-gorode-cheboksari (дата обращения: 20.09.2023).

7. Официальный портал органов власти г. Чебоксары [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gcheb.cap.ru/news/2023/01/09/za-2022-god-v-cheboksarah-na-60-uvelichilsya-potok (дата обращения: 14.09.2023).

8. Трифонова З.А. Территориальный анализ рекреационных историко-культурных ресурсов Чувашской Республики / З.А. Трифонова, М.М. Ростовцева // Вестник ЧГУ. – 2014. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnyy-analiz-rekreatsionnyh-istoriko-kulturnyh-resursov-chuvashskoy-respubliki (дата обращения: 24.09.2023).

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Дмитриева Инга Валерьевна
старший преподаватель
Петров Николай Аркадьевич
канд. ист. наук, доцент,
заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЖЕНСКИЕ ОБРЯДЫ И ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ ЧУВАШЕК, СВЯЗАННЫЕ СО СКОТОВОДСТВОМ, ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация*: в работе рассматриваются обряды, связанные с животноводством, главной исполнительницей которых выступала женщина. Роль женщины в животноводческой обрядности наиболее выражена в первом весеннем выгоне скота и обрядах, связанные с отелом коровы (ĕне ырри). Основное содержание обрядовых действий направлено на обеспечение благополучия домашних животных, семьи и сельского общества. Сакральные знания, а также трудовые приемы и навыки, связанные с животноводством, передавались в рамках чувашской семьи и общины.*

Ключевые слова*: чувашская женщина, обряды, чуваши, скотоводство, первый выгон стада, ĕне ырри.*

Скотоводство имело важное значение в жизни чувашских крестьян. Оно обеспечивало их рабочим скотом – основной тягловой силой для плужно-пашенного земледелия, давало натуральное удобрение для почв, продукты питания (мясо, молоко), сырье для изготовления одежды и утвари – шерсть, кожу [1, с. 164].

Уход за животными и животноводческая обрядность занимали особое место в жизни чувашской крестьянки. Женский труд играл исключительно важную роль в крестьянском хозяйстве чувашей. М. Лаптев отмечал, что у чувашей женщина трудится непропорционально своим силам: «Чувашка не только исполняет … мужские … работы, а делает это иногда больше чувашенина» [3, с. 184].

Обряды, связанные со скотоводством – календарные, ситуативные, совершали как индивидуально, так и коллективно. Индивидуально их исполняли хозяйка (например, обряды, после отела коровы, обряды от сглаза скота, первый выгон скота), хозяин, в обязанности которого входила забота о лошадях, и пастух. Коллективные обряды старались проводить во время падежа скота или для его предотвращения. Например, ҫĕр хапхи (земляные ворота) – комплекс обрядов, связанных с «живым огнем», при котором животных прогоняли через магические ворота. Хĕр сухи (опахивание), которое проводили в чувашских поселениях с целью предотвращения эпидемии [2]. Чуваши верили, что борозда, проведённая металлическим наральником, обладает магической силой и не пропускает

через себя болезни. Помимо обрядов, непосредственно связанных с домашними животными, существовали ритуалы, которые входили в более широкие обрядовые комплексы, носившие календарный характер. Например, осенние благодарственные моления чӳклеме, обряды-моления с последующими трапезами с употреблением «жертвенных животных» [4].

В данной работе рассматриваются обряды, связанные с животноводством, главной исполнительницей которых являлась женщина (первый выгон стада и ĕне ырри). Работа основана главным образом на полевых материалах автора, а также опубликованных источниках Чебоксарского, Ядринского, Цивильского уездов Казанской губернии.

По мере усвоения чувашами православной веры основные комплексы животноводческих обрядов были приурочены ко дню святого Георгия Победоносца 23 апреля (6 мая) и празднику Покрова Пресвятой Богородицы 1(14) октября, которые совпадали с границами пастбищного и стационарного (стойлового) периодов.

Комплекс обрядов, связанный с началом весеннего выпаса скота, включал в себя, помимо общесельских (моление кĕтӳ ум пăтти, дословно каша накануне первого выпаса скота), пастушеские и семейные обряды.

В пастбищный период круг обязанностей женщины расширялся. Чувашская хозяйка ежедневно должна была выгонять скот на пастбище, а вечером загонять во двор. Рано утром она доила коров и отправляла их на выпас. Чувашки при выгоне скота использовали заранее приготовленный прутик. При этом они произносили молитву: «Турă, не оставь этих животных, сделай чтобы они были живы и здоровы, отведи все беды» [8]. В общинах, где практиковался подворный выпас скота, женщины наравне с мужчинами пасли скот.

Роль женщины в животноводческой обрядности наиболее выражена в весеннем выгоне скота. Первый выгон стада на пастбище начинался во вторник или четверг, крайне нежелательными для выгона считались среда и пятница. Рано утром хозяйка варила в доме яйца, отрезала кусок хлеба, которым обводила круг вокруг крюка очага. При этом хозяйка читала специальный заговор от сглаза домашних животных. Подобным образом чувашки заговаривали также воду. Далее заговоренный хлеб чувашки обмазывали сажей и скармливали животным. Перед выгоном со двора хозяйка окропляла животных заговорённой водой. По мере закрепления у чувашей православной веры заговоренная вода заменялась освящённой в церкви (святой водой). Женщины при первом выгоне скота в руках держали свежесорванную ветку с почками. Обилие плотных или набухающих почек призвано было, по представлениям чувашей, обеспечить плодовитость и сытость домашних животных. Как более поздний вариант этого ритуала – освящённый пучок вербы.

Первой в селении вела свою скотину в стадо женщина, считавшаяся наиболее спокойной и удачливой с добрым нравом, с «лёгкой рукой». Первый выгон скота также могли поручить беременной женщине. Следуя этим традициям, чуваши надеялись, что все лето и осень скот будет пастись спокойно и заметно прибавит в весе. Не позволяли первыми отправиться по улице со своим скотом тем женщинам, у которых скот плохо плодился и болел. Также не доверяли женщинам болтливым, часто без необходимости бегающим по соседям. В противном случае, по представлениям чувашей, скотина при выпасе могла разбежаться [6]. В день первого выпаса скота женщины разговаривали вполголоса, не делали резких движений. Для пастуха и для себя хозяйки несли вареные яйца, пышные лепешки и хлеб. На месте утреннего сбора стада каждая хозяйка

передавала пастуху пышные лепешки, яйца и хлеб [8]. Яйца, пышные лепешки символизировали плодородие, жизнь и благополучное начало пастбищного сезона. Пастух перед началом выпаса обходил по часовой стрелке собравшееся стадо. Женщины сопровождали коров до пастбища. Затем садились на землю и катали яйца, ели их, а скорлупу складывали в одну кучку. Символизм катания яиц и ритуальной трапезы был направлен на плодовитость, тучность и благополучие скота. Домой женщины возвращались той же дорогой, что и пришли на пастбище [7]. Они направлялись прямо домой, никуда не заходя [7]. Иначе, по представлениям чувашей, скотина заблудится. Ветки или пучок вербы втыкали в сарай или бросали на сеновал. Весь день чувашки вели себя тихо, ни с кем не ругались, разговаривали в полголоса, иначе скотина весь пастбищный период будет беспокойной [7].

Чувашские женщины проводили обряды, связанные с отелом коровы. Чувашки с трепетом ждали отела коровы. В ожидании приплода, за ней наблюдали и днем, и ночью, чтобы при необходимости оказать помощь [7]. Недопустимым считалось, чтобы корова съела послед. Через две недели после отела коровы чувашки проводили «ĕне ырри чӳке» – моление о благополучии отелившейся коровы. До проведения этого обряда молоко нельзя было употреблять в пищу, поэтому первые две недели молоко скармливали теленку. Ко дню проведения «ĕне ырри чӳке» чувашки варили пиво, а день обряда пекли блины и приглашали соседей. После совместной трапезы с обязательным употреблением, молока, блинов, пива, обрядовыми блинами кормили корову и теленка. Низовые чувашки варили ĕне ырри, мягкий сыр из молозива и молока, которым угощали родственников и соседей. Перед началом трапезы хозяйка, молилась духам-покровителям скотоводства, отдельно Пихампару, поминала предков и просила о благополучии, затем ложку ĕне ырри кидала на печу для херт ҫурт. Затем старшая женщина в семье обливала водой, корову и теленка приговаривая: «Да будет молочно и масленно! Каждый год пусть теленок родится! Бог да не оставит нас! Пищу и воду в изобилии даст!» [2, с. 95–96]. Низовые чувашки выливали ковш воды в каждый угол избы, обрызгивали матицу со словами: «Пусть молоко течет, как вода в реке!» [5, 8]. Считалось, что на полу должны быть лужи: чем больше воды, тем больше молока [1, с. 466]. Этим ритуалом хозяйка выражала надежду на то, что надои будут большими, а молоко и сыр из молозива придаст здоровья хозяевам и гостям. Прощаясь, соседи желали хозяевам: «Пусть корова будет плодовитой, чтобы у вас всегда было масло и молоко» [1, с. 466]. Обряд «ĕне ырри чӳке» в упрощенной форме бытует и в настоящее время [7].

Русские чувашского края начинали употреблять молоко отелившейся коровы после шести удоев, через три дня. В случае, когда корова съедала послед, молоко употребляют после двенадцати удоев. В обоих случаях перед началом употребления молока русские женщины проводили обряд окуривания коровы. Перед окуриванием корову обмывали и обрызгивали святой водой. В железный ковш помещали горячие угли, которые смешивали с богородицкой травой (Тимьян ползучий). Обряд окуривания проводили, как правило, две женщины. Одна из которых обходила с ковшом вокруг коровы три раза по «посолонь» (по солнцу, по часовой стрелке), другая читала молитву [2]. Подобный обряд окуривания животных проводили и верховые чувашки [7].

Таким образом, обряды, связанные со скотоводством, главной исполнительницей которых являлась женщина, являлись сакральными знаниями, передававшимися из поколения в поколение. Они были обусловлены представлением о роли женщины в традиционном сельском обществе.

Основное содержание обрядовых действий направлено на обеспечение благополучия домашних животных, семьи и сельского общества. Сакральные знания, а также трудовые приемы и навыки, связанные с животноводством, передавались в рамках чувашской семьи и общины.

Список литературы

1. Иванов В.П. Чуваши / В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. – М.: Наука, 2017. – 654 с.

2. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань, 1881. – 268 с.

3. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / сост. М. Лаптев. – Т. 8. – СПб., 1861. – 626 с.

4. Михайлов С.М. Собрание сочинений / С.М. Михайлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с. EDN WDMGFV

5. Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Материальная культура / Н.В. Никольский. – Вып. 1. – Чебоксары: Чувашгиз, 1928. – 226 с.

6. Никольский Н.В. Собрание сочинений / Н.В. Никольский. – в 4 т. Т. 1. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2004. – 526 с. – EDN QRTNSV

7. Полевые материалы автора. Ядринский, Моргаушский, Аликовский районы ЧР. Записи 2020–2022 гг.

8. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей / А.К. Салмин. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1994. – 339 с. EDN UEDTEJ

Евдокимова Анжелика Николаевна
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ ЧУВАШСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ СПИРИДОНА МИХАЙЛОВА

***Аннотация**: в статье рассматриваются различные аспекты истории Русской православной церкви среди марийского и чувашского народов, состояние религиозности местных крестьян, храмовое строительство, степень приобщения народа к православной вере и обрядности.*

***Ключевые слова**: христианизация, чувашский народ, Русская православная церковь, чувашский народ, храм, приходская община, Спиридон Михайлов.*

Спиридон Михайлович Михайлов (1821–1861 гг.), известный чувашский историк и краевед, этнограф и мыслитель, член Русского географического общества – один из немногих образованных представителей своего народа, прожил недолгую, но очень яркую и плодотворную жизнь. Его статьи и заметки посвящены самым разным аспектам материальной и духовной культуры, особенностям социального бытия, формам хозяйственной деятельности, сюжетам далекого исторического прошлого. Будучи талантливым представителем своего народа, он выступал за развитие просвещения, рост числа грамотных людей. В Предисловии к изданному в 2004 г. собранию сочинений писателя известный чувашский историк В.Д. Димитриев отметил, что Спиридон Михайлов «стоял за привлечение чувашей и

марийцев к управлению просвещения и распространению христианства среди них». Написанные понятным и доступным языком, заметки являются важным историческим источником о роли Русской православной церкви в Среднем Поволжье, христианизации чувашского народа, его отношении к православию, к духовенству, к христианскому просвещению в целом. Нами рассмотрены несколько важных исторических свидетельств С.М. Михайлова об особенностях религиозного мировоззрения чувашей, о храмовом строительстве, функционировании прихода, взаимоотношениях клира и паствы, уничтожении духовенства во времена пугачевского восстания, об отдельных приходских центрах, об инославных деноминациях на территории Среднего Поволжья. Что очень показательно, автор не только констатирует факты прошлого, он предлагает очень необходимые практические рекомендации по предотвращению некоторых проблем или совершенствованию некоторых явлений. Не случайно современные исследователи называют Спиридона Михайлова просветителем [2, с. 143].

Уже с первых страниц своей автобиографии Спиридон Михайлов подмечает крайне трепетное отношение к церковным книгам. Будучи ребенком в 1820-е гг., он говорит о том, что приходские служители приезжали к его «родителям по разным требам», что является несомненным показателем приобщения отдельных чувашских семей к православной обрядности [3, с. 25]. Надо отметить, что и родителям Спиридона в 1820-е гг. православная вера была неким спасением: он вспоминает, что отец часто отправлялся молиться в маленькую кирпичную часовню, расположенную в трех верстах от родной деревни. Привезенные приходским священником религиозные книги казались мальчику «божеством, а буквы в них драгоценностью», а «сердце… рвалось из отеческого дома в святую Русь» [3, с. 25, 46]. Оказавшись в Козьмодемьянске в шестилетнем возрасте, он был «очарован городом, его церквами…» [3, с. 26]. В этом уездном городе Спиридон был принят на воспитание в купеческую семью Михеева, где овладел церковной азбукой «со всеми молитвами и кратким катехизисом», а очень скоро – и псалтыри [3, с. 25]. В отличие от своих сверстников, которые любили проводить время в товарищеских играх, наш герой часто «любил ходить к божественной службе» в приходскую Богоявленскую церковь. Неизгладимое впечатление на него произвел приезд в город казанского архиепископа Филарета, особенно «святительская служба и гармоничное пение прекрасного хора, равно и маленькие в нем певчие, в стихарях и парадном греческом платье» [3, с. 27–28].

Начав в 13 лет служить помощником писаря, а затем и писарем, Спиридон Михайлов в письмах родителям выражал надежду на скорое искоренение традиционных языческих представлений чувашей: «горы по побережью Суры, представлялись священными палестинскими горами, Сура, бывшая в полном разливе – рекой Иорданом, а возвышающиеся из-за нее купола ядринских церквей – градом Иерусалимом» [3, с. 29].

В ряде своих публикаций Спиридон Михайлов освящает ряд фактов, связанных с теми или иными явлениями православной веры в Чувашском крае, основанных на легендах. Например, одна из них посвящена иконе Николая Чудотворца, обнаруженной в деревне Юнга-Ядрино. Приход села Чемеево Козьмодемьянского уезда Казанской губернии небольшой, но чуваши здесь достаточно религиозны. Икона, найденная крестьянами в 1777 г. на пашне, стала привлекать паломников из соседних уездов, а также верующих из

Нижегородской губернии: чувашей, мари, русских. С этой иконой было связано немало фактов чудесного исцеления от многих болезней. На месте обнаружения иконы спустя время была сооружена часовня, «поставлена в нее одна большая кружка с медной ризою. Бывает довольно и в кладках в кружку сей часовни в пользу церкви» [3, с. 44, 48, 50]. Летом эта часовня в дневное время «белеется на поверхности как верный маяк на распутиях человеческой жизни», ночью «останавливает путешественника теплеющаяся в ней свеча, оставленная каким-нибудь поклонником непогашенною» [3, с. 50]. Вступая в этнографический экскурс о чувашском народе, автор отмечает, что крестьяне «твердо знают о крещении дедов их и построении приходских церквей» в селах, местные «верховые чуваши, сливаясь с черемисами, более их просвещенными, оставляют языческие свои заблуждения; а о черемисах горных, то есть живущих в нагорной стороне Волги, нечего и говорить: они очень религиозны», в ряде селений «черемисы даже религиознее русских». Огромную роль в распространении веры сыграл благочинный священник с. Чермышево Михаил Кроковский…, у чуваш же славными проповедниками считаются села Ишак священники Акрамовский, Громов» [3, с. 50, 56]. У первого «прихожане, черемиса, весьма религиозны». Причины сближения марийского народа с православием Михайлов видел в том, что священник «каждую службу сказывает им поучения, на их природном языке внушает им догматы православной веры, где бы не случалось, в церкви и вне церкви». У чувашей же таких достойных священников мало [3, с. 177]. И действительно, клировые ведомости подтверждают эти факты об активной просветительской и миссионерской деятельности М. Кроковского [1].

Практически все стороны жизни местного населения стали предметом пристального внимания исследователя. Тонкий наблюдатель, Спиридон Михайлов не упускает мелкие детали и факты, вероятно, заимствованные из официальных источников, из русских, чувашских, марийских народных преданий. В частности, это заметно при описании Козьмодемьянска. В этом наиболее благоустроенном городе Казанской губернии функционировало пять храмов, три часовни. Одной из самых богатых утварью была приходская Успенская церковь, известность она получила во многом благодаря посещению императора Павла Петровича со своими сыновьями Константаном и Александром в 1798 году. А самой лучшей в архитектурном выражении автор посчитал Тихвинскую церковь, сооруженную в 1827 году [3, с. 130–131].

Крупным селением в Козьмодемьянском уезде считалось село Покровское – Большая Юнга. Изначально здесь существовала деревянная церковь, перестроенная в 1814 г. на каменную. Ранее село принадлежало суздальским архиереям, вероятно, после секуляризационной реформы Екатерины II в 1764 г. крестьяне стали государственными. В селе издавна отмечали храмовый праздник Покрова, а впоследствии в этот день сюда стали стекаться крестьяне и торговцы с соседних деревень для осуществления торгового обмена, более того, «Покровская ярмарка приносит еще немаловажную пользу, что через оную инородцы, сближаясь с русским, перенимают их нравы и обычаи», в первую очередь связанные с православным вероучением [3, с. 168, 170].

Одной из самых заметных публикаций Спиридона Михайлова стала статья «Отчего чуваши давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления», представленная в Русское

географическое общество в 1856 году. Обладая прекрасным аналитическим умом, просветитель выявил две ключевые причины столь печального явления среди чувашского народа: чуваши не имеют явного понятия о христианской религии, весьма суеверны и о будущности, по внушениям их ворожцов, или жрецов емси…», а «предпоставленные власти дурно управляют чувашским народом и не внушают им гражданских законов и других благонамеренных распоряжений правительства, по которым предоставлены всякому народу права и преимущества…». Чуваши «будучи далеки от истин евангельских, весьма суеверны», сложно им еще понять пагубность и греховность совершения акта самоубийства [3, с. 175–176]. Отвечая на вопрос, почему чуваши еще суеверны, он причины этого явления в первую очередь видит в огромном влиянии жрецов-емси. Вторая же причина кроется в положении приходского духовенства: «…чужды чуваши своему духовенству и не привязаны к ним как скованные овцы к духовным пастырям…». Значительная часть чувашей в середине XIX в не знала, «для чего созданы храмы господни в них поставлены служители, а по внушениям своих ворожцов-жрецов думают, что церкви и священники поставлены для притеснения их. Если бы духовенство старалось им внушить истины евангельские и самих себя удерживать от неприличных с ними обращений, то давно бы чуваши забыли своих ворожцов и давно бы перестали бросаться на самоубийство» [3, с. 177]. Поэтому для предотвращения таких негативных явлений предлагается приходскому духовенству «стараться словом и делом вразумлять прихожанам евангельские истины, давать поучения на природном языке инородцев о догматах христианской религии», убедить, что «прежние их суеверия весьма пагубны, ведущие в гибель…», языческих же жрецов следовало «предавать суду как обманщиков». Отдельным пунктом Михайлов предлагал «внушать инородцам, что гражданские законы изданы для охранения благосостояния народа и что всякий может защитить себя в суде, а не давиться понапрасну…», а учителям вновь создаваемых школ министерства государственных имуществ относиться к выполнению своих обязанностей со всем прилежанием [3, с. 180–181].

Вообще, по мысли просветителя, православное духовенство недостаточно внимания уделяет христианскому просвещению, выполняя свои функции порой формально и вымогая у чувашей дополнительные поборы. Об этом написано самым нелицеприятным образом: в Ишаках, где есть образ Святителя Николая, «чувашин или другой инородец ставит свечку в 10 коп., берут с него еще 15 коп. Если ставит свечу в 50 коп., берут с него 1 руб. и так далее за то, что допустили его помолиться образу Св. Николая, а в противном случае не позволяли ставить свеч…» [3, с. 182–183]. Этому селу посвящен и целый очерк, где говорится о происхождении села, крещении чувашей в 1748 г., «обретении образа Святителя Николая» в 1751 г. и основании прихода, сооружении храма на средства чебоксарского купца Данилы Микулина, его архитектурных особенностях. В конце XVIII в. здесь предполагалось даже основать обитель из числа сиротствующих, но эта идея так и не была реализована [3, с. 189–190]. В этом же селении, а также в Чемеево, представлялось необходимым открыть училища: «в этих селениях, центральных училищах, можно было бы преподавать науки, в ученики записывать таких мальчиков, которые сами желают учиться» [3, с. 201].

Будучи глубоко верующим человеком, Спиридон Михайлов не мог не затронуть и такую острую проблему, как распространение раскола в крае.

Он прямо пишет, что официальные данные о раскольниках прямо противоречат действительной ситуации: жители Козьмодемьянска и уезда, русские, «почти все придерживаются расколу и близких к церкви весьма мало. И если считаются православными христианами, то во избежание законного преследования. Настоящие раскольники выписываются из ведомостей под видом обращения к церкви, по домашним обстоятельствам, дабы было можно сына женить или дочь замуж выдать». Браки «совершаются только между подобными себе тайными раскольниками и, по неимению у них публичных часовен, венчаются в христианских храмах», после этого они «совершенно оставляют церковь и никаких таинств не приемлют, кроме крещения детей как неизбежного таинства», требы свои раскольники удовлетворяют в частных домах. Старообрядцы характеризовались писателем как «нрава грубого и даже дерзкого…, духовенство терпеть не могут, называя оное антихристовыми служителями», «по сим причинам здешнее гражданское духовенство находится в крайней нищете» [3, с. 267, 286–287].

Таким образом, Спиридон Михайлов – один из самых ранних просветителей нерусского народа, этнограф, публицист, человек ярких неординарных способностей, ставший истинным защитником православной веры среди чувашей и мари.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 225. – Оп. 1. – Д. 286. – Л. 199.

2. Родионов В.Г. Труды Спиридона Михайлова (Яндуша) в аспекте некоторых проблем исторической этнологии / В.Г. Родионов // Вестник Чувашского университета. – 2021. – №4. – С. 135–148. – DOI 10.47026/1810-1909-2021-4-135-148. – EDN GOHGXX

3. Михайлов С.М. Собрание сочинений / С.М. Михайлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с. – EDN WDMGFV

Казимиров Максим Сергеевич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-107977

ТРАДИЦИИ ЧУВАШСКОЙ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ТРАПЕЗЫ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Аннотация*: общественная трапеза выполняла важные коммуникативные и социальные функции, отнюдь не являясь простым удовлетворением чувства голода. Пир представлял собой некий ритуальный акт, в ходе которого устанавливались дружеские связи и союзы, решались вопросы войны и мира, жизни и смерти. Пиршества проводились в соответствии с существовавшими порядками дипломатического протокола: рассадка гостей, расположение столов и сервировка блюд не были хаотичными. Тонкости протокола нередко перекликались у разных культур. Сильнее это заметно у родственных народов, которыми являются предки чувашей гунны и булгары. На раскрытие преемственности этнокультурных традиций направлено это исследование.*

Ключевые слова*: дипломатические традиции, пир, церемониальная трапеза, общественное застолье, Аттила, Алмуш, гунны, булгары, чувашская культура, Максимин, Приск Панийский, Сусан ар-Расси, Ахмед ибн Фадлан.*

Сложившаяся система взаимодействия между людьми и народами во многом основана на сложившихся традициях, основы которых формировались в глубокой древности. Для научного анализа принципиальную важность представляет исследование преемственности традиций болгаро-суварских племен и чувашей, пятого по численности этноса Российской Федерации. Согласно одной из наиболее научно обоснованных теорий, булгары и ряд других огурских племен входили в состав гуннского объединения («Гуннской державы»), возвысившегося при Аттиле (433–453 гг.) и оказавшего огромное воздействие на исторические события той эпохи. Наиболее значимой личностью при возникновении Волжской Булгарии является Алмуш, чье имя сохранилось в истории благодаря, прежде всего, запискам ибн Фадлана. Принимая болгаро-суварскую теорию наиболее научно обоснованной, мы взялись сравнить пиры у гуннов и волжских булгар и выяснить присутствие отдельных их ритуалов в традиции чувашской церемониальной трапезы.

В качестве объекта исследования был выбран пир, рассмотренный как этнокультурное явление. Хронологические же рамки исследования обусловлены датировками посольских миссий Максимина и Сусана ар-Расси: 448–449 и 921–922 гг. Содержание работы охватывает также культуру современной чувашской традиционной церемониальной трапезы. Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа источников сравнить сведения о пирах времен правления гуннского вождя Аттилы и правителя волжских булгар Алмуша и выявить общие и особенные черты в церемониальных трапезах гуннов, булгар и их потомков чувашей.

Знакомство с историографией темы показало, что в историко-этнографической литературе она не получила должного освещения. Лишь отдельные ее аспекты отражены в работах отечественных (А.П. Ковалевского, Г.С. Дестуниса, А.В. Тогана) и зарубежных (Дж. Менхен-Хельфена) исследователей. Отсутствуют также специальные работы о пирах в традиционной культуре чувашского народа. Был впервые проведен сравнительно-сопоставительный анализ пиров Аттилы и Алмуша – правителей гуннов и волжских булгар, между которыми, по мнению большинства историков, прослеживается этнокультурная преемственность, а также изучены особенности церемониальной трапезы в традиционной культуре чувашей. Исследование призвано углубить и расширить научные знания по отдельным вопросам развития этнической культуры. Результаты исследования могут внести определенный вклад в изучение этногенеза и этнической истории чувашского народа.

Как правило, пиры эпох древности и средневековья были в известной степени продолжительными, многочасовыми. На церемониальных трапезах обсуждались важные вопросы политики и экономики, разрешались споры и происходил обмен ценностями [1, с. 27], причем люди одного статуса должны были получить равноценные подарки, что предполагается принципом реципрокации. На общественных застольях поднимались кубки в честь королей и вождей, именитых гостей и успешного завершения военных походов. Как правило, во время пира вождь восседал на определенном возвышении во главе трапезы, раздавал милости приближенным, вручал подарки, часто подчеркивая пренебрежение к собственному имуществу. Подобная демонстративная щедрость чрезвычайно долго сохранялась в средневековом обществе и определяла многие правила поведения. Совместное принятие пищи всегда было обусловлено определенными ритуалами и церемониями, так как, помимо утоления чувства голода, оно имело важное социальное значение. Люди собирались за общим столом, чтобы отпраздновать какое-либо событие, установить или подчеркнуть дружеские, деловые или общественные связи, совершить акт общения.

Источник, описывающий обстоятельства и подробности проведения пира Аттилы, на который мы опираемся в настоящем исследовании, известен как «Сказания Приска Панийского». Первый перевод этого документа на русский язык был осуществлен видным историком и филологом Г.С. Дестунисом в 1860 г. Оригинальный же труд Приска, как и текст «Записки…» ибн Фадлана, не сохранился в полном объёме, однако он является фактически единственным реальным источником сведений об Аттиле.

Уникальным источником, переведённым в 1938 г. на русский язык советским востоковедом А.П. Ковалевским, описывающим обстоятельства и подробности проведения пира, устроенного элтабаром (титул царя у булгар) Волжской Булгарии Алмушем по случаю прибытия багдадских послов, на который мы ссылаемся, является документ, известный как «Записка…» о путешествии на Волгу, за авторством известного арабского путешественника, дипломата и государственного деятеля X в. Ахмеда ибн Фадлана, секретаря посольской миссии Аббасидского халифа аль-Муктадира.

Функции секретаря посольской миссии под руководством Максимина выполнял Приск Панийский – позднеантичный дипломат, историк, оратор, писатель и философ. Она была отправлена императором Восточной Римской империи Феодосием II к Аттиле в 448 г. с целью заключить окончательное соглашение о мире и урегулировать вопросы, связанные с

выдачей беглецов и ведением хозяйственной деятельности на землях, захваченных гуннами [9, с. 112]. Следует отметить, что миссия Максимина в целом стала неудачной для Византии, но в её ходе были созданы специфические условия, позволившие секретарю отразить в письменных протоколах значительный объём сведений о гуннском вожде, в частности о церемониальной трапезе, устроенной им в честь одного из «скифских» праздников, на которую были приглашены и восточно-римские посланники. Считается, что ставка, в которой происходили описанные события, находилась на территории современной Венгрии. Следует также отметить, что члены восточно-римского посольства провели в ожидании приема достаточно продолжительное время. [9, с. 110].

Пир же, отраженный в сохранившемся фрагменте текста «Записки…» ибн Фадлана, был устроен по случаю прибытия посольской миссии, присланной Аббасидским халифом в ответ на прошение Алмуша, правителя Волжской Булгарии, уже являвшегося мусульманином, о прибытии исламских наставников, оказании помощи в строительстве мечетей и военных сооружений. Можно предположить, что аль-Муктадир преследовал цель, заключавшуюся в упрочении ислама на дальних рубежах, а Алмуш – освобождение из-под власти Хазарского каганата, поскольку, как прямо отмечал ибн Фадлан, булгары платили дань кагану, который держал сына «царя булгар» у себя в заложниках и насильно взял дочь элтабара себе в жены [13, с. 42]. Таким образом, подтверждается выдвинутый в предыдущей главе тезис об особой роли пиров в структуре дипломатических традиций ранних элит, поскольку в обоих приведённых примерах немаловажными аспектами церемониальных трапез были именно острые вопросы политики и культуры, а отнюдь не потребность в удовлетворении чувства голода.

Спустя несколько дней после первого неудачного приема у Аттилы, византийские дипломаты были приглашены на пир по случаю одного из «скифских» праздников, о чём последние были уведомлены одним из приближенных к вождю старейшин, что составляет определенное сходство с описанием секретаря багдадской миссии, согласно которому члены посольства от имени Алмуша также получили приглашение на пир от одного из приближенных к элтабару князей. Согласно протоколам Приска, торжество в ставке Аттилы началось около девяти часов дня [11, с. 471]. Конкретных сведений подобного рода Ахмед ибн Фадлан, увы, не оставил, но исходя из контекста содержания «Записки…» можно сделать вывод, что пир начался ближе ко второй половине дня.

В центре помещения, в которое вошли Приск, Максимин и остальные члены византийского посольства, на высоком троне из резного дерева сидел сам Аттила, в то время как позади него было ещё одно ложе, за которым несколько ступеней вели к постели вождя, закрытой тонкими пестрыми занавесками. Автор «Сказания» предполагает, что за занавесью могла присутствовать жена вождя [11, с. 503], в чём обнаруживается очередное сходство с описанием пира Алмуша. Так, ибн Фадлан в тексте «Записки…» отмечает, что одной из традиций булгарских цариц было присутствие на торжествах рядом со своими мужьями [6, с. 42], исключение не составила и церемониальная трапеза по случаю прибытия багдадских послов – после завершения процедуры последовательного представления элтабару и его жене многочисленных даров, среди которых были

жемчуга, одежды и различные благовония, арабский дипломат лично в присутствии людей накинул на царицу почётный халат.

Наиболее почётной считалась скамья по правую руку от Аттилы, на которой среди прочих восседали Орест, Онигисий и Верих, приближенные к вождю «скифы» знатного происхождения, старейшины и двое младших сыновей кагана. Старший сын, Эллак, сидел на одном ложе со своим отцом, но не слишком близко, из уважения, как отмечается в источнике, потупив глаза. Максимин, Приск и остальные члены посольства были размещены по левую руку от Аттилы, рядом с прочей знатью. Благодаря скрупулезным записям Ахмеда ибн Фадлана, нам известны и подробности рассадки на пире царя булгар, в значительной степени повторявшей схему размещения гостей на церемониальной трапезе Аттилы: справа от Алмуша, трон которого был размещён в центральном положении и покрыт византийской парчой, сидели его князья и сыновья, а слева этлабар пригласил разместиться участников посольства.

В начале пира Аттила, лично подняв деревянную чашу с золотой рукоятью, чествовал каждого из присутствовавших, начав с ряда по правую руку [4, с. 98]. Примечателен тот факт, что за спинами гостей стояли виночерпии, наливавшие для последних вино в золотые и серебряные чаши для ответных слов в адрес повелителя, в процессе чего каждым из присутствовавших сосуд опустошался до дна, в то время как Аттила лишь слегка отпивал из своего ковша. Так, невзирая на большое количество гостей, каждому из них оказывалась честь и возможность высказать почтение «кагану», совершить акт общения. Настоящий коммуникативный принцип, фактически сохранившийся, но видоизмененный, был реализован и в церемониальной трапезе в стане Алмуша. Примечательно, что никто не мог притрагиваться к еде, пока царь сам не предложит кусок. По указанию элтабара был принесён стол с яствами, на котором было только жареное мясо. Затем он съел первые три куска, отрезав их ножом, и, собственноручно отрезав четвертый кусок, передал его Сусану ар-Расси – послу халифа – перед которым тотчас поставили ещё один столик, по размерам меньше первого. Вслед за ар-Расси кусок мяса получил и сам Ахмед ибн Фадлан, после чего перед секретарем тоже был поставлен столик. Третьим вслед за царем пищу получил первый князь, сидящий от элтабара справа, которому также был принесён свой столик. Затем – князь, сидящий справа вторым от трона, и сыновья Алмуша. Процедура продолжалась до тех пор, пока перед каждым приглашенным не стоял персональный столик.

Таким образом, важно подчеркнуть, что общий стол отсутствовал: каждый ел исключительно со своего небольшого столика пищу, передаваемую царем, однако самостоятельно с царского стола никто ничего не брал. Примечателен и тот факт, что, по завершении царем трапезы, каждый уносил с собой оставшуюся на своем столике пищу в свой же шатер. В церемониальной трапезе в ставке Аттилы, в отличие от пира элтабара, присутствовали общие столы, пополнявшиеся серебряными блюдами с яствами руками слуг, в то время как вождь, предпочитавший деревянную чашу, был аскетичен и в пище, держа в ней лишь жареное мясо и хлеб, как у булгар. На столах гостей же присутствовали мясо и рыба, овощи и разнообразные фрукты, привезенные, по предположению Приска, с далеких южных земель. Пир был продолжительным: начавшийся в девять часов дня, он продлился до темноты и продолжился уже в свете факелов. Отмечается, что

по завершении церемониальной части трапеза приобрела неформальный характер – пирующие свободно перемещались по зале и подходили друг к другу, изъявляя дружеские чувства, обнимаясь и беседуя. Время от времени многоголосие прерывалось тостами с восхвалениями в адрес Аттилы, на которые последний ближе к концу почти не обращал внимания, – вождь сохранял трезвую голову на всем протяжении празднества. На следующий день послы, одаренные «приличными подарками», отбыли в Константинополь.

Принимая во внимание доказанную и проиллюстрированную конкретными примерами родственность гуннской и булгарской культур, следует констатировать, что присущие им традиции нашли отражение и в обрядовости чувашей. Так, обращает на себя внимание обилие мяса в числе их ритуальных блюд. Что примечательно, у низовых чувашей по настоящее время сохранился обычай преподносить в дар на свадьбу по целому вареному гусю.

Кроме того, угощение в рамках традиционной чувашской церемониальной трапезы как правило начинается с подачи ковша домашнего пива. Традиция возлияния некрепкого алкоголя уходит своими корнями в глубокую древность, как минимум к пирам Аттилы, и является важным коммуникативным средством, замещенным в стане Алмуша специфическим способом передачи жаренного мяса, поскольку ислам содержанием суры 5 запрещает употребление алкоголя в любом виде. В настоящее время на традиционном чувашском застолье пиво как правило преподносится с пожеланиями здоровья и выражением благодарности: «Тав сана!» [8, с. 125]. Согласно традиции, гостю предлагается испить из чаши три раза подряд. В целом, церемониальная трапеза в чувашской обрядовости состоит из комплекса блюд, принятых для определенной ситуации. По основным обрядам различаются названия трапез: ача чăкăчĕ (досл. пер. с чув. «сыр на родинах»), çĕнĕ çын яшки (обрядовый суп на свадьбе, досл. пер. с чув. «суп молодой»), çĕнĕ çын икерчи (обрядовая лепешка на свадьбе), никĕс пăтти (обрядовая каша при закладке дома), кĕр сăри (пиво, приготовленное осенью в честь нового урожая) и другое [5. с. 131].

В большинстве случаев общественные трапезы отличаются многочисленностью своих участников. Например, характер всенародных пиров имели трапезы: на свадьбе; при проведении *Акатуя* – праздника в честь окончания сева; при праздновании *Çимĕк*, означающего, по аналогии с православной Троицей, поминовение усопших; на *Уй чӳк* – моления об урожае; на *Çумăр чӳк* – молении о дожде в случае засушливого лета и так далее [2, с. 211]. Особенностью тюркского этикета, также нашедшей отклик в чувашской традиции, предполагается женское участие в празднестве, что совпадает с описаниями трапез в станах Аттилы и Алмуша.

Таким образом, следует констатировать определенную преемственность в церемониальных трапезах гуннов, болгар и чувашей. В частности, традиционные чувашские кушанья можно разделить на две условных группы. Так, первая включает в себя мясные блюда, такие как *шăрттан, аш-какай шурпи* и *тултармăш*. Присутствие в ней значительного количества мясных блюд, являвшихся неотъемлемым элементом гуннской и булгарской культур, может свидетельствовать о сохранении четкой линии преемственности между чувашами и их предками. В то же время, ко второй можно отнести мучные печенья, кисели, каши и прочее. Ими, по-видимому, чувашская культура обогатилась вследствие многочисленных этнокультурных контактов с русскими и финно-уграми – так склонна объяснять сложившееся положение вещей теория

диффузионизма. Тем не менее, преобладающая роль в культуре чувашской традиционной трапезы отводится растительным продуктам, а именно – ржи, гречихе, просу, овсу, ячменю, полбе и другим видам круп. В частности, из овса изготавливалась мука, из ячменя – пиво, из полбы – особое ритуальное печенье, а из проса – обрядовая каша *вир пăтти*, лепешки *икерчĕ*, мясной пирог *хуплу*. Каши в культуре чувашской трапезы имели действительно большое значение – причем не только практическое, но и ритуальное. Например, по завершении процесса посева моление о большом урожае сопровождалось приготовлением каши, называемой *ака пăтти*; моление о сохранении стада – приготовлением каши *карта пăтти*; моление о надежности сооружения при строительстве – приготовлением каши *никĕс пăтти* и так далее [10, с. 86]. Существуют, однако, и существенные различия в культурах церемониальной трапезы у чувашей и их далеких предков – булгар и гуннов. В частности, в XIX в. картофель стал неотъемлемым элементом чувашской национальной кухни. Особое предпочтение отдавалось блюдам из картофеля.

Важным ремеслом у чувашей следует считать хлебопечение, поскольку хлеб составлял основу крестьянского рациона. Считалось, что умение печь хороший хлеб являлось одним из первостепенных навыков хозяйки – по его вкусовым качествам давалась оценка ее достоинствам. В частности, в содержании «Сказаний князя Курбского», описывающих в том числе покорение Казани, сохранилась достаточно лестная характеристика, данная автором чувашскому хлебу. Так, Андрей Михайлович писал о нем как о «сладостнейшем, паче драгоценных калачей» [7, с. 9]. Однако как правило у поволжских чувашей был в большей степени распространен именно ржаной хлеб. Это связано с тем, что пшеница являлась достаточно дорогим и редким злаком. В чувашской культуре ржаной хлеб называется также *хура çăкăр*. Что примечательно, в отличие от поволжских, закамские и приуральские чуваши чаще употребляли в пищу хлеб из пшеничной муки, поскольку условия для выращивания пшеницы на территории их проживания были значительно лучше. Сам процесс хлебопечения также был тесно сопряжен с обрядовой составляющей. Так, тесто замешивалось еще с вечера, а закваска, называемая *кăвас тĕнĕ*, изготавливалась на основе старых хлебов. Затем мука засыпалась в квашню, называемую *кăвас чĕрес*. После этого хозяйкой произносились особые слова, а именно «Кăвас, часрах йӳç, ачасем çăкăр çиес килет теççĕ», что на русский язык можно перевести как «Тесто, поднимайся скорее, дети хотят хлеба» [12, с. 138]. Хлеб также нередко пекся с добавками, к которым в урожайные годы могли быть отнесены, например, овощи и ягоды, а в неурожайные – отруби, разные семенные культуры, кора, травы и прочее. Причём соотношение добавок непосредственно к тесту могло меняться в зависимости от объемов урожая. Например, хлеб из лебеды или *мăян çăкăрĕ* получался, если к трем четвертям лебеды добавить всего одну четверть ржаного теста. Он обладал тяжелым запахом, получался жестким и горьким, но в случае исключительно тяжелого положения мог спасти крестьян от голодной смерти.

Важная роль в церемониальной трапезе чувашей отводилась и печенью. В частности, следует отметить отдельным текстом *пӳремеч* и *йăва*. Так, блюдо *пӳремеч* представляло из себя ватрушку с начинкой из творога и с добавлением злаковых культур, а *йăва* – шаровидное печенье. Употребление последнего было напрямую связано с культом плодородия скота: особая молитва, читаемая при принятии в пищу *йăва*, просила

высшие силы об умножении поголовья скота в числе, эквивалентном количеству печенья на столе.

Таким образом, методом сравнительно-сопоставительного анализа был выявлен ряд общих черт в описании подробностей проведения церемониальных трапез Аттилы и Алмуша, проявляющихся и в современной чувашской культуре, таких как соблюдение принципа коммуникации правителя и приглашенных, детали рассадки, участие жён вождей в пирах и прочее. Это позволяет выдвинуть обоснованное предположение об общности природы традиций дипломатического протокола у тюркских народов – гуннов, булгар и чувашей. Выдвинутая гипотеза об особой роли пиров в структуре дипломатических традиций также была подтверждена.

Список литературы

1. Бурганова В.Н. Образ пира в рыцарской литературе Средневековья / В.Н. Бурганова, В.В. Кос // СибСкрипт. – 2008. – №2. – С. 26–29. – EDN LTXNEJ

2. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки) / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – 408 с.

3. Ковалевский А.П. О степени достоверности ибн-Фадлана / А.П. Ковалевский // Исторические записки. – Т. 35. – 1950. – С. 265–293.

4. Козлов А.С. «Византийская история» Приска Панийского как памятник классического исторического нарратива / А.С. Козлов // Документ. Архив. История. Современность. – 2015. – Вып. 15. – С. 152–166. – EDN UIKLXH

5. Козлова К.И. Этнография народов Поволжья / К.И. Козлова. – М.: Народы Европейской части СССР, 1964. – 174 с.

6. Ковалевский А.П. Новооткрытый текст ибн-Фадлана / А.П. Ковалевский // Вестник древней истории. – 1938. – №1. – С. 57–71.

7. Курбский А.М. Сказания Князя Курбского / А.М. Курбский. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1833. – 271 с.

8. Пахутов А.Е. Пища как характеристика чувашского этноса / А.Е. Пахутов // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. – 1984. – С. 123–128.

9. Пикин А.В. Римские интеллектуалы середины-конца V века на службе варваров: сохраняя традиции внешнеполитического общения / А.В. Пикин // Интеллигенция и мир. – 2015. – №4. – С. 108–118. – EDN VKXYSD

10. Попова Е.В. Символика каши в обрядах бесермян / Е.В. Попова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – №1. – С. 84-96. – EDN YNUBUL

11. Приск Панийский. Сказания / пер. Г.С. Дестуниса; изд. подг. А.И. Цепков. – Рязань: Александрия, 2005. – С. 435–534.

12. Сергеева Е.В. Этнография питания чувашей (историографический обзор) / Е.В. Сергеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №7. – С. 134–141. EDN OYDTPT

13. Султан Шамси Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама / Шамси Султан. – М.: МИФИ, 1992. – 94 с.

Мухаметшина Лилия Талгатовна
старший научный сотрудник
Институт татарской
энциклопедии и регионоведения
ГНБУ «Академия наук
Республики Татарстан»
г. Казань, Республика Татарстан

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ИЗ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

***Аннотация**: в статье проанализированы практики сохранения и популяризации в Республике Татарстан нематериального культурного достояния населяющих ее народов. Объектом исследования стали проводимые в республике праздники традиционной культуры, этнические, фольклорные, гастрономические и многие другие фестивали, призванные способствовать формированию у татарстанцев позитивных установок на межнациональное согласие и сотрудничество.*

***Ключевые слова**: энциклопедия, народы Татарстана, нематериальное культурное наследие.*

Концепция иллюстрированной энциклопедии «Народы Татарстана» [1], разработкой которой с 2018 года занимаются научные сотрудники центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, предполагает комплексное изучение всех имеющихся сведений о населяющих республику народах. Такой подход позволяет создать систематизированный свод знаний об их истории и культуре, обычаях и обрядах, духовной и материальной повседневности. Это наглядно демонстрирует словник энциклопедии [2]. Включение в энциклопедические статьи разнообразной информации, не введенной ранее в таком формате в научный оборот, усиливает просветительский потенциал издания, расширяет границы его использования.

Одним из импульсов, подтолкнувших к созданию иллюстрированной энциклопедии, стала возникшая в обществе острая необходимость в сохранении и популяризации нематериального культурного наследия народов РТ. Данный общественный запрос сформировался в результате проводимой в Татарстане государственной политики, важнейший принцип которой – содействие сохранению этнокультурной самобытности всех народов, проживающих в республике. Права этнических общностей на развитие их языков, культуры и обычаев обеспечиваются путем создания условий для работы профессиональных деятелей, учреждений, фольклорных коллективов, национально-культурных автономий и общественных объединений, народных художественных промыслов и ремесел. Деятельность в области выявления, изучения, использования, сохранения и популяризации нематериального этнокультурного достояния регулируется Федеральным законом от 20 октября 2022 года №402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [3]. Согласно данному закону, к объектам нематериального этнокультурного достояния относится устное

народное творчество, а также традиции, обычаи, уклады жизни, уникальные знания и навыки этнических групп страны, которые передаются из поколения в поколение. Как показал проведенный анализ [4], в Татарстане ведется активная планомерная деятельность по сохранению и популяризации всех этих объектов. Ежегодно проводятся республиканские праздники традиционной культуры: татар – Сабантуй (в июне; в районах и Казани), русских – Каравон (конец мая; с. Никольское Лаишевского района), чувашей – Уяв (начало июля; с. Сиктерме-Хузангаево Алькеевского района), кряшен – Питрау (середина июля; с. Зюри Мамадышского района), мордвы – Валда шинясь (начало июля; Тетюшский район), удмуртов – Гырон быдтон (середина июня; Кукморский район), марийцев – Семык (начало июня; с. Пелемеш Агрызского района).

Многообразная культура народов Татарстана представлена на таких этнических фестивалях, как Международный фестиваль народного творчества тюркских народов «Чатыр тауда жыен» (начало июля, г. Азнакаево), Этно-модерн фестиваль Karakuz (вторая половина июля; г. Альметьевск), Международный этнический фестиваль «Крутушка» (конец августа; пос. Крутушка), Международный фестиваль этнической культуры «Ага-Базар» (конец июля; г. Болгар, Спасский район), Международный этно-fashion фестиваль «Стиль жизни – Культурный код» (вторая половина июля; г. Болгар, Спасский район), Межрегиональный фестиваль татарского фольклора «Түгәрәк уен» (конец августа; г. Казань). Фестиваль «Чатыр тауда жыен» проводится более десяти лет. До начала празднеств устраивается театрализованное представление, отражающее историю, традиции и легенды горы Чатыр-Тау – самой высокой точки Татарстана. Фольклорные коллективы приезжают не только с концертными выступлениями, но и с подворьями и выставочными площадками, в которых отражаются народные быт и промыслы. В основе этнофестиваля Karakuz лежат многовековые традиции проведения ярмарок и уличных выступлений. Издавна на ярмарках и городских гуляниях не только велась торговля, но и происходил культурный обмен между разными народами. В рамках этнофестиваля проходят мастер-классы по народному ремеслу, по основам игры на старинных поволжских инструментах, концертная программа с внушительным списком артистов фолк-сцены. На фестиваль «Крутушка» собираются авторы, исполнители, музыкальные, танцевальные и театральные коллективы, источником творческого вдохновения для которых служат этнический и традиционный народный материал, носители и хранители аутентичного фольклора разных народов, а также мастера декоративно-прикладного искусства и национальных ремесел. Организаторы фестиваля «Ага-Базар» пытаются воссоздать атмосферу уникального исторического базара, который тысячу лет назад располагался на пристанях Волжской Булгарии. Он объединяет мастеров, артистов и ценителей народных промыслов и искусства в одно историческое пространство. В ремесленных рядах гости и туристы могут найти реконструкцию старинных украшений, легко научиться играть на варгане. Международный этно-fashion фестиваль «Стиль жизни – Культурный код» – это открытый фестиваль современной культуры и творчества с насыщенной программой: красивый национальный event с живыми дискуссиями и образовательными лекциями, уникальными мастер-классами, ярмаркой необычных изделий, этнопоказами мод, эффектными перформансами и особенной атмосферой. «Түгәрәк уен» – единственный фестиваль в России, посвященный исключительно аутентичному фольклору татар. В его

программе лучшие исполнители баитов и мунаджатов; вокалисты, вокальные коллективы; коллективы и исполнители на традиционных музыкальных инструментах; фольклорно-хореографические коллективы; лучшие детские фольклорно-этнографические ансамбли. Также в рамках мероприятия проводятся национальные игры, мастер-классы, выставки и другие интересные формы презентации народной культуры.

Обряды, празднества, обычаи, игрища и другие формы народной культуры нашли отражение в проводимых в республике национальном празднике «Карга боткасы» (конец апреля; г. Набережные Челны), главное предназначение которого – обеспечение в будущем году богатого урожая; а также в Межрегиональном фестивале народных игр Uen Fest (1 июня; г. Казань), посвященном традиционным народным играм и забавам; Всероссийском этно-спортивном фестивале тюркских народов «Байга» (май; Лениногорский район).

В республике также проводятся мероприятия, направленные на сохранение и популяризацию таких объектов нематериального культурного достояния народов Татарстана, как «технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами» [2]. Это Межрегиональный фестиваль традиционных ремесел «Бугульма ремесленная» (начало июня; г. Бугульма), Всероссийская Спасская ярмарка (начало августа; г. Елабуга), гастрономические фестивали «Вкусная Казань» (вторая половина августа; г. Казань) и «Свияжская уха» (начало сентября; с. Свияжск), Межрегиональный фольклорный фестиваль «Кукморские валенки» (начало января; г. Кукмор), Фестиваль креативных санок «SunnyФЕСТ» (начало февраля; г. Мамадыш), Республиканский фестиваль женского народного промысла «Шәлләр элдем читәнгә» (август; Рыбно-Слободский район) и др.

Таким образом, проведенный анализ выявил многообразные формы сохранения и популяризации в Татарстане объектов нематериального культурного наследия населяющих республику народов. Среди них – праздники традиционной культуры, фестивали народного творчества, этнические, фольклорные, традиционных ремесел, гастрономические, этно-спортивные, креативных санок, женского народного промысла, народных игр и др. Вся эта кропотливая работа учреждений культуры способствует обогащению духовного мира граждан республики, формированию в них позитивных установок на межнациональное согласие и сотрудничество.

Список литературы

1. Мухаметшина Л.Т. Иллюстрированная энциклопедия «Народы Татарстана»: разработка концепции и методологии / Л.Т. Мухаметшина // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 14-15 мая 2018 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 317–319. EDN XOJHLN

2. Народы Татарстана: иллюстрированная энциклопедия: словник / Институт татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ; отв. ред. Р.В. Шайдуллин. – Казань, 2018. – 72 с.

3. Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20.10.2022 №402-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405406217/ (дата обращения: 16.10.2023).

4. Карта этнофестивалей 2023: этнокультурное достояние народов Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mincult.tatarstan.ru/file/mincult/File/карта%20этнофестивалей%20республиканские%20%281%29.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

Никифорова Алина Александровна
канд. культурологии, доцент
ФГБОУ ВО «Нижневартовский
государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

***Аннотация**: значительный интерес сегодня уделяется традиционной национальной культуре. Значимость сохранения самобытной культуры народов провозглашена и на правительственном уровне. Особое внимание сегодня уделяется включению традиционной национальной культуры в сферу внутреннего туризма, которое не только позволяет сохранять элементы национальной культуры, но и способствует популяризации дестинации.*

***Ключевые слова**: туризм, внутренний туризм, традиционная национальная культура, самобытная культура, туристская дестинация.*

Современное общество переживает трансформационные процессы, связанные с формированием новых ценностей, ориентированных на социальную коммуникацию и информацию. При этом особую роль приобретают регионы, транслирующие и сохраняющие культурную самобытность посредством региональной народной культуры.

Внимание к народной культуре прослеживается и в сфере внутреннего туризма, где вырос спрос на мероприятия, связанные с проведением народных праздников или фестивалей. Можно говорить о том, что за последние несколько лет сформировался значительный интерес к территориям, где можно познакомиться с аутентичной, самобытной культурой народов. В связи с чем появилось достаточное количество новых туристических продуктов, предлагающих культурные и гастрономические направления. По приезду домой из поездки туристы, общаясь со своими друзьями, родственниками, делятся впечатлениями об особенностях культуры посещенного региона, показывают приобретенные изделия.

Традиционную народную культуру можно определить как совокупность духовных и материальных ценностных установок и ориентиров, сформированных тем или другим народом (этносом). Традиционная народная культура включает транслируемые из поколения в поколение (в бесписьменной форме) комплексы празднично-обрядовых, семейно-бытовых традиций, а также народную художественную культуры [1].

Важнейшими, и наиболее зрелищными, элементами традиционной народной культуры являются устное народное творчество, народная музыка и песня, народный танец, декоративно-прикладное творчество, фольклорный театр и т. д. А народные праздники, обряды и забавы, тесно связанные с искусством, включают национальные песни, игры, танцы, музыку, рассчитанные на всех участников [2].

Среди особенностей народной культуры можно назвать тот факт, что, создаваясь народом, она отражает особенный, уникальный национальный опыт, раскрывая менталитет, нормы и ценности морали, нравственности, религии. Для содержания традиционной культуры характерны такие черты как простота, доступность, понятность и наглядность.

Значительной частью национальной культуры являются народно-художественные промыслы. Несмотря на многие сложности, в нашей стране сохранилось множество разнообразных промыслов, которые отражают идентичность и являются по-настоящему узнаваемыми брендами территорий. Их роль становится особенно яркой сейчас, когда формируются новые тренды в развитии внутреннего туризма. Нужно отметить, что развитию внутреннего туризма уделяется большое внимание не только на территории регионов туристско-привлекательных, но и на уровне правительства. Сегодня в числе приоритетных государственных программ культурной политики Российской Федерации определяется сохранение объектов культурного наследия и возрождение традиционной культуры [3]. Основные направления развития сферы туризма отражены в Стратегии развития туризма в России до 2035 года, которая вступила в силу с начала 2020 года. Результатом реализации стратегии должен стать существенный рост туристской индустрии и экспорта туристских услуг [4].

Можно отметить ряд классических примеров народных промыслов и ремесел, которые пользуются заслуженной популярностью у туристов (Ростовская финифть, Дымковская игрушка, Оренбургские пуховые платки и т. д.). Вместе с тем появляются новые, никому ранее не известные промыслы. Скажем, в г. Ржавитине Калязинского района семья безработных создала гончарное производство, включая изготовление игрушек. Промысел приобрел настолько широкую известность, что сейчас туроператоры включают Ржавитин в туристские маршруты [5].

Также возможно и формирование национальных поселков, как природных объектов, которые могут быть использованы для удовлетворения рекреационных потребностей населения [6]. На их территории возможно развивать этнографический туризм, который позволит переместиться в прошлое, прикоснуться к старинным артефактам и узнать тайны народов России и мира. В качестве примеров, уже созданных национальных поселков, можно назвать «Этномир» в Калужской области (в парке-музее туристы могут побывать в русском, белорусском, украинском и татарском подворьях, познакомиться с пекарскими традициями и понаблюдать за шаманскими ритуалами); парк «Малые Корелы» в Архангельской области (предлагает туристам отправиться в путешествие в прошлое и рассмотреть старые избы, амбары, часовни и церкви); этнопарк «Кочевник» в Московской области (где можно познакомиться с бытом кочевых народов разных стран и узнать, каких традиций они придерживались); этнографическая деревня «Шира-котар» (Чечня. Здесь туристы перемещаются в чеченский аул XVIII века и получают возможность заглянуть в дома с соломенными крышами) и этнодеревня «Тыгыдым» в Ярославской области (это семейный проект, создатели которого собирают по всей Ярославской области строения конца XIX – начала XX века) [7].

Безусловно, значительное внимание при продвижении региона как туристской дестинации уделяется вопросу формирования туристской инфраструктуры, и в частности – наличию или отсутствию гостиничного фонда. Активное развитие сферы гостиничного бизнеса в России связано с созданием как малых гостиниц, так и больших гостиничных цепей, повышающих уровень конкуренции в данном сегменте [8].

Традиционная народная культура способна стать единственным средством сохранения культурного разнообразия в борьбе с глобализацией и ассимиляцией. Отечественный и мировой опыт свидетельствует о том,

что забвение народных традиций, их утрата грозят не только распадом этнокультурных связей (в первую очередь – межпоколенных), потерей национального суверенитета, но и в целом образованием чуждых природе этноса аномалий в жизни общества, подчас имеющих тяжёлые, необратимые последствия. Вытесненные из жизни общества как пережитки прошлого многие элементы этнических культур сегодня начинают играть заметную роль как в современном культурном пространстве в целом, так и непосредственно в жизни народов – носителей этих традиций [9]. Всё отчётливее осознаётся задача восстановления и стимулирования естественного механизма передачи, воспроизведения, сохранения культурного традиционного материала на основе его дополнения современными технологиями поддержки и пропаганды.

Список литературы

1. Невлева И.М. Теоретические основы изучения традиционной народной культуры / И.М. Невлева, Ж.С. Кохан // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2017. – №3 (252). – С. 58–61. – EDN YJMNDX

2. Ракитянская А.И. Традиционная культура как фактор устойчивого развития туризма / А.И. Ракитянская // Царскосельские чтения. – 2014. – №XVIII. – С. 126–130

3. Основы государственной культурной политики: все изменения 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cultmanager.ru/article/12136-vse-izmeneniya-v-gosudarstvennoy-kulturnoy-politike-2023-goda-23-m01-31

4. Никифорова А.А. Организация туристской деятельности в кризисный период / А.А. Никифорова, О.В. Чернявская. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2021. – 111 с. EDN QFTPBB

5. Самостроенко Г.М. Развитие туризма в регионе на основе использования потенциала народных промыслов / Г.М. Самостроенко // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – №1. – С. 19–23. – EDN ONWAGJ

6. Скульмовская Л.Г. Этнодеревня как одно из направлений развития сельского туризма (на примере нижневартовского района ХМАО – Югры) / Л.Г. Скульмовская, А.А. Никифорова // Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы. V международная научно-практическая конференция. – 2016. – С. 111–115. EDN WGKAFL

7. 5 мест с этнотуризмом в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://travel.mts.ru/media/top/5-mest-s-etnoturizmom-v-rossii?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

8. Никифорова А.А. Особенности конкуренции на рынке гостиничных услуг / А.А. Никифорова, Г.А. Гумерова // Проблемы и перспективы развития лёгкой промышленности и сферы услуг: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса». – 2015. – С. 94. EDN ULAPZX

9. Пуртова Т.В. Актуализация традиционной народной культуры и развитие программ этнотуризма в Российской Федерации / Т.В. Пуртова // Вестник МГУКИ. – 2017. – №1 (75). – С. 10–16. – EDN YORFGD

Никифорова Алина Александровна
канд. культурологии, доцент
Гардер Полина Романовна
студентка

ФГБОУ ВО «Нижневартовский
государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Т.Д. ШУВАЕВА)

Аннотация: *современные музеи продолжают выполнять свою главную функцию – сохранение объектов культурного наследия и популяризацию их среди туристов и местных жителей. Особую роль при этом играют краеведческие музеи, главной целью которых является сохранение самобытной культуры регионов и истории становления городов.*

Ключевые слова*: краеведческие музеи, самобытная культура, туристский интерес, объекты культурного наследия, историческая память.*

Музеи, музейные комплексы и хранящиеся в них объекты культурного наследия являются наиболее привлекательными и посещаемыми туристскими аттракциями. Это связано с тем, что данные культурно-образовательные центры содержат в себе наиболее полную и точную информацию об исторических, природно-климатических, национальных и иных особенностях того или иного туристского региона [1]. Особое внимание при этом уделяется краеведческим музеям, расположенным в небольших периферийных городах и хранящим память об открытии и освоении регионов, а также уделяющим вниманию популяризации элементов самобытной культуры. Сегодня в числе приоритетных государственных программ культурной политики Российской Федерации определяется сохранение объектов культурного наследия и возрождение традиционной культуры. Основные направления развития сферы туризма отражены в Стратегии развития туризма в России до 2035 года, которая вступила в силу с начала 2020 года. Результатом реализации стратегии должен стать существенный рост туристской индустрии и экспорта туристских услуг [2].

Краеведческие музеи занимаются осуществлением просветительской, научно-исследовательской и образовательной деятельности, хранением и выявлением музейных предметов и музейных коллекций. Музеи, ориентированные на применение программ, направленных на получение разнообразного опыта (игровые занятия для дошкольников, многоуровневые музейно-педагогические программы, работа студий и мастерских и др.), являются основой формирования неисчерпаемого коммуникационного потенциала современных музеев [3], что можно назвать одной из особенностей краеведческих музеев.

Одной из ключевых задач краеведческого музея является популяризация региональной истории и культуры. Музейные экспозиции, выставки

и программы помогают лучше понять и оценить прошлое и настоящее городов. Музей стимулирует интерес к местным традициям, наследию и уникальным чертам региона. Интересным с этой точки зрения представляется деятельность Нижневартовского краеведческого музея им. Т.Д. Шуваева, расположенного на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Нижневартовский краеведческий музей является главным объектом города Нижневартовска, который не только рассказывает историю развития и становления города, но и способствует формированию туристкой привлекательности региона, посредством повышения туристской привлекательности краеведческого музея и его структурного подразделения – Музея истории русского быта. Данная задача решается в первую очередь путем создания и модернизации экспозиций музея, организации новых выставок (в том числе, привозных), а также совершенствования методик экспозиционно-выставочной и экскурсионно-просветительской деятельности (разработка новых маршрутов экскурсий по городу, проведение мероприятий в музее).

При подготовке экскурсии по музею необходимо исходить из того, насколько доходчива и универсальна экспозиция. В основе музейной экспозиции должна лежать концепция, определяющая содержание экспозиции, принципы отбора предметов и их группировку, композицию, интерпретацию и обосновывать требования к художественным решениям оформления [4]. На экскурсии нельзя нарушать логику построения композиции показом второстепенных предметов. Поэтому, при подготовке экскурсии надо обязательно узнать и изучить метод построения экспозиции, зафиксировать внимание на группировке материалов (предметов).

Нижневартовский краеведческий музей был основан решением городского Совета депутатов трудящихся в 1973 г. В марте 2003 г. в составе музейного комплекса был открыт филиал – структурное подразделение «Музей истории русского быта», который располагается в историческом центре города – Старом Вартовске.

Более чем за три десятилетия существования музея его сотрудниками были собраны, описаны и сформированы коллекции предметов из истории техники, русского быта, этнографии ханты, археологии, палеонтологии, нумизматики, коллекции художественных и графических работ. Музей хранит свыше 40000 единиц изобразительных, вещественных, письменных источников, раскрывающих историю села, района, Нижневартовска [5].

К стандартному обслуживанию населения в музее относится экскурсионное, лекционное обслуживание, занятия для детей дошкольного и школьного возрастов, образовательно-просветительские программы, историческая экспозиция и сменные выставки, культурно-массовые мероприятия. На протяжении всего существования музей устанавливал партнерские отношения со многими учреждениями города. Традиционными партнерами музея являются: музеи округа, школьные музеи; детские сады и школы; общественные организации; культурные учреждения и организации города. Музей проявляет инициативу, обращаясь к данным учреждениям с предложениями сотрудничества, в рамках которых реализуются образовательные проекты, передвижные выставки, конференции и круглые столы, конкурсы-смотры [6]. Историческая экспозиция демонстрирует фондовые коллекции и раскрывает мир прошлого. Основная ее цель – пробудить интерес к

истории родного края, способствовать популяризации исторических знаний, содействовать нравственному и эстетическому воспитанию [7].

В течение 2023 года было проведено 26 выставок, что свидетельствует о активной деятельности музея в организации культурных событий и предоставлении публике возможности ознакомиться с коллекцией. Из этих 26 выставок, 8 были проведены вне музея. Это может указывать на стремление музея расширять свою деятельность за его пределами и привлекать новую аудиторию. Ежегодно более 35 тыс. человек посещает краеведческий музей им. Т.Д. Шуваева, что свидетельствует о существующей популярности музея среди посетителей и может указывать на высокое качество и уникальность его экспозиций.

Музеи, являясь хранителями культурного наследия и социальной памяти, непосредственно взаимодействуют с обществом. Будучи социальными институтами общества, музеи «соединяют» воедино через социокультурные процессы поколения людей, их духовность, достоинства, патриотизм [8].

Краеведческий музей им. Т.Д. Шуваева является центром научной и культурной деятельности города Нижневартовск. Он играет важную роль в том, чтобы сохранить историю и продолжить развитие населения, рассказывая о традициях и наследии местного населения. Наличие собственных экскурсионных программ и сайта музея создает возможности для предоставления дополнительных услуг и организации выставочных мероприятий, которые интересны не только местным жителям, но и туристам из других городов и регионов.

Список литературы

1. Рыкова А.О. Роль музейного дела в современной туристской деятельности: проблема дифференциации музейных функций / А.О. Рыкова, Е.А. Витковская // Наука и образование сегодня. – 2017. – №2 (13). – С. 98–100. – EDN XSHXGR

2. Никифорова А.А. Организация туристской деятельности в кризисный период / А.А. Никифорова, О.В. Чернявская. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2021. – 111 с. EDN QFTPBB

3. Никифорова А.А. Музейная театрализация как способ трансляции культурного наследия / А.А. Никифорова; отв. ред. Л.В. Ведерникова // XXIII Ершовские чтения: межвузовский сборник научных статей (Ишим, 05-06 марта 2013 г.). – Ишим: Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова, 2013. – С. 88–90. – EDN RDSUYH

4. Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века / В.П. Грицкевич. – СПб., 2014. – 408 с.

5. Официальный сайт Нижневартовского краеведческого музея им. Т.Д. Шуваева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nkmus.nvpoint.ru/ (дата обращения: 03.10.2023).

6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. К 80-летию академика И.Д. Ковальченко / И.Д. Ковальченко. – М., 2013. – 254 с.

7. Музей и личность / отв. ред. А.В. Лебедев; сост. М.Ю. Юхневич. – М., 2017. – 167 с.

8. Никифорова А.А. Объекты нематериального культурного наследия в музейной деятельности: особенности вовлечения в сферу туризма / А.А. Никифорова. – Нижневартовск: Приобье, 2017. – 128 с. EDN YUGHOZ

Сергеева Евгения Валерьевна
канд. ист. наук, научный сотрудник
Антипина Анна Анатольевна
младший научный сотрудник

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРЯДА ИНИЦИИРОВАНИЯ ДОЖДЯ ÇУМĂР ЧӲК У ЧУВАШЕЙ

***Аннотация**: в статье исследуется один из обрядов чувашей земледельческого цикла – çумăр чӳк. Показана трансформация проведения моления с жертвоприношением в гендерном аспекте.*

***Ключевые слова**: чуваши, обряд, çумăр чӳк, гендерный аспект.*

Чуваши – земледельческий народ, поэтому проведение обрядов, посвященных природным стихиям в течение года, являлось обязательным в жизни этноса. Одним из таких общественных молений являлся обряд вызывания дождя *Çумăр чӳк.* Интересно отметить, что в начале руководителями мероприятия была мужская часть общества – старики, хотя в источниках отмечается и присутствие женщин. Со временем происходят изменения в среде руководства обрядом – ими становятся старухи, которые помнили порядок организации и проведения моления.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XIX в. и до наших дней. Этот исторический период характеризуется трансформацией не только самого обряда, но и их участников.

После посевных работ земле необходима была влага. Поводом для проведения обряда *Çумăр чӳк* у чувашей была засушливая погода. Моление совершалось сельской общиной. В середине XIX в. предводителями обряда было старшее поколение, а именно уважаемые люди – старики. В первую очередь, по их поручению, дети и подростки обходили дома и собирали продукты для ритуальной трапезы (крупу, масло, яйца, молоко и др.). Все собранные для данного обряда продукты и приготовленные блюда имели определенные функции и предназначались для угощения духов природы, чтобы они дали достаточное количество влаги для роста зерновых и других культур, не насылали стихийные бедствия [1, с. 237–238; 2, с. 143, 289; 9, с. 107–108].

Хотя руководителями обряда были мужчины, но участие женщин также была обязательной. В земледельческом цикле у чувашей четко проявлялась связь женского начала и «родственной» ему стихией земли. Поэтому в данном обряде участие женщин должно было быть обязательным, т.к. в молении просили влагу на землю, а последняя в свою очередь имела женское начало, что и сулило дальнейший богатый урожай. Среди участвующих в обряде женщин выделялись наиболее пожилые и уважаемые жительницы, которые готовили ритуальную кашу. Поедание обрядовой каши заканчивалось купанием [6, с. 26; 8, с. 307].

К примеру, моление о дожде *Çумăр чӳк* низовые чуваши еще проводили в начале и первой половине XX в., но в несколько измененной форме. Например, в д. Уразмаметево (совр. Яльчикский район ЧР) обряд

проводили у речки, где варила кашу уважаемая в деревне старуха, традицию соблюдали до 1950-х гг. В 80–90-х гг. XX в. дети и подростки играли с водой без приготовления ритуальной пищи, но в последние 30 лет и этого не наблюдается. Овраг и речка, где проводили *Çумăр чӳк,* до сих пор носит название *чӳк çырми*. Около десяти лет назад в некоторых селениях низовых чувашей, например, в д. Сидели (совр. Батыревский район ЧР) *Çумăр чӳк* проводили следующим образом: собирались три-четыре бабушки и шли на край деревни, на почитаемое место смерти некоего *Ялмантай пиччe* (возможно, предводителя обрядов), к которому обращались с молитвой (православной), чтобы «через него довести до вышнего мольбу о дожде». С собой приносили жертвенные дары – яйцо, разрезанное вдоль пополам, кусок мяса (курятина, баранина, телятина и др.), которое было приготовлено для семейного употребления (например, в супе), и спиртное. Такое моление было проведено в 2009 г. В д. Красномайск (совр. Батыревский район ЧР) моление также проводили старухи. На краю деревни имелось почитаемое место – место смерти татарина, возможно, муллы или перешедшего в ислам чуваша; сам он был похоронен в другом месте. Для угощения духа с собой брали яйца, блины и спиртное [7, с. 119].

По итогам полевой работы в некоторых населённых пунктах в этноконтактной зоне чувашей и марийцев, проведенных в рамках совместной комплексной научной экспедиции Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева и Чувашского государственного института гуманитарных наук в 2022–2023 гг., сохранились места молений обряда вызывания дождя *Çумăр чӳк*. Об их функционировании находим и в современных рассказах, зафиксированных во время комплексных экспедиций. Сведения о них среди населения сохранились благодаря тому, что в советское время там проводились моления с негласного разрешения руководства местных сельхозпредприятий, которые были заинтересованы в благоприятных погодных условиях для земледелия, в постсоветское время на месте моления приглашали батюшек. Культовая практика на данных сакральных объектах связана с традиционными представлениями чувашей и марийцев о природе, водной стихии. В некоторых селениях такое место находилось у водных источников (в д. Хундыкасы обряд вызывания дождя проводили около озера), нередко моления совершались у дерева. Объектами почитания становились и сами деревья, росшие на месте проведения обрядовых молений, как, например, в д. Старое Шокино *чӳк хуранĕ* (берёза), который мог «схватить» (*тытать*), т. е. навести болезни на нарушителей и *çĕмĕрт чӳк* (черёмуха) в д. Апчары Моргаушского МО ЧР и *хурама* (вяз) в Нижние Бурнаши Ядринского МО ЧР [4].

Информация о местах молений сохраняется и передается в виде устной традиции среди местных жителей и бытует в форме топонимов. К тому же некоторые сакральные объекты утратили функциональность. Воспоминания о молениях на сакральных объектах сохраняются благодаря старожилам. Сакральные объекты актуализируются часто в зависимости погодных условий (засуха и др.), выполняя при этом традиционную для себя функцию «священного места». Такого рода сакральный локус *Абрам шур* (Абрамова болото) функционировал еще во второй половине XX в. у жителей д. Чуваш-Отары Звениговского МР Марий Эл [3, л. 54].

Стоит обговорить, большим количеством информантов выступали женщины, именно они являются хранителями сакрального смысла обряда

Çумăр чӳк. В д. Апчары Моргаушского муниципального округа Чувашской Республики удалось поговорить с участниками общественного моления и жертвоприношения с просьбой о ниспослании дождя *çумăр чӳк* Портновой (Сапожникова) Риммой Ананьевной (1941 г.р.) и Светловой (Соловьева) Нина Сергеевна (1945 г.р.) (на фото слева направо).

Рис. 1

Моление проводили у черемухи (*çĕмĕрт*) при долгом отсутствии дождя с большим количеством жителей деревни. Римма Ананьевна выносила к культовому месту пиво, которое сама варила в большом котле, а Нина Сергеевна – пшеничную кашу. По дороге они зазывали однодеревенцев для жертвоприношения. Однако последние 5 лет моления уже не проводятся [4].

Таким образом, обряд инициирования дождя *Çумăр чӳк* по сравнению с ранними временами, претерпел изменения как в проведении моления, так и в их участниках. Если во второй половине XIX в. это было в основном мужская часть общества, то после 50-х гг. XX в. руководителями становились женщины пожилого возраста. Изменения происходили в наборе ритуальных блюд. Кашу уже не готовили, но собранная еда также имела ритуальный характер. В современности обряд *Çумăр чӳк* и вовсе утрачивает свою бытность.

Список литературы

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка / Н.И. Ашмарин. – Вып. XII. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. – 320 с.

2. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 156. Этнография, просвещение, духовные песни с нотами, журналистика, литература. 1904–1908. 360 с.; Отд. I. Ед. хр. 178. История, этнография, фольклор. 324 с.

3. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2956.

4. Ендеров В.А. Материалы комплексной экспедиции ЧГИГН, собранные в чувашских селениях Звениговского района Республики Марий Эл 3–12 июня 2022 г. – 150 л.

5. Полевые материалы А.А. Антипиной, 2023. Тренькино, Магазейная, Хундыкасы, Тябакасы, Куськино, Мемеккасы, Апчары, Старое Шокино, Хоп-Кибер, Большое Карачкино, Турикасы, Адикасы, Ешмолай, Мижары, Верхние Олгаши, Токшики, Вомбакасы, Моргаушского муниципального округа Чувашской Республики, Шерекей, Кузнецово, Шактенваж Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл, Малое Карачкино, Эмякасы, Нижние Бурнаши, Верхние Бурнаши, Юваново, Орба-Павлово, пос. Совхозный Ядринского муниципального округа Чувашской Республики.

6. Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа / А.К. Салмин. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2016. – 685 с. EDN WZCANR

7. Чувашская мифология: этнографический справочник / А.А. Антипина, Д.В. Егоров, В.А. Ендеров [и др.]; научные редакторы: Д.В. Егоров [и др.]. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2018. – 589 с.

8. Сергеева Е.В. Ритуальные блюда и напитки чувашей в календарной обрядности и их магические функции / Е.В. Сергеева // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа / сост. и научн. ред. С.В. Охотникова. – Вып. 5. – Чебоксары: ЧГИГН, 2020. – С. 105–129.

9. Ягафова Е.А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.) / Е.А. Ягафова. – Чебоксары: ЧГИГН, 2007. – 530 с.

Щанкина Любовь Николаевна
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
г. Москва

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ РУССКИХ МОРДОВИИ

***Аннотация**: в фокусе исследования обряды, связанные со строительством жилища русского населения Мордовии. Методика исследования основана на этнографическом методе – опросе информантов во время этнографических экспедиций с 2002 по 2008 год. У русских и существовали, и в настоящее время встречаются отдельные обряды, обычаи и поверья, связанные с выбором места для строительства, возведением жилища и с переходом в новый дом. Выявлено следующее: правильное исполнение строительных обрядов являлось залогом благополучной жизни в новом доме.*

***Ключевые слова**: Мордовия, русское население, строительные обряды, обычаи, ритуалы, жилище.*

Изучение истории и этнокультуры русских Поволжья составляет важное и актуальное направление региональной и отечественной науки. Русское население, проживающее в Мордовии, имеет богатейшую культуру, а строительные обряды занимают неотъемлемую часть народной культуры русского народа. Эти обряды складывались на протяжении многих столетий и отражали наиболее существенные для жизни человека и коллектива события, обладающие сакральным значением.

В русских строительных обрядах особое значение придавали выбору места строительства дома. С давних пор место под дом выбирали, исходя в первую очередь из практических соображений: чтобы не затапливало в паводок, не было сырости, не задували ветра и т. д. К тому же требовалось, чтобы место было «счастливым», «добрым». Предпочтительным считали свое родовое место (освоенное место), но при этом следили, чтобы границы нового дома и его размеры не должны были совпадать со старым. Иногда, чтобы узнать выбрано место удачно или нет, прибегали к разным гаданиям. К примеру, в с. Александровка Лямбирского района, по сведениям Елены Ивановны Казаковой, «по углам будущей постройки хозяин насыпал четыре кучки зерна. При этом примечал, если на следующее утро зерно оказывалось нетронутым, то место считалось выбранным удачно, а потревоженное зерно – это место несчастливое» [ПМА: Казакова]. Выбранное место обязательно окропляли святой водой, окуривали ладаном и по возможности приглашали священника для специального молебна.

По мнению информантов, проживающих в русских населенных пунктах Мордовии, «дома нельзя строить на запретных местах, в частности на дороге, тропинке или где ранее стояла баня, т. к. могут появляться различные таинственные существа (нечистая сила), что могло привести к появлению болезней, смерти его обитателей и нередко вынуждало жителей такого дома к его переносу на другое место на несколько метров от прежнего» [ПМА: Александрова, Барышникова]. Следует отметить, что дома, пользующиеся дурной славой, и в настоящее время еще встречаются в некоторых населенных пунктах Мордовии, в частности, в с. Тургенево Ардатовского района и Воеводское Кочкуровского района. По мнению респондентов, такие дома ни сносить, ни сжигать было не принято. Обычно дурную славу имели дома, в которых когда-то проживали колдуны [ПМА: Конкина].

Возведение дома всегда сопровождалось особой обрядностью, причем среди сельского населения она соблюдается до сих пор. Повсеместно один из самых важных ритуалов – укладка в углы сруба монет, шерсти, зерна и т. д. Например, в с. Русская Лашма Ковылкинского района Тимофей Михайлович Безрогов под первый венец сруба клал бумажные деньги или монеты [ПМА: Безрогов]. При закладке фундамента в с. Рождественное Ичалковского района в углы сруба старались класть монеты желтого цвета, т. к. по мнению Зинаиды Степановны Березиной, они якобы принесут богатство и олицетворяли их с цветом солнца [ПМА: Березина]. В с. Маколово Чамзинского района под передний угол нижнего венца сруба принято класть медные пятаки [ПМА: Горбунова], а в с. Барашево Теньгушевского района – овечью шерсть «чтобы скотина не болела». Существует мнение, что это должно обеспечить новым жильцам дома богатую жизнь, удачу в делах и благополучие [ПМА: Данакина]. В с. Селищи Краснослободского района после установки первых венцов в центре сруба ставили березку или рябину [ПМА: Киреева]; в с. Русское Маскино Краснослободского района – рябину устанавливали в переднем углу, на стол ставили хлеб, соль и читали молитвы. По мнению информатора, таким образом дом сохранялся надолго [ПМА: Бакайкина]. В с. Семеновка Инсарского района перед строительством дома было принято получать материнское благословление [ПМА: Буренкова]. Данные обряды также направлены на оберег постройки от нечистой силы. Следует подчеркнуть, что проведение подобных обрядов и ритуалов характерно не только для русского населения, но и для морды и татар-мишарей, проживающих в Мордовии.

Во многих русских селах строительство дома обычно начиналось с обряда, который в народе называют «помочь». Для этого приглашались родственники, соседи, друзья, специальные строительные бригады, а иногда приходила и вся деревня, т. к. постройка дома была достаточно трудоемким занятием. Как правило, мужское население занималось сборкой и складыванием сруба, а женское – раскладыванием мха, пакли между бревен и приготовлением для всех угощения. Перед началом работы и после нее, было принято всех «хорошо угостить» [ПМА: Еремеева, Жадобина]. Если для возведения дома приглашались плотники, то их также угощали разными вкусными яствами. Их отказ от угощения считался плохой приметой и означал их недовольство размером оплаты за проделанную работу. Поэтому русские крестьяне старались заранее урегулировать данный вопрос, т. к. по народным поверьям и плотникам и печникам приписывались особые способности, и они имели самое непосредственное отношение к благополучной жизни в новом доме. Согласно сведениям Николая Митрофановича Тюлюкова из с. Воеводское Кочкуровского

района, «в случае каких-то разногласий с хозяин будущего дома, плотники могли навредить ему, для этого в паз вместе с мхом могли положить обрубок дерева или щепку, отчего в доме, особенно по ночам будет слышаться стук и шум» [ПМА: Тюлюков]. В связи с этим к плотникам относились с большим почтением и старались во всем им угодить. Хорошие и добропорядочные плотники были известны по всей округе и оставили память о себе в домах, стоящих не один десяток лет.

Повсеместно, при переходе семьи в новый дом, русские, проживающие в Мордовии, вперед запускали кошку, которой приписывали очистительные и охранительные функции, а также помнили поверье о домовом. Охранной семантикой также обладали обереги, которыми служили вещи, взятые на память о доме (икона, ладанка, крестик и др.). Для защиты дома от «нечистых сил» русское население на всех дверях жилых и надворных построек рисовало мелом кресты. При переезде в новым дом звали с собой домового. Так, в с. Селищи Краснослободского района в центр комнаты клали мешок и произносили следующие слова: «Домовой, домовой пойдем жить со мной в новый дом» [ПМА: Киреева], а другом русском селе Русское Маскино указанного района под шесток печи для него клали корзину или чашу и таким образом «забирали» с собой [ПМА: Бакайкина]. Наталья Семеновна Казейкина с. Атюрьево Атюрьевского района переезжая в новый дом брала с собой домового со словами: «Айда со мной, здесь не оставайся» [ПМА: Казейкина]. В с. Надеждино Ельниковского района для задабривания домового каждый год в подпол под угол кладут хлеб и монетку [ПМА: Кидяшкина]. Аграфена Ильинична Быкова из с. Семеновка Инсарского района при переезде в новый дом произносила следующие слова: «Чтобы ужиться в одном месте» [ПМА: Быкова]. По словам Людмилы Петровны Варгановой при переезде в новый дом собирали бабушек, которые со свечой и молитвой обходили новый дом и бытовые постройки [ПМА: Варганова].

Полностью освоенным и обжитым жилье считалось после проведения новоселья. Его обычно приурочивали к ближайшему празднику или к выходному дню. Все приглашенные родственники и соседи приносили с собой что-либо из хозяйственных принадлежностей или дарили деньгами, что символизировало пожелание хозяину достатка, т. к. по народному представлению нельзя было приходить в новый дом без «гостинцев».

Обобщив материал, собранный в этнографических экспедициях, следует подчеркнуть, что строительство жилища для всех народов является знаменательным событием. При этом было важно не только решить чисто практическую задачу – обеспечить крышу над головой, но и так организовать свое жилое пространство, чтобы оно было наполнено жизненными благами, теплом, покоем. Анализ собранных сведений показал, что возведение жилища сопровождалось совершением различных обрядов. Некоторые из них совершаются и в настоящее время (обычай класть монеты, первым пускать в новый дом кошку, устраивать новоселье). Основной смысл проведения таких обрядов состоял в обеспечении благосостояния, благополучия, увеличения потомства, охране дома и членов семьи от разных несчастий и др.

Полевой материал автора (*ПМА*).

Александрова Нина Ивановна, 1938 г. р., с. Троицк Ковылкинского района, записи 2002 г.

Бакайкина Зинаида Ивановна, 1942 г. р., с. Русское Маскино Краснослободского района, записи 2005 г.

Барышникова Марина Ивановна, 1933 г. р., с. Тазино Большеберезниковского района, записи 2002 г.

Безрогов Тимофей Михайлович, 1934 г. р., с. Русская Лашма Ковылкинского района, записи 2003 г.

Березина Зинаида Степановна, 1939 г. р., с. Рождественное Ичалковского района, записи 2007 г.

Буренкова Наталья Федоровна, 1934 г. р., с. Семеновка Инсарского района, записи 2002 г.

Быкова Аграфена Ильинична, 1923 г. р., с. Семеновка Инсарского района, записи 2002 г.

Варганова Людмила Петровна, 1935 г. р., с. Русская Паевка Инсарского района, записи 2002 г.

Горбунова Клавдия Михайловна, 1925 г. р., с. Маколово Чамзинского района, записи 2008 г.

Данакина Анна Александровна, 1931 г. р., с. Барашево Теньгушевского района, записи 2003 г.

Еремеева Зоя Александровна, 1945 г. р., г. Инсар Инсарский район, записи 2006 г.

Жадобина Мария Ивановна, 1933 г. р., с. Дубровки Краснослободского района, записи 2006 г.

Зимина Анастасия Алексеевна, 1935 г. р., с. Воеводское Кочкуровского района, записи 2008 г.

Казакова Елена Ивановна, 1946 г. р., с. Александровка Лямбирский район, записи 2006 г.

Казейкина Наталья Семеновна, 1944 г. р., с. Атюрьево Атюрьевского района, записи 2003 г.

Кидяшкина Анна Егоровна, 1934 г. р., с. Надеждино Ельниковского района, записи 2003 г.

Киреева Анна Семеновна, 1922 г. р., с. Селищи Краснослободского района, 2005 г.

Конкина Анна Ивановна, 1934 г. р., п. Дачный Теньгушевского района, записи 2003 г.

Тюлюков Николай Митрофанович, 1942 г. р., с. Воеводское Кочкуровского района, записи 2008 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Агеева Наталья Николаевна
канд. ист. наук, доцент
Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОРТРЕТЫ ЧУВАШСКОЙ ДИАСПОРЫ В МОСКВЕ: ЛИРА ПЕТРОВНА СМИРНОВА

Аннотация*: статья посвящена изучению деятельности видных представителей общественных организаций чувашской диаспоры в Москве. Необходимость популяризации и создания персональных очерков объясняется важностью их миссии по сохранению этнической идентичности чувашей, проживающих в Москве, и их усилиями по развитию и пропаганде чувашской культуры. Анализируется биография и деятельность председателя Региональной общественной организации «Общество чувашской культуры» в городе Москве Лиры Петровны Смирновой. Основными источниками стали документы общества, а также интервью с Л.П. Смирновой.*

Ключевые слова*: Общество чувашской культуры, Лира Петровна Смирнова, чувашская диаспора.*

Расселение чувашского этноса в Российской Федерации носит дисперсный характер. За пределами Чувашской Республики по разным данным проживает от 50% до 30% всех чувашей России. Поэтому ученые предлагают использовать по отношению к чувашам, проживающим в других регионах РФ термин «внутренняя диаспора» [7, с. 58; 2, с. 2]. Если раньше термин «диаспора» применялся по отношению к этническим группам за границами страны, то сейчас ученые называют «диаспорой» и группы, проживающие за границами национальных автономий РФ. Слово «диаспора» происходит от греческого слова «рассеяние» и подразумевает массовый исход с родины и проживание в виде этнического меньшинства в инородном окружении. Однако, на наш взгляд, для компактных групп чувашей, проживающих рядом с исконной родиной (в Татарстане, Башкортостане, Ульяновской, Самарской области и др.) более применим термин «этнические анклавные группы». Эти группы населяют обозначенные территории много веков, считают себя коренными жителями, не стремятся к возвращению в Чувашию и в то же время обладают развитым этническим самосознанием, поддерживают национальную чувашскую культуру в территориальных рамках своей деревни или района.

Иные процессы характерны для чувашей, переселившихся в мегаполисы. Здесь происходит подлинное «рассеяние» этноса в иноязычном окружении. Так, весьма сложным является вопрос о численности чувашей в Москве. Согласно данным последних переписей (2002, 2010, 2020 гг.) количество чувашей в этом мегаполисе неуклонно снижается: 2002 г. –

около 16 000, 2010 г. – 14000, 2020 г. – 8 278 человек) [10]. Однако, это противоречит элементарным наблюдениям. Известна присказка: «Чебоксары – давно город – миллионник, но большинство чебоксарцев проживают в Москве». В соцсетях ведутся дискуссии о так называемых «латентных» чувашах, которые после переезда в Москву никак не обозначают свою национальность или начинают считать себя русскими. В мегаполисе теряется преемственность поколений, молодежь забывает о своих корнях, что приводит к снижению чувства национального самосознания.

Таким образом, мы считаем, что официальные цифры переписей не отражают реального количества представителей чувашского этноса в Москве. Можно говорить о значительной чувашской диаспоре в столице. Эту общность часто называют чувашским землячеством. Однако данный термин несет в себе не столько принадлежность некой группы по рождению к одной местности, сколько к объединению земляков. И в этом отношении, к сожалению, московское землячество чувашей – понятие более узкое, чем чувашская диаспора, рассеянная в многомиллионном городе.

Поэтому так важно изучать и пропагандировать деятельность различных общественных объединений и отдельных личностей по возрождению национальной идентичности чувашей Москвы, по сохранению и популяризации чувашской культуры в условиях многонационального мегаполиса. На наш взгляд, важно создать серию портретов выдающихся представителей чувашской диаспоры, которые предпринимают особые усилия для развития и пропаганды чувашской культуры. Всем известны знаменитые выходцы из Чувашии, прославившиеся в Москве: герой России Н.Ф. Гаврилов, академик РАМН Ю.А. Владимиров, народная артистка СССР, балерина Н.В. Павлова, заслуженный артист РСФСР С.Ю. Садальский и др. Об этих людях много написано, однако в рядах чувашской диаспоры в Москве значительно больше замечательных людей, которые очень много делают для сохранения этнической культуры, создавая для этого различные общественные объединения.

Первые собрания чувашей, проживающих в Москве, проходили еще в 1950-е годы. Сохранились сведения о том, что московские чуваши собирались на празднование Акатуя в 1930-е гг. Первые же организации, пока еще официально не зарегистрированные, стали создаваться в конце 1980-х гг. Это объединение «Московское общество чувашской культуры» (МОЧК), впоследствии реорганизованное в Региональную общественную организацию «Общество чувашской культуры» (РОО «Общество чувашской культуры»), позже появились Московская чувашская национально-культурная автономия (МЧНКА), Региональная общественная организация (РОО) офицеров – выходцев из Чувашии «Сыны Отечества» (ныне реорганизованная в Межрегиональную общественную организацию (МРОО), и другие объединения.

Таким образом, самой первой организацией, официально действующей до сегодняшнего дня, является Московское общество чувашской культуры, появившееся в 1989 г., а официально зарегистрированное 3 сентября 1998 г. как РОО «Общество чувашской культуры». Большую помощь ему оказывает действующее с 1997 г. в Москве Полномочное представительство Чувашской Республики при Президенте Российской Федерации.

Первым председателем «Московского общества чувашской культуры» (МОЧК) стал дважды герой СССР космонавт Андриян Григорьевич

Николаев, исполнительным председателем был избран ученый-радиотехник, доктор технических наук Виссарион Семенович Пряников. В 1994 г. он переехал в Чебоксары, где в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова основал факультет радиотехники и электроники. Большую роль в институализации общества сыграл Гурий Зиновьевич Крылов, сотрудник Научно-исследовательского финансового института, автор более 50 научных статей по проблемам бюджетного устройства и бюджетного процесса, лауреат Всечувашской национальной премии им. И.Я. Яковлева. Он занимал ведущие посты в обществе с 1997 г. до 2018 года.

Последние два десятилетия во главе общества находится Лира Петровна Смирнова, деятельность которой способствовала расширению работы чувашского землячества. Мы воссоздали основные вехи ее жизненного пути на основе документальных источников, а также трех интервью, взятых у нее в разные годы.

Лира Петровна Смирнова родилась 6 марта 1964 г. в Чебоксарах. Ее отец родом из деревни Кильдишево Ядринского района, мать – из деревни Хыркасы Чебоксарского района. Отец, Александров Петр Александрович, был основателем и бессменным директором (до выхода на пенсию) Чебоксарской детской музыкальной школы №2 (ныне Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Чебоксарская детская музыкальная школа №2 им. В.П. Воробьева»). В течение 35 лет он преданно служил делу музыкального воспитания подрастающего поколения, заботился и развивал профессиональную и творческую базу школы. В семье с детства прививалась любовь к музыке, искусству. С 5 лет Лира Петровна занималась в музыкальной школе, сначала по классу скрипки, а затем по классу фортепьяно, однако детской мечтой её был балет [4].

Семья Александровых в это время жила в доме №15 на улице Урукова. Уникальность этого квартала была в том, что квартиры в нем в конце 1960-х гг. получили представители творческой интеллигенции: артисты, художники, композиторы, преподаватели ЧГУ им. И.Н. Ульянова. В этом доме проживала пятикратная чемпионка мира по парашютному спорту М.П. Костина. В доме напротив – известный художник М.С. Спиридонов, сейчас в нем находится Мемориальный музей-квартира М.С. Спиридонова.

Лира Петровна вспоминает, что на ее желание быть балериной повлиял сосед по дому, балетмейстер, заслуженный артист Чувашской АССР Н.Н. Никифоров, выпускник Ленинградского хореографического училища им. А. Вагановой. Когда в Чебоксары приехали представители этого училища для набора учеников, Лира уговорила родителей пойти на отборочное испытание. Но ей посоветовали прийти на следующий год, т. к. она училась только во втором классе, а набор проходил с третьего класса. С мечтой о балете пришлось попрощаться, но интерес к нему остался на всю жизнь. Так, долгое время она собирала статьи из газет о нашей землячке, балерине Надежде Павловой, а в годы учебы в институте танцевала в коллективах эстрадного танца. Позже дочь Лиры Петровны Вероника станет заниматься бальными танцами.

С большой теплотой вспоминает Лира Петровна свою учительницу в школе №31 Юлию Андреевну Ярдухину. «Это настоящий учитель от Бога. У нас был образцовый класс и отношения были какие-то особые» [5]. В 1983 г., после окончания Чебоксарского музыкального

училища им. Ф.Н. Павлова по классу фортепиано, она поехала в Москву поступать в Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, но не прошла по конкурсу. По настоянию родителей она вернулась в Чебоксары и поступила на музыкально-педагогический факультет ЧГПИ им. И.Я. Яковлева, который и закончила с отличием. Свою трудовую карьеру Лира Петровна начала преподавателем в Чебоксарской детской музыкальной школе №2, будучи студенткой выпускного курса музыкального училища, во время учебы в вузе работала концертмейстером кафедры теории и истории музыки в ЧГПИ им. И.Я. Яковлева. После получения вузовского диплома, Лира Петровна в течение 10 лет работала, преподавателем по классу специального фортепиано в детской музыкальной школе №6 г. Чебоксары [1].

В 1990-е гг. жизнь педагогов была нелегка, зарплату выплачивали нерегулярно, приходилось искать подработки, в том числе и в Москве. Там она и встретила свою судьбу. В 1995 г. она вышла замуж за Владимира Викторовича Смирнова, москвича в третьем поколении, предки которого происходили из Вологодской области.

Именно в Москве у Лиры Петровны появилось осознанное стремление не только больше узнать о чувашской культуре, но и приложить усилия по ее сохранению и развитию. В 1970-е гг. в Чебоксарах чувашский язык изучался только в одной школе (средняя школа №6). Лира Петровна вспоминает, что хотя родители и бабушки общались между собой по-чувашски, с детьми говорили только по-русски [5].

В Москве Лира Петровна работала во Всероссийском центре художественного творчества профобразования, в Национальном благотворительном фонде социальной и экономической поддержки культуры и искусства, в Московском кинотеатре для детей и юношества «Вымпел», была директором Дома культуры «Куркино» и Центра культуры «Олимп» [1].

В одном из интервью Лира Петровна говорит, что после переезда в Москву: «я поняла, что такое ностальгия. Почувствовала, насколько тяжело дается расставание с родиной, со своими корнями» [3]. Знакомая еще по Чебоксарам, Марина Юрьевна Реер пригласила Лиру Петровну концертмейстером в чувашский хор «Атăл», который в то время носил название «Туслах». Руководил хором Валериан Васильевич Волков.

В.В. Волков (1941–2000) был чувашским оперным певцом. С 1987 в Москве работал в Московском музыкальном театре «Новая опера», преподавал в музыкальном училище им. Ипполитова-Иванова. С 1990 г. он руководил хором Московского общества чувашской культуры. Именно здесь Лира Петровна близко познакомилась с представителями чувашского землячества. Она вспоминает: «Я вошла в зал, когда там уже началась репетиция. Вижу: наши лица, родные, чувашские. Все доброжелательно смотрят, улыбаются. Услышала родную речь. И таким теплом повеяло!» [5]. Хор исполнял чувашские песни, принимал активное участие в концертах, и «после этого пошло проникновение». Лира Петровна стала изучать чувашский язык, песни, музыку. Кстати, ее дочь Вероника, хотя и живет в Москве, научилась говорить по-чувашски.

Вскоре Л.П. Смирнова вошла в состав Правления Общества чувашской культуры, затем была выбрана заместителем председателя Общества чувашской культуры, а в 2002 г. была избрана председателем правления Общества. На вопрос о том, как относится супруг к такой общественной нагрузке, Лира

Петровна вспомнила его слова: «Я даже завидую вам, потому что вы, чуваши, как-то вместе, а у нас такого нет» [5].

Основная цель Общества – культурно-просветительская деятельность, «содействие представителям чувашской диаспоры г. Москвы в приобщении к чувашской культуре». Общество ведет активную работу среди выходцев из Чувашии. Важной задачей Лира Петровна считает «пропаганду чувашской культуры в многонациональном мегаполисе, ознакомление московской общественности с самобытной национальной чувашской культурой» [3]. Под ее руководством организация принимает активное участие в межнациональной жизни столицы, сотрудничает с представителями других национальных объединений. Лира Петровна – член Межнационального консультативного совета при Правительстве Москвы.

На базе Общества успешно действуют творческие коллективы. Как отметила Л.П. Смирнова в своем докладе на очередной отчетно-выборной конференции общества чувашской культуры, состоявшейся 3 декабря 2022 г., в последние годы к старейшему коллективу – чувашскому хору «Атăл» (с 2001 г. руководитель Г. Никитина) присоединились новые коллективы – чувашский фольклорный ансамбль «Ентеш» (руководитель А. Тельцова), чувашский ансамбль «Шевле» (руководитель В. Попова), и ансамбль русско-чувашской песни «Тавансемĕр» (руководитель Л. Петрова) из города Балашиха. Все творческие группы участвуют в культурных мероприятиях столицы и области, находят возможность выезжать в другие города страны. Клуб «Вучах» (руководитель Т. Хакимова) организовывает вечера отдыха и встречи [7]. Успешно в течение нескольких лет работает и чувашская воскресная школа [6].

Одно из основных направлений деятельности Общества – организация и проведение мероприятий, связанных с чувашской культурой: литературных вечеров, выставок, презентаций, творческих встреч с деятелями чувашской культуры и искусства, концертов и т. п. По мнению Лиры Петровны, особо следует выделить именно литературные вечера, которые проводятся с завидной регулярностью [5]. Первоначально они посвящались лишь юбилейным датам чувашских писателей, на которые по возможности приглашали кого-то из представителей чувашской культуры – так приезжали народный поэт Чувашии Юрий Семендер, народный поэт Чувашии Раиса Сарби, народный писатель Чувашии Михаил Юхма, народная артистка Советского Союза Вера Кузьмина, и др. Неизменным участником литературных вечеров был Афиноген Иванович Кузьмин (1928–2016), писатель, литературовед, кандидат филологических наук, член союза писателей России (уроженец Ядринского района), который выступал с обстоятельными тематическими докладами.

В последнее время литературные вечера стали больше проходить в формате презентаций книг и встреч с чувашскими авторами. Хотя мероприятия, посвящённые юбилейным датам, конечно же, проводятся. Так, состоялись литературные вечера к 120-летию М. Сеспеля, 85-летию Геннадия Айги, вечера чувашской поэзии в рамках литературно-культурного марафона, посвященного 550-летию основания столицы Чувашской Республики – города Чебоксары, в рамках литературно-культурного марафона, посвященного 130-летию К. Иванова [9].

Ежегодно проходят различные мероприятия в рамках дней чувашского языка, дней чувашской вышивки. Большой интерес вызывают и разнообразные концертные программы.

Вся работа в ОЧК строится на общественных началах и личном энтузиазме участников. Лира Петровна занимается подготовкой сценариев, решением организационных проблем, поиском спонсоров. Часть текущих вопросов берут на себя и члены правления Общества: Г. Вакку, А. Волков, Н. Дмитриев, Г. Гонзарова, О. Захаров, В. Иванова, А. Савельева, А. Степанова, В. Попова, А. Тельцова [8].

Общество активно взаимодействует с другими организациями чувашского землячества (Межрегиональная общественная организация «Сыны Отечества», Федеральная национально-культурная автономия чувашей России). Большую организационную поддержку Обществу оказывает Полномочное представительство Чувашской Республики при Президенте РФ, а также правительство Москвы.

Центральным событием для всей чувашской диаспоры является традиционное празднование Акатуя. В организации этого праздника принимают участие все общественные организации землячества, художественные коллективы из Чувашии, Татарстана, Башкортостана и других регионов. Это мероприятие сближает людей разных национальностей, но, в первую очередь, именно в этот день все выходцы из Чувашии стремятся приехать в назначенное место. Несколько лет Акатуй отмечали во дворе Московского дома национальностей. В 2019 г. праздник прошел в Кремле Измайлово. Особо массовым оказался Акатуй 2023 года, состоявшийся в парке Сокольники.

Общество приняло активное участие в праздновании 175-летия чувашского просветителя И.Я. Яковлева. По инициативе ОЧК в 2023 г. был впервые проведен Всероссийский конкурс чтецов «Яланянра, чăваш чĕлхи!»

Деятельность Л.П. Смирновой по развитию чувашской культуры была замечена на родине. 21 декабря 2007 г. ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики». Среди ее наград можно отметить следующие: Памятный знак ГБУ МДН «За укрепление межнационального единства», Почётная грамота Министерства культуры Российской Федерации, Благодарности и Почётные грамоты Правительства Москвы, Чувашии, Полномочного представительства Чувашской Республики при Президенте Российской Федерации, и др. [1].

Лира Петровна – человек с сильным характером, обладает особым обаянием, умением вдохновлять людей, побуждать их к действию. Она пользуется заслуженным уважением и авторитетом среди представителей землячества. Подводить итоги ее деятельности еще рано. Она полна планов по дальнейшему развитию Общества чувашской культуры. Функционирование этого общества дает надежду на то, что количество людей, утративших свою национальную идентичность, среди чувашей Москвы будет снижаться. Главной целью деятельности Л.П. Смирновой можно считать стремление превратить рассеянную чувашскую диаспору в сплоченное землячество, которое будет сохранять и пропагандировать родную культуру в столице России.

Список литературы

1. Анкета Смирновой Лиры Петровны // Личный архив Л.П. Смирновой.

2. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения / В.П. Иванов. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2005. – 383 с. EDN UAPHBL

3. Интервью со Смирновой Л.П. // Цех культурных проектов. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=144&id=470324 (дата обращения: 06.08.2023).
4. Интервью со Смирновой Л.П. 2022 г. // Полевые исследования С. Щербакова.
5. Интервью со Смирновой Л.П. 04.09.2023 // Полевые исследования авторов.
6. Культурное наследие Чувашии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nasledie.nbchr.ru/etnos/chuvashi/rasselenie/cfo/ochk/?ysclid=lmt0z63r7a989700022/ (дата обращения: 26.08.2023).
7. Минеева Е.К. Чувашская диаспора в трудах исследователей конца XX начала XXI веков / Е.К. Минеева // Вестник ЧГУ. – 2006. – №6. – С. 58–73.
8. Общество чувашской культуры г. Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ok.ru/ochkgmoskv/topic/156639083223250/ (дата обращения: 02.09.2023).
9. План мероприятий Региональной общественной организации «Общество Чувашской культуры» за 2019 и 2020 гг. // Текущий архив Региональной общественной организации «Общества чувашской культуры» г. Москва
10. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://77.rosstat.gov.ru/folder/210976?ysclid=lmz8u7kuq1174503398/ (дата обращения 16.08.2023).

Ахмеев Вадим Витальевич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-107875

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НКГБ (МГБ) ЧУВАШСКОЙ АССР ПО ПРОВЕРКЕ УЧАСТНИКОВ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В 1945–1952 гг.

Аннотация*: в статье на основе архивных следственных дел рассматриваются вопросы работы органов госбезопасности по изобличению среди вернувшихся бывших советских военнопленных участников т.н. «восточных легионов». Раскрыты отдельные аспекты процесса «фильтрации», в т. ч. роли в ней местных структур НКГБ (МГБ), а также документирования преступной деятельности и дальнейшей судьбы осужденных лиц.*

Ключевые слова*: органы госбезопасности, проверка бывших военнопленных, легион «Идель-Урал», Волго-финский батальон.*

История военных конфликтов России свидетельствует о том, что ее противниками в своих целях неоднократно использовались различные коллаборационистские формирования. Не стали исключением события в условиях СВО, когда спецслужбами и Вооруженными силами Украины в боевых действиях и для совершения диверсионных акций задействуются такие организации как «Русский добровольческий корпус», «Батальон имени шейха Мансура» и другие.

Временем массового использования таких формирований стали годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Фашистской Германией из советских военнопленных и отдельных эмигрантов, жителей оккупированных территорий были образованы «Русская освободительная армия», украинские и прибалтийские националистические части, казачьи формирования и т.н. «восточные легионы» (Азербайджанский, Армянский,

Туркестанский, Грузинский, Северо-Кавказский, «Идель-Урал»). Одной из задач советских органов государственной безопасности в период войны и послевоенные годы стала проверка данной категории лиц, выявление среди них активных участников боев против Красной Армии и советских партизан, карательных операций против мирного населения, а также агентов германских спецслужб. Часть активных коллаборационистов устанавливалась в ходе государственной проверки (т.н. «фильтрации») бывших военнопленных, осуществлявшейся особыми отделами НКГБ СССР (с 1943 по 1946 г. – ГУКР «Смерш» НКО СССР) во фронтовых и армейских лагерях, в сборно-пересылочных пунктах НКО, спецлагерях (проверочно-фильтрационных лагерях) НКВД, запасных воинских частях [4, с. 314–323]. Местные органы безопасности изобличали отдельных лиц уже после их возвращения домой. Материалы архивных следственных дел свидетельствуют, что такую работу также проводили сотрудники НКГБ Чувашской АССР (с 1946 г. – МГБ ЧАССР). Наиболее многочисленной категорией разрабатываемых ими коллаборационистов стали участники легиона «Идель-Урал» и 837-го Волго-финского батальона Северо-Кавказского легиона.

Необходимо отметить, что вследствие специфики рассматриваемого вопроса, выражающейся в закрытости основных документов, неоднозначности оценок участия советских военнопленных в этих формированиях, данная тематика длительное время оставалась неразработанной. Только в последние десятилетия, в первую очередь за счет получения доступа к фондам центральных архивов ФСБ России и территориальных органов безопасности, произошло увеличение количества публикаций о проверке бывших военнопленных органами государственной безопасности.

В целом, проблематика репатриации советских граждан и их дальнейшей судьбы раскрыта в исследованиях Н.В. Земскова [6; 7]. Большое количество архивных документов ФСБ России введены в научный оборот В.С. Христофоровым [13; 14]. Отдельные аспекты фильтрационной работы отражены в статьях А.В. Рябовой [11], В.В. Луканина [10], А.В. Латышева [9], М.А. Киселева [8], В.А. Гашенко [2], А.Б. Суслова [12] и других.

Ранее деятельность НКГБ Чувашской АССР по проверке бывших военнопленных в прямой постановке вопроса не исследовалась. Факты участия уроженцев Чувашии в легионе «Идель-Урал» и Волго-финском батальоне отражены в обширной монографии И.А. Гилязова [3], работах чувашских историков Г.А. Александрова [1] и Д.А. Захарова [5].

Известно, что с весны 1942 г. немцами активно формировались восточные легионы [3, с. 131]. В этих целях из числа советских военнопленных отбирались лица определенных национальностей (в т. ч. чуваши) и направлялись в специально выделенные лагеря для последующей пропагандистской обработки, вербовки и оформления процедуры вступления в легионы. Основными лагерями стали: легиона «Идель-Урал» – у г. Едлино (Польша), Северо-Кавказского – около станции Весела (Польша).

Подразделения этих формирований в 1943 г. использовались в отдельных операциях против советских партизан, затем, из-за массовых случаев перехода на сторону партизан, переведены в города Франции и Германии, откуда их направляли для участия в боях против французских и итальянских партизан. К окончанию войны основная масса легионеров сдалась союзным войскам и через сборные пункты репатриируемых советских граждан возвратилась в СССР.

На основе архивных материалов можно сделать вывод, что большинству бывших легионеров в ходе фильтрации удалось скрыть факты своего

участия в указанных формированиях, что было связано многочисленностью репатриируемых и другими объективными сложностями в проведении органами военной контрразведки «Смерш» более тщательной проверки всех лиц. Сотрудниками НКГБ Чувашской АССР они выявлялись и задерживались в 1945–1952 гг. уже по местам жительства (в т. ч. в других областях), либо работы (ряд лиц, перешедших на сторону советских партизан в 1943 г., были направлены для трудовой деятельности на объекты промышленности).

В ходе следственных действий органами госбезопасности обращалось внимание на получение сведений об обстоятельствах попадания в плен, вступления в легионы, участия в конкретных боях и карательных операциях. Фиксировались данные об организационно-штатной структуре данных формирований, их командовании, местах дислокации. В частности, по добытым показаниям пропагандистов стала известна структура т. н. «Татарского комитета» («Союза борьбы за освобождение народов «Идель-Урала»), представительского и пропагандистского органа легиона «Идель-Урал», а также роль каждого его члена. При допросах добывались сведения об иных участниках, позволявшие их идентифицировать (известные установочные данные, описание внешности и т. п.).

Дополнительными доказательствами участия в легионах становились трофейные немецкие личные регистрационные карточки военнопленных (в отдельных случаях – с фотографиями), где имелись отметки о вступлении в националистические формирования [13, с. 49].

Как правило, данная категория лиц военными трибуналами осуждалась по статье 58-1 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет после отбывания наказания и конфискацией имущества. В отдельных случаях были осуждены на 15 или 10 лет, а в одном – к высшей мере наказания (до выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни»). В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», все они в 1955–1958 гг. были амнистированы и освобождены. Но до настоящего времени не реабилитированы (в 1954–1955 и 2000–2007 гг. вынесены решения об отказе в реабилитации).

Рассмотрение материалов следственных дел свидетельствует о том, что в отношении ряда бывших военнопленных (рядового состава, перебежавшего к советским или французским партизанам, без дополнительных данных о преступной деятельности), такая мера наказания была суровой и избыточной. Судебными органами в рамках действующего законодательства не учитывалось, что вступление в эти формирования в большинстве случаев обуславливалось только желанием выжить в условиях массовой смертности содержавшихся в лагерях лиц (в имеющихся материалах только в одном случае присутствовал идеологический мотив – обида на факт раскулачивания отца.

Наряду с этим, сотрудниками НКГБ Чувашской АССР в рамках проверочной работы выявлялись лица, занимавшие командные должности в легионах и получавшие немецкие воинские звания (унтер-офицера и фельдфебеля, 9 случаев), сотрудничавшие с гестапо (2 случая). Имелся также факт проведения с бывшим советским военнопленным вербовочной беседы сотрудником американской военной разведки в период его пребывания в сборном пункте.

Требует дальнейшего исследования и остается открытым вопрос о количестве уроженцев Чувашии, принимавших участие в составе легиона

«Идель-Урал» и Волго-финского батальона, а также о числе осужденных по материалам НКГБ Чувашской АССР (автору известны архивные дела в отношении 102 участников легиона «Идель-Урал» и 52 служащих Волго-финского батальона).

В 1945–1952 гг. местными органами госбезопасности в рамках соблюдения принципа неотвратимости наказания за воинские преступления проводилась объемная и кропотливая работа по изобличению участников коллаборационистских формирований, в ходе которой устанавливались обстоятельства добровольности вступления в легионы, исполнения командных должностей, участия в конкретных карательных операциях, выявлялись факты сотрудничества с немецкими органами контрразведки и спецслужбами союзных государств. Отдельные аспекты этой деятельности остаются нераскрытыми и требуют дополнительного исследования.

Список литературы

1. Александров Г.А. Военнопленные из республик Поволжья на службе вермахта / Г.А. Александров // Вопросы истории. – 2005. – №10. – С. 143–150.

2. Гашенко В.А. Участие органов безопасности в фильтрационной работе в годы Великой Отечественной войны (на примере Западной Сибири) / В.А. Гашенко // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – №2 (7). – С. 249–253. – EDN KXAETD

3. Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха» / И.А. Гилязов. – Казань: Татарское книжное издательство, 2005. – 383 с.

4. Долматов В. «СМЕРШ». 1943–1946. Главные документы и оперативные материалы / В. Долматов. – М.: Комсомольская правда, 2023. – 368 с.

5. Захаров Д.А. Уроженцы Чувашии в немецком плену в годы Великой Отечественной войны / Д.А. Захаров // Чувашский гуманитарный вестник. – 2010. – №5. – С. 43–68. – EDN XPMFXF

6. Земсков В.Н. Начальный этап репатриации советских военнопленных и интернированных гражданских лиц 1944 г. / В.Н. Земсков // Геополитический журнал. – 2013. – №2. – С. 79–101. – EDN TAVGQR

7. Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. / В.Н. Земсков. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 424 с. – EDN WIYBGN

8. Киселев М.А. Работа органов НКВД (МВД) и «Смерш» по выявлению предателей среди бывших советских военнопленных в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы / М.А. Киселев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №9 (47). В 2 ч. Ч. 2. – С. 82–85. – EDN SJZQRT

9. Латышев А.В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. / А.В. Латышев // Клио. – 2014. – №9 (93). – С. 48–52. – EDN SNIAAP

10. Луканин В.В. Проверочно-фильтрационная работа в СССР в годы Второй мировой войны / В.В. Луканин // Юридическая мысль. – 2017. – №5 (103). – С. 31–35. – EDN YPUGGT

11. Рябова А.В. Изучение проблемы «фильтрации» советских граждан в 1940–1950-е годы в отечественной историографии / А.В. Рябова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2008. – Т. 7. №1. – С. 191–198. – EDN IIXHDP

12. Суслов А.Б. Уголовное преследование изменников Родины и пособников оккупантов в Молотовской области во второй половине 1940-х годов: к оценке обоснованности обвинений / А.Б. Суслов // Вестник Пермского университета. – 2020. – №3 (50). – С. 109–117.

13. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России / В.С. Христофоров // Новая и новейшая история. – 2010. – №5. – С. 34–52. – EDN MVILWZ

14. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. / В.С. Христофоров. – М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 432 с. EDN QSLHHF

Белецкая Елена Александровна
канд. психол. наук, доцент
Яковлева Людмила Викторовна
преподаватель
Шулика Мария Владимировна
старший преподаватель
Белецкая Анна Алексеевна
студентка

ГБОУ ВО «Белгородский государственный
институт искусств и культуры»
г. Белгород, Белгородская область

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК КОМПОНЕНТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛГОРОДЧИНЫ

Аннотация*: в статье рассматривается значимость этнографического туризма для развития экономики и устойчивости местных сообществ в Белгородской области. Авторами отмечается важность сохранения и продвижения традиций, культурного наследия региона, а также необходимость сотрудничества между государственными и частными структурами для развития этнографического туризма. В заключении работы авторы делают выводы о значимости этнографического туризма для Белгородской области, обращают внимание на перспективы роста туристического спроса, основанные на интересе туристов к аутентичным культурным и этнографическому опыту, а также необходимости создания более полной и доступной информации о предложениях региона для потенциальных посетителей.*

Ключевые слова*: этнографический туризм, историческое достояние, уникальность, аутентичность, народные традиции, ремесла.*

Белгородская область расположена в Центрально-Черноземном регионе России, богата своими историческими и культурными достояниями. Она привлекает туристов со всего мира своей уникальной этнографической атмосферой.

Этнографический туризм – это путешествие, целью которого является изучение и погружение в культуру и традиции народов, проживающих на определенной территории. Белгородская область известна своим разнообразием этнических групп, каждая из которых имеет свои уникальные обычаи, ремесла, кулинарные традиции и музыкальные народные инструменты.

Народные традиции и ремесла Белгородской области являются важным ресурсом для развития этнографического туризма. Они представляют уникальную культурную ценность и привлекают туристов своей аутентичностью.

В области существует множество народных традиций, включающих в себя праздники, религиозные обряды, танцы, песни и другие формы выражения народной культуры. Такие традиции часто отражают историю и образ жизни местных жителей. Туристы могут побывать на народных гуляниях, фестивалях и праздниках, где они смогут познакомиться с традиционными песнями, танцами, национальными костюмами и обрядами.

Это позволяет им ощутить местную атмосферу и стать свидетелями живой народной культуры [1, с. 226].

Белгородская область богата своим наследием и культурными традициями. В течение многих лет жители этого региона развивали различные ремесла, которые стали неотъемлемой частью их идентичности и наследия. В настоящее время, в эпоху расцвета туризма, эти ремесла могут стать важным ресурсом для развития этнографического туризма в Белгородской области.

Ремесла также играют важную роль в этнографическом туризме Белгородской области. Они являются частью культурного наследия региона и часто передаются из поколения в поколение. Различные ремесленные мастерские и музеи предлагают туристам возможность узнать о процессе создания традиционных ремесел и даже попробовать свои силы в их освоении. Например, туристы могут посетить мастерские по вышивке, плетению, керамике или деревообработке и узнать о традиционных техниках и материалах. Такие мастер-классы позволяют туристам научиться создавать собственные изделия и приобрести навыки, которые передаются из поколения в поколение.

Традиционные ремесла Белгородской области. В Белгородской области сохранились многие традиционные ремесла, которые раскрывают богатство и разнообразие культуры этого региона. Некоторые из них в себя включают [2, с. 82]:

– ковка: искусство ковки металла является давней традицией в Белгородской области. Ремесленники создают великолепные кованые изделия, включая кованую мебель, украшения и другие предметы;

– вышивка: Белгородская область славится традиционной вышивкой, которая украшает одежду, предметы интерьера и другие изделия. Местные мастера используют уникальные узоры и техники, которые передаются из поколения в поколение;

– гончарное дело: ремесленники области выделяются искусством гончарства. Они создают уникальные глиняные изделия, включая посуду, вазы и скульптуры.

Развитие этнографического туризма на базе ремесел:

– привлекательность ремесел: традиционные ремесла являются привлекательными для туристов, поскольку они предоставляют возможность погрузиться в аутентичную культуру и историю региона. Туристы могут наблюдать за работой мастеров, участвовать в мастер-классах и даже приобрести уникальные изделия в качестве сувениров;

– создание туристических маршрутов: разработка этнографических туристических маршрутов, включающих посещение мастерских и студий, поможет показать ценность ремесел области. Туристы смогут узнать больше о процессе создания изделий, познакомиться с мастерами и исследовать культурное наследие Белгородской области;

– участие в фестивалях и ярмарках: организация регулярных фестивалей и ярмарок ремесел будет способствовать популяризации этнографического туризма в области. Это позволит местным мастерам продемонстрировать свое мастерство и продать свои изделия, а туристы смогут насладиться уникальной атмосферой и разнообразием ремесленных изделий.

Ремесла Белгородской области представляют собой ценный ресурс, который можно использовать для развития этнографического туризма. Их уникальность и красота привлекают туристов, а опыт посещения мастерских и участие в мастер-классах делают путешествие по области более ярким и запоминающимся. Сохранение и поддержка ремесел,

партнерство с местными сообществами и организациями помогут развить этнографический туризм и создать новые возможности для развития экономики региона [3, с. 334].

Этнографический туризм, основанный на народных традициях и ремеслах, способствует сохранению и продвижению этнической культуры и традиций. Он предоставляет возможность местным жителям показать свое наследие и передать свои знания и навыки будущим поколениям. Туристы, в свою очередь, могут насладиться уникальными и аутентичными опытами, понять ценности и традиции местных сообществ и стать частью богатой этнической культуры Белгородской области.

В целом, народные традиции и ремесла играют значительную роль в развитии этнографического туризма Белгородской области. Они представляют собой важный ресурс, который привлекает туристов, способствует сохранению культурного наследия и развитию местного сообщества.

Одним из наиболее популярных направлений этнографического туризма в Белгородской области является посещение сел и деревень, где сохранились традиции и обычаи старожилов. Например, ряд сел известны своими росписями на деревянных изделиях и украшениями. Здесь туристы могут посетить мастерские местных художников, познакомиться с технологией создания росписей и приобрести поделки в память о поездке.

Белгородская область также славится своей народной кухней. Туристы, интересующиеся этнографией, могут попробовать национальные блюда, такие как уха, пельмени и блины с различными начинками. В сельских поселениях организуют народные гуляния, в ходе которых можно не только насладиться вкусными блюдами, но и услышать народные песни и попробовать себя в традиционных народных танцах.

Кроме этого, Белгородская область предлагает своим гостям посетить музеи и выставки, посвященные этнографии и народному искусству. Например, музей народной художественной культуры в городе Белгороде представляет коллекцию предметов быта, одежды, украшений и ремесел, которые передают историю и культуру жителей области. Здесь можно увидеть уникальные экспонаты и узнать более подробную информацию о традициях и обычаях жителей Белгородской области.

В заключение стоит сказать, что этнографический туризм в Белгородской области предлагает уникальную возможность ознакомиться с народными традициями, ремеслами и культурой жителей региона. Это путешествие позволяет погрузиться в атмосферу прошлого, понять ценности народа и насладиться его национальным наследием.

Список литературы

1. Харьковская Е.В. Социокультурный потенциал региона по развитию паломнического туризма / Е.В. Харьковская, С.Н. Харьковский // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – №3. – С. 225–229. DOI 10.17513/snt.38561. EDN TPQEXZ

2. Харьковская Е.В. Воспитательный потенциал традиционной народной культуры в нравственном воспитании детей и подростков / Е.В. Харьковская // Современная праздничная культура России: традиции и инновации: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 17 апреля 2023 г.). – Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2023. – С. 81–89.

3. Яковлева Л.В. Современный празднично-обрядовый комплекс как явление традиционной культуры / Л.В. Яковлева; отв. ред. М.В. Литвинова, И.В. Семченкова // Современная праздничная культура России: традиции и инновации: сборник материалов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 18 мая 2022 г.). – Белгород, 2022. – С. 333–339. EDN GQPGFX

Галимова Лилия Надиповна
д-р ист. наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана»
г. Москва

ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

***Аннотация**: в статье рассмотрена тема политической культуры как одного из аспектов жизнедеятельности провинциального купечества второй половины XIX – начала XX в., в частности участие в оппозиционных группировках, антимонархических партиях.*

***Ключевые слова**: политическая культура, купечество, политическая деятельность, партия, оппозиция.*

Занимая прочные позиции в экономике, купцы были в основном богатой и привилегированной частью российского общества, некоторые из них активно участвовали в оппозиционной деятельности. Однако вначале такого рода проявление политической культуры среди торгующего сословия было неосознанным, так как купцы не понимали, зачем им были нужны эти «политические посиделки», но, отдавая дань моде, посещали политические мероприятия политического толка. В воспоминаниях провинциальных купцов-мемуаристов нашла отражение и политическая проблематика, хотя сами авторы предстают далекими от политики людьми. Российские купцы в большинстве своем оставались консерваторами [26, с. 150].

Купечество, участвуя в политической деятельности, стремилось сохранить в деятельности правительства желание и далее поддерживать их высокий общественный статус, проявляли жажду политической самореализации. Исследователь купечества Б.Б. Кафенгауз еще в 1920-е годы писал, что после реформ Александра II «появился новый тип купца, отправлявшего ту или иную общественную должность с целью защиты общих интересов перед лицом правительства и других социальных групп».

Значительная часть местных предпринимателей, публично не проявляла своего отношения к политическим проблемам. Тем ни менее, среди активной части купечества идейный раскол продолжал усиливаться. Купеческие семьи по-разному определяли политические ориентиры [16, с. 277; 18, с. 74].

Давая характеристику политическому кредо купечества, можно отметить, что среди них не было единства взглядов, поэтому многие, даже находясь друг с другом в кровном родстве, исповедовали кардинально противоположные политические идеи.

Впервые провинциальное купечество начало проявлять интерес к политике в 1870-е годы, когда начало зарождаться земское либеральное движение [20, д. 20, л. 7]. Об этом доказывают записи во всеподданнейших отчетах симбирский и вятский губернаторы [22, д. 303, л. 5–46].

До конца XIX в. политическая культура купечества проявлялась совершенно безразлично, однако, одной из основных тенденций эволюции

российского купечества во второй половине XIX – начале XX в. заключалась в постепенном превращении его в предпринимательский слой населения, имевший широкие общественные интересы. Это выражалось в массовом участии представителей деловых кругов в благотворительности и меценатстве, в работе органов местного самоуправления. Оппозиционно настроенные купцы проводили активную антиправительственную деятельность в земских учреждениях. Земство стало на путь «порицания всех прежних и настоящих правительственных учреждений». Для противодействия политически неблагонадежных отсылали в другие губернии.

Активная оппозиционная деятельность торгового сословия «вносила смуту и дезорганизацию» процесс обучения и воспитания в земских и иных образовательных учреждениях, пропагандируя идеи «своеволия и безбожия» [22, д. 303, л. 34, об. 35]

Следует сказать, что либерально-оппозиционная деятельность купечества выражалась не только в том, что они их активно защищали и пропагандировали. Купцы, находясь и составе земских учреждений, направляли свои личные средства на ведение оппозиционно-либеральной деятельности [5, д. 330. л. 1, д. 88. ч. 23, л. 2 об. – 9].

По мере обострения внутриполитической ситуации в стране, служебная и общественная деятельность купцов приобретала оппозиционную политическую окраску [27, с. 86]. В 1905–1907 гг. наиболее часто среди купцов преобладали вероподданические монархические взгляды. Для многих купеческих семейств традиционно были характерны монархические, просамодержавные взгляды на политическое устройство страны и резко негативное отношение к инакомыслящим. В большинстве своем купцы отвергали как неприемлемые любые идеи, направленные на «революционное преобразование общества» [3, с. 141].

К этому во многом подталкивала их и разбойничья деятельность революционных группировок. Деятельность левых партий вызывала у многих купцов гнев и раздражение не только по политическим соображениям. Жертвами кипучей революционной деятельности зачастую становились именно купцы. Торговцам и промышленникам пришлось столкнуться с угрозами со стороны партии анархистов-коммунистов, которая своими «методами борьбы за уничтожение капитализма и упразднение государства» провозглашала «восстание и прямое нападение как массовое, так и личное на угнетателей и эксплуататоров» [15, с. 200].

Появляются факты вымогательства «революционерами» денег у купцов на ведение подрывной, антигосударственной работы [26, с. 90]. Вымогательством денег под личиной «борьбы с самодержавием» занимались и просто бандитствующие элементы, например, выгнанные за растрату и мошенничество бывшие купеческие приказчики [2, с. 242; 19, с. 75].

Подавляющее большинство членов семей купцов также относилось к освободительному движению отрицательно, были случаи, родственницы революционерок из купеческой среды отрекались от них [12, д. 603, л. 160; 9, д. 13, л. 90]. Ряд купцов финансировали не только черносотенные организации – «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», но и погромы в период Первой русской революции [23, д. 337, л. 100 об.]. Представители местного купечества принимали деятельное участие в открытии правых партий, в их непосредственной работе, производили

запись в члены партии, председательствовали на ее общих собраниях, участвовали в выборных кампаниях [1, с. 139–144].

Представители провинциального купечества участвовали в деятельности Партии правового порядка. Партия существовала «в лице купцов, мещан, торговцев и пожилых крестьян, придерживающихся программы монархических партий». Отделения и их деятельность были направлены преимущественно на участие в выборных кампаниях и проведение культурных, либо благотворительных мероприятий [2, с. 373; 16, с. 277].

В 1900 году упоминается либеральная деятельность в среде купечества усилившаяся также накануне и в период Первой русской революции. Купцы, работающие в земствах, проникались ненавистью к дворянам [7, д. 1, ч. 71, л. 2].

События Первой русской революции явились значительным толчком в оппозиционной политической деятельности купечества. Во всеподданнейших отчетах губернаторы указывали, что «земские и отчасти городские учреждения открыто примкнули к революционному движению», и что в их составе присутствовали исключительно состоятельные лица [21, д. 49, л. 20]. Среди купечества были сторонники радикального переустройства России, открыто выражавшие свое негативное отношение к самодержавию.

Во время праздников, отмечавшихся в 1883 г. посвященных дню коронования в Москве Александра III и его супруги, купец Чернов не пришел на богослужение и не украсил свой дом флагами и иллюминацией, как того требовало постановление городской думы. 16 мая вечером у его дома собралась толпа мещан и потребовала незамедлительно исполнить все указания думы, «угрожая в противном случае разнести дом», Чернов был вынужден, подчинится воле горожан. В том же году он предлагал уездному земскому собранию принять ходатайство об изменении выборной системы в органы местного самоуправления, в частности, по мнению Чернова, при выборах в земство нужно отменить имущественный ценз и ликвидировать землевладельческие съезды. Более того, он говорил о необходимости разрешить крестьянам вести хозяйственную и промысловую деятельность в помещичьих и казенных лесах (заниматься охотой, собирать грибы и ягоды, пасти скот и т. д.), поскольку считал их общественной собственностью [6]. Чернов был арестован как один из руководителей «преступного сообщества», занимавшегося пропагандой либеральных идей среди крестьян [22, д. 303, л. 18–18 об.].

В 1890-х гг. XIX века либерально-конституционные идеи в Вятской губернии активно пропагандировал и выходец из богатой купеческой семьи А.П. Батуев, который неоднократно занимал должность председателя вятского губернского земского собрания. Исключительно благодаря его усилиям земская школа была известна на всю Россию. Здесь применялись передовые для того времени образовательные методики, а сама «заброшенная губерния» стала центром внимания. Однако власти, поддерживая его деятельность на словах, на самом деле считали ее «скрытно антиправительственной», как многочисленные сельские школы и библиотеки, по их мнению, стали центром либеральной пропаганды [28, с. 77].

В ряде губернских городов период Первой русской революции, купцы выступили инициаторами в подготовке документа о необходимости созыва всесословного представительного собрания, введения

избирательного закона, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании, объявления демократических свобод и отмене всех сословных привилегий, предлагалось незамедлительно провести в стране коренную политическую реформу [24, д. 9, л. 273–274 об.].

Местные думцы из Вятской, Сибирской, Самарской, Казанской и других губерний участвовали в движении за созыв общероссийского съезда городских голов, которое в историографии рассматривается как одно из проявлений думского либерализма [17, с. 137; 25, с. 372]. Фактор политизации местного купеческого общества ярко проявился после выхода Манифеста 17 октября 1905 г., разрешившего, легальную деятельность в стране политических партий. Однако еще до этого события, ряд представителей торгового сословия проявил себя в работе партий левого лагеря – социал-демократов и эсеров, возникших в конце XIX – начале XX в. разделявшие взгляды левых разделяла в основном весьма небольшая часть молодого купеческого поколения, тесно общавшаяся с прогрессивными земскими деятелями и политическими ссыльными [27, с. 90].

Дочери и жены купцов активно проявили себя в женском феминистском движении. Поступить на службу в государственные учреждения женщинам было трудно [13]. Именно несправедливое отношение самодержавного правительства к своему народу, стремление подавить малейшие проявления недовольства существующим режимом подстегнули протестные настроения, ускорили вызревание требований женщин о предоставлении им равных с мужчинами граждански прав, способствовали их объединению в феминистские организации. Деятельность феминисток отличалась от деятельности социалисток тем, что они боролись только за женское равноправие, причем в рамках существующего строя. Поэтому их организации были легальными. Социальную основу российского феминизма оставляли представительницы купечества и дворянства. Активную роль в движении играли женщины, имевшие какую-либо специальность. Феминистки боролись за предоставление всем женщинам равных с мужчинами политических прав, а также обращались к широкому кругу социальных проблем, касавшихся женского населения страны.

Продолжая традиции общественной деятельности, заложенные еще в 1860–1870-х гг. они работали не над политическими проблемами женской эмансипации и почти всегда отрицали социалистическое движение.

Женщины купеческого сословия, при поддержке других сословий вступали в политическую борьбу. Ингода они высказывали негативное отношению к царю и правительству [11, д. 70, л. 223].

В революционную деятельность на стороне РСДРП активно включались дети купцов, которые в своих общественно-политических делах пошли дальше своих отцов-либералов, по более радикальному пути.

С именами купеческих детей были связаны печатание и распространение нелегальной литературы, организация и проведение митингов, пропаганда марксизма среди рабочих и учащихся. Представители купеческих семей выполняли революционные задания или, скрываясь от полиции, выезжали за границу [10, д. 69, л. 38; 8, д. 9, л. 231–236, 258–259].

В Самаре отделение РСДРП возникло в 1890 г. В 1896 г. марксистская группа издавала газету «Самарский вестник» под руководством супругов-купцов Кржижановских, Дмитрия и Марии Ульяновых. Сам состав Восточного бюро был настолько сильно законспирирован, что даже сами его члены зачастую знали друг друга только по прозвищам. Возглавлял его

выходец из купцов В. П. Арцыбушев, секретарем была его жена М.Г. Шехтер [4, с. 388–389.].

Первая социал-демократическая организация в Симбирской губернии был немногочисленной, однако она также создавалась при активном участии купцов. Некоторые из них вложили средства на ее деятельность. В конце XIX – начале XX в. современники характеризовали Симбирск как город, крайне далекий от общероссийских политических событий. «В 1900-е годы Симбирск – захудалый дворянский город... Пролетариата фабричного и заводского нет. Есть только мастеровые... Заседания Думы снотворны... Земство покультурнее, но его интересами живет ограниченное число людей. О политических настроениях Петербурга и Москвы никто не знает. Известно только, что студенты и жиды бунтуют против царя» [14, с. 10]. В губерниях Поволжья социал-демократы занимались производством, хранением и распространением нелегальной литературы. Методы их работы не различались.

В пореформенный период политическая жизнь становится центром всей общественной жизни. Растет число звеньев политической организации общества, все более сложными становятся взаимоотношения между ними. Не остается на стороне и торгующий класс предпринимателей-купцов ярко проявившие свое влияние и значимость на происходящие события и перемены в конце XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Балыбердин Ю.А. Монархические организации Вятско-Камского региона в период первой российской революции / Ю.А. Балыбердин // Вопросы истории. – 2007. – №7. – EDN IAHZLD

2. Балыбердин Ю.А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 гг.) / Ю.А. Балыбердин. – М., 2005. – EDN QPBMCD

3. Бурышкин П. Москва купеческая / П. Бурышкин. – М., 1994.

4. Второй период революции 1906–1907 гг. Январь – июль 1907 г. / под ред. Н.С. Трусовой [и др.]. – М., 1963.

5. Государственный архив РФ (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 3. – ДП. 1884.

6. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 3.

7. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 1900.

8. ГАРФ. – Ф. 587. – Оп. 4.

9. Государственный архив Саратовской области (ГАСарО). – Ф. 57. – Оп. 1.

10. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 714. – Оп. 1.

11. ГАУО. – Ф. 76. – Оп. 6.

12. ГАУО. – Ф. 855. – Оп. 1.

13. Земство и политическая свобода. Журналы комиссии собрания Саратовского губернского земства. 1905 г. – Париж, 1905.

14. Ильинский Л. Дворянский Симбирск / Л. Ильинский // Красная летопись. Сб. материалов по истории Симбирской организации РКП (б). – Симбирск, 1923.

15. История политических партий России. – М., 1994.

16. Марков А.А. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Вятской губернии (хроника событий). Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2006 год: информационно-статистический сборник / А.А. Марков. – Киров, 2006.

17. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В.А. Нардова. – СПб., 1994. – EDN ZVIRTT

18. Ощепков К.П. Я.Ф. Тырышкин – «духовный наследник» П.В. Алабина / К.П. Ощепков // П.В. Алабин, Вятка, музей. – Киров, 1998.

19. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г. – СПб., 1877.

20. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1263. – Оп. 1.

21. РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 4.

22. РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 1.
23. РГИА. – Ф. 170. – Оп. 1.
24. РГИА. – Ф. 587. – Оп. 10.
25. Самарский курьер. – 1905. – №67.
26. Судовиков М.С. Мемуары вятских купцов XIX – начала XX в. / М.С. Судовиков // Вопросы истории. 2007. №2. EDN HYJNVZ
27. Судовиков М.С. Политическая деятельность купечества в России во второй половине XIX – начале XX в. / М.С. Судовиков // Вопросы истории. – 2009. – №7.
28. Сытин И.Д. Жизнь для книги / И.Д. Сытин. – М., 1962.

Гонышкова Ольга Геннадьевна
магистр, учитель
МБОУ «СОШ №7»
г. Киржач, Владимирская область

КЛЕН И БЕРЁЗОНЬКА – ЧАЙКА И СОКОЛ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АСПЕКТ «ГОТОВНОСТИ НОМЕР ОДИН»

Аннотация*: работа основана на материале книг первой летчицы-космонавта СССР Валентины Владимировны Терешковой и её супруга, космонавта СССР №3 Андрияна Григорьевича Николаева. По мнению автора, секретом успеха полёта в космос первой женщины-космонавта во многом можно считать психологический аспект «готовности номер один» – любовь этих людей, их веру и надежду в победу нашей страны в космосе.*

Ключевые слова*: Терешкова, Николаев, первый отряд космонавтов, центр космической подготовки, психологический аспект предполетной подготовки, готовность номер один, Звёздный городок, Киржач.*

Актуальность данной работы связана с изучением полного объёма причин успеха нашей страны в космосе в начале 60-х гг. XX в. Не умаляя роли экономического потенциала, технического прогресса, гения конструкторов и таланта всех, кто был связан с космосом, – от инженера до простого рабочего, мы не можем не обратить внимание на психологические аспекты подготовки и осуществления первых комических полётов и, прежде всего, тёплые, дружеские отношения, царившие в первом отряде космонавтов.

Обозначив тему работы космическими позывными В.В. Терешковой и А.Г. Николаева и ласковыми прозваниями, которыми они называли друг друга, мы хотим лишь подчеркнуть существование в отношениях коллег-космонавтов не просто личной симпатии, а духовного родства, возникшего в лоне народной традиции, которая издревле ассоциирует женскую красу с русской берёзонькой, а образ мужчины с сильным и выносливым клёном.

Основным источником данного исследования стали книги В.В. Терешковой «Вселенная – открытый океан» и А.Г. Николаева «Встретимся на орбите», которые были опубликованы в начале 1960-х гг.

Сведения обогащены краеведческим материалом, представленным в книге «По дороге в космос» С.А. Кротовым, почётным гражданином города Киржача Владимирсой области, где в 1959 г. одновременно с

центром близ станции Чкаловская в 20 км от Москвы (ныне Звёздный городок) был создан центр космической подготовки.

Тогда центр в Киржаче назывался просто аэродром. Даже местные жители не знали, что на бывшем военном аэродроме расквартированы будущие космонавты. С 1960 г. здесь проходили подготовку к полёту Ю.А. Гагарин и все летчики-космонавты первого отряда космонавтов Г.С. Титов, А.Г. Николаев, П.Р. Попович, В.Ф. Быковский и В.В. Терешкова, А.А. Леонов и другие из члены «Группы ВВС №1».

Целью центра в Киржаче была не только надлежащая подготовка космонавтов к приземлению, в начале 60-х гг. XX в. осуществлявшемуся космонавтами из стратосферы отдельно от космического корабля, при помощи парашюта. Целью центра был также психологический комфорт подготовительного периода.

Практическими психологами того времени можно считать партийных и советских работников, которым была поручена забота о будущих космонавтах, и они успешно справлялись с возложенной на них задачей. Организовали постоянно функционировавшую баню, пляж и место рыбалки на берегу реки Киржач в сосновом бору. По традициям того времени, когда выдавался день, свободный от тренировок, космонавты выезжали в подшефный колхоз на покос или сбор урожая [2, с. 5].

В настоящее время силами краеведов воссозданы любимые места отыха первых космонавтов. Уникальные фотографии, сделанные краеведом С.А. Кротовым, стали экспозицией краеведческого музея.На них космонавты по обстановке серьёзны или улыбчивы, но каждый раз открыты.

Самым важным в психологичеком аспекте подготовки была та большая и искренняя дружба, которая позволяла космонавтам считать себя «космическими братьями».

В своих воспоминаниях первые космонавты безоговорочно своим лидером и заводилой называют Ю.А. Гагарина. Он обладал способностью подружить, примирить и даже, как показала жизнь, соединять сердца. С его легкой руки искра любви зажглась в сердцах В.В.Терешковой и А.Г. Николаева.

О первой встрече с Валентиной Владимировной Терешковой летчик-космонавт Андриян Николаев рассказывает в главе своей книги «Встретимся на орбите» [3, с. 114–115]. Эта глава называется «Моя берёзонька».

Почему же Берёзонька, а не Чайка, как называли Валентину Владимировну её космические братья?

Андриян Николаев пишет, что с детства знал русскую народную песню о тонкой рябине, которая не смогла перебраться к надёжному дубу-защитнику. Но больше пришлась по душе Андрияну Николаеву другая песня – о тонкой берёзке, в которую был влюблен клён. Этот клён напоминал космонавту храброго рыцаря, но стать им было ой-как тяжело. Николаев, как он сам признаётся, был застенчив да не встретил он до поры до времени такую берёзоньку, к которой протянул бы свои ветви и стал ей надежной опорой в жизни.

Но вот «однажды моё холостяцкое житье поколебалось», – пишет космонавт. В Звёздный городок прибыли девушки – пополнение первого отряда космонавтов.

Первым с девчатами познакомился Юрий Алексеевич Гагарин. Представляя коллегам пополнение, Юрий Алексеевич сразу же окрестил девчат звёздными сестрами, а при этом пошутил:

– Прошу любить и жаловать!

Знакомство продолжилось рукопожатием. Девчата потягивали свои руки космонавтам и называли свои имена. Лишь одна из них оказалась без маникюра. Николаев почувствовал рабочую руку.

Поняв это, девушка засмущалась и заспешила освободиться от рукопожатия, назвав своё имя:

– Валентина!

Валентина Владимировна Терешкова впоследствии стала супругой космонавта Николаева. Но впереди было ещё много работы, встреч и расставаний.

Николаев готовился к полёту, обживал свой «Восток–3» на Земле. Некоторое время будущий космонавт был отрезан от мира, испытывая неземные нагрузки и считал «витки» своего корабля. Позднее он узнал, что Валентина Владимировна много раз приходила к кораблю, но общаться с Николаевым ей запретили.

Первым, кто встретил Андрияна Николаева после его тренировочного «полёта», была его Берёзонька – Валя.

– Ну как, Клён? Не завял в заточении? – спросила Валентина Владимировна своего друга.

(Клён – позывной Андрияна Николаева в его тренировочном «полёте»).

На шутку будущий космонавт отвечал шуткой:

– Нет, Берёза, не завял, а только малость позеленел [3, с. 118].

Чудесным образом в предстартовой подготовке у Валентины Владимировны был позывной «Берёза».

Отправляясь на Байконур и прощаясь с друзьями, Андриян Николаев поймал себя на мысли, что ему очень хотелось назвать Валентину Владимировну «Моя берёзонька». Только такого права у него тогда ещё не было. Они были тогда лишь коллегами и друзьями.

Там, в космосе, среди прочих шутливых записок Юрия Алексеевича Гагарина Андриян Николаев нашёл одну, которая напомнила о Берёзоньке [3, с. 147] А после возвращения на Землю в кармане кителя с новыми погонами, которые пришила Валя, нашёл ещё одну с поздравлениями и подписью «Твоя Берёзка»! [3, с. 158].

Первую встречу с Андрияном Николаевым в Звёздном городке Валентина Владимировна Терешкова описывает немного иначе. Ей запомнилось, что именно он доставил в гостиничный номер её дорожный чемодан и, не сказав ни слова, исчез [4, с. 114].

Одним из первых, за чьими тренировками наблюдала Валентина Владимировна, был также Николаев [4, с. 117].

Чем больше знакомилась Валентина Владимировна с Андрияном Николаевым, тем больше узнавала о нём, что не могло не восхищать. Однажды, рассказывает Валентина Владимировна в своей книге «Вселенная – открытый океан», в тренировочном полёте у самолета Николаева отказал мотор. В такой ситуации для лётчика один приказ – прыгать, но … Николаев посалил самолёт и спас дорогостоящую машину! [4, с. 132].

А вот после возвращения из космоса уже состоявшиеся космонавты Андриян Николаев и Павел Попович, по мнению готовящихся к полётам девушек, должны были раскрыть тайну – как там в космосе. Рассказ не

окрылил девчат: космонавты наблюдали огромный пожар на Земле, и ничего не могли сделать [4, с. 137].

И вот приказ – космический полёт. Получив его, Валентина Владимировна вместе с космическим попутчиком Валерием Быковским и Андрияном Николаевым вместо кино гуляют в парке. Разговор о самом важном – как там, в космосе [4, с. 151].

Первым из пары космонавтов пять и шесть в космос поднялся Валерий Быковский. Валентина Владимировна оставалась на Земле ещё сутки, и слышала переговоры Быковского с космодромом. На связи были Гагарин, Титов, Николаев.

К месту взлёта корабля Валентину Владимировну провожали также Гагарин и Николаев, её дублер и Главный конструктор. Они же были у микрофона, пока объявлялась 15-минутная, 5-минутная подготовка [4, с. 174].

В космосе нужно было заниматься научной работой: слушать собственные сердцебиения, считать дыхание, проводить вестибулярные пробы. Но были и свободные минутки. В одну из таких минуток Валентина Владимировна подписывала свои фотографии, которые друзья специально дали ей. Шутливый тон, заданный в общении с друзьями Гагариным, поддержала и Валентина Владимировна. Она написала: Главному Конструктору – теоретику Космонавтики, Андрияну Николаеву – инженеру- корабельщику.

В первый же вечер после возвращения Чайка – Валентина Владимировна и Сокол – Андриян Николаев гуляли на берегу Волги и говорили о будущем. А когда их пригласили в Кремль, вспоминает Валентина Владимировна, и они были представлены руководителю страны Никите Сергеевичу Хрущеву, им очень хотелось пригласить его на свадьбу. К тому времени Терешкова и Николаев уже приняли решение: будут вместе.

Вскоре состоялась первая в мире космическая свадьба! Посажённым отцом на ней был руководитель страны Никита Сергеевич Хрущёв.

Из состава первого отряда космонавтов в живых остались Валентина Терешкова и Борис Волынов. Их лучшие годы связаны со Звездным городком и центром космической подготовки в городе Киржач, о котором космонавты говорили как о родном доме. Так город выполнил главное задание Родины в деле подготовки к космическим полётам первых, обеспечив психологический комфорт.

Список литературы

1. Гагарин Ю.А. Дорога в космос: записки летчика-космонавта СССР / Ю.А. Гагарин; лит. запись Н. Денисова и С. Борзенко; под. ред. Н. Каманина. – М.: Правда, 1961 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://testpilot.ru/espace/bibl/gagarin/doroga/obl.html (дата обращения: 23.03.2023).

2. Кротов С.А. По дороге в космос / С.А. Кротов. – Киржач, 2011. – 44 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.land.lib33.ru/site/publication/2121 (дата обращения: 23.03.2023).

3. Николаев А.Г. Встретимся на орбите / А.Г. Николаев. – М.: Воениздат, 1966. – 226 с.

4. Терешкова В.В. Вселенная - открытый океан! / В.В. Терешкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/selection/914090-valentina-tereshkova-1937g-v-literature (дата обращения: 23.03.2023).

Ефремов Евгений Андреевич
аспирант
Научный руководитель
Широков Олег Николаевич
д-р ист. наук, декан, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

***Аннотация**: в статье отражены довоенный и военный периоды в истории автомобилестроительной промышленности СССР, а также проанализированы данные по поставкам автомобильного транспорта от стран – союзниц в годы Великой Отечественной войны.*

***Ключевые слова**: автомобильный транспорт, СССР, Ленд-лиз, Великая Отечественная война, экономика, автомобильная промышленность.*

Вторая мировая война – самая кровопролитная и разрушительная война в истории, начавшаяся 1 сентября 1939 г. и закончившаяся 2 сентября 1945 г., то есть 75 лет назад. Для нашей же страны самым важным и значительным периодом этой войны является Великая Отечественная Война, начавшаяся 22 июня 1941 г. с вторжения немецко-фашистских войск на территорию Союза Советских Социалистических Республик. В западных источниках это направление называется «Восточным фронтом», в Германии – «Немецко-советской войной», однако всё это названия одного кровопролитного противостояния, пришедшегося на плечи советского народа, и являвшегося важнейшим составным этапом Второй мировой войны. И советский народ сумел тогда отстоять свою свободу и независимость, нанеся нацистской Германии и её союзникам поражение, ознаменовавшееся завершением Великой Отечественной войны 9 мая 1945 г.

Однако многим известно высказывание «Победа ковалась в тылу». И оно действительно небезосновательно, ведь всё снаряжение для фронта производилось именно в тылу, куда не добралась война. На обеспечение фронта в военное время трудились целые промышленные отрасли. И одной из важных отраслей являлась автомобилестроительная.

На карте мира СССР как единое государство возникает 30 декабря 1922 г. И с момента своего возникновения это государство сразу начинает проводить множественные реформы, в том числе и создание целых отраслей экономики, не существовавших ранее в Российской Империи, либо же существовавших, но не в виде отраслей, а в виде отдельных предприятий. Такая ситуация была и с автомобилестроительной промышленностью.

В Российской Империи автомобильной промышленности не существовало как отрасли. С 1916 г. начали появляться отдельные заводы, занимавшиеся строительством автомобилей в единичных экземплярах,

либо же сборкой иностранных автомобилей. Такими заводами были завод «Торгового дома Кузнецова, Рябушинских и Ко» и завод В.А. Лебедева. Эти заводы послужили началом для советской автомобильной промышленности. Первый завод был национализирован в 1918 г. и имел название АМО (Акционерное Московское Общество) [5]. Второй же завод также был национализирован в 1918 г. и получил название «Первый государственный авторемонтный завод» (он же 1-й ЯГАРЗ). В будущем эти два завода будут переименованы: АМО в 1931 г. станет называться ЗИС, а в 1956 – ЗИЛ, а ЯГАРЗ в 1933 г. получит название «Ярославский государственный автомобильный завод №3» или ЯГАЗ. Эти два завода и стали началом для автомобилестроительной промышленности в СССР.

В годы индустриализации в СССР было решено создать ещё один завод по производству автомобилей. Им должен был стать Нижегородский Автомобильный Завод (НАЗ). В 1929 г. ВСНХ СССР подписал договор с американской фирмой «Ford» на производство легковых автомобилей Ford-A и грузовых автомобилей Ford-AA. Однако пока сооружался НАЗ (1929–1932 гг.) было решено наладить отвёрточную сборку автомобилей в Москве. Так в 1929–1930 гг. был сооружён завод, получивший название «Государственного автосборочного завода им. Коммунистического Интернационала Молодёжи» (КИМ) [6]. В дальнейшем этот завод станет известен как ЗМА, позднее АЗЛК или же «Москвич». Завод КИМ занимался сборкой автомобилей Ford-A и Ford-AA из американских комплектующих, а в последствии, с 1933 г., автомобилей ГАЗ-А и ГАЗ-АА, которые представляли собой переработанные советскими инженерами Ford-A и Ford-AA, собираемые из отечественных деталей.

Однако стоит вернуться к заводу НАЗ. 1 января 1932 г. завод вступил в строй и в этом же году с его конвейера сошёл полуторатонный грузовик НАЗ-АА. В октябре этого года Нижний Новгород был переименован в Горький, а соответственно и завод был переименован в ГАЗ. Несмотря на то, что первые автомобили изготавливались по американским чертежам, они всё равно имели ряд переработок, сделанных отечественными инженерами. Таким образом автомобиль ГАЗ-АА, выпускавшийся вплоть до 1938 г., породил целое семейство уникальных автомобилей, главным из которых стал ГАЗ-ММ (он же «полуторка») – один из самых узнаваемых автомобилей этого периода. Выпускаемый с 1938 г. он стал одним из основных грузовых автомобилей, используемых в период Великой Отечественной Войны и, отчасти, её символом наряду с танком Т-34 и пистолетом-пулемётом ППШ. Отличался он от ГАЗ-АА не внешне, но внутренне: более мощный двигатель на 50 л.с., усиленная подвеска, новое рулевое управление и новый карданный вал. Этот автомобиль стал основным в армии Советского Союза периода Великой Отечественной войны.

Теперь же нужно вспомнить про завод АМО, переименованный в 1931 г. в «1-й государственный автомобильный завод им. Иосифа Виссарионовича Сталина» (ЗИС). После гражданской войны на заводе началось опытное автостроение на заводе АМО в 1922/23 гг. В качестве основной модели было решено взять FIAT 15 Ter, который производился небольшой партией на заводе до революции. Однако в 1924 году на завод поступило правительственное задание по изготовлению первых советских грузовиков. Так в ночь на 1 ноября 1924 г. был собран первый грузовик АМО Ф-15, разработанный на базе того самого FIAT 15 Ter, а 7 ноября колонна

из 10 автомобилей прошла на параде по Красной площади [5] Вскоре состоялся автопробег, подтвердивший качество автомобиля, и с 1925 г. началось его серийное производство. В 1930 и 1931 автомобиль пережил две модернизации. Однако автомобиль имел очень высокую себестоимость. В рамках назревающей индустриализации было решено искать решение этого вопроса. В 1930 году для выпуска на АМО была закуплена лицензия на американский грузовик «Аутокар-5С» (Autocar-5S). Собранный из американских комплектов грузовик назывался АМО-2. После локализации в 1931 году и запуска конвейера (первого в СССР) он был переименован в АМО-3, а мощность его мотора была увеличена по сравнению с ранним образцом с 54 до 72 л. с. После модернизации в 1933 г. грузовик был переименован в ЗИС-5. В 1934 г., после завершения коренной реконструкции предприятия (до 100 000 автомобилей в год) этот легендарный в будущем грузовик пошёл в массовую серию. Суточный объём выпуска ЗИС-5 превысил 60 автомобилей. На базе ЗИС-5 были созданы 25 моделей и модификаций, из которых 19 пошли в серию. ЗИС-5 так же, как и ГАЗ-ММ был одним из основных грузовиков Красной Армии в период ВОВ. Именно на него (а вернее на его трёхосную модификацию ЗИС-6) устанавливалась легендарный миномёт БМ-13, более известный как «Катюша».

Помимо этих трёх заводов существовал также ещё один. И пусть сегодня о нём знают лишь немногие, но он, так же, как и ГАЗ, ЗИС и АМО, играл важную роль в автомобилестроении СССР. Это Ярославский завод. В 1925 г. он начал производство грузовых автомобилей АМО Ф-15. В годы первой пятилетки на нём была произведена масштабная реконструкция и завод освоил производство самосвалов. В 1935 году им уже был выпущен десятитысячный грузовой автомобиль. Завод производил много тяжёлых (от 3 до 7 т.) грузовиков для гражданских и военных нужд: Я-3, Я-4, Я-5, ЯГ-3, ЯГ-4, ЯГ-5, ЯГ-6, ЯГ-10, ЯГ-12 [3] Однако самым важным для нас тут является грузовой автомобиль ЯГ-6, выпускавшийся с 1936 по 1943 годы. У страны была острая необходимость в производстве тяжёлых пятитонных грузовиков, поэтому Ярославский завод продолжал выпуск ЯГ-6. Это был достаточно устаревший к тому времени грузовик (хотя его и пытались обновлять более сильными моторами), но тем не менее он справлялся со своей работой и завод обеспечивал страну пятитонными грузовыми автомобилями вплоть до 1943 года, когда был переориентирован на выпуск гусеничных артиллеристских тягачей.

Что же касается цифр, то согласно официальным данным, в 1928 г. в СССР была выпущена 671 единица автотранспорта, однако за 1940 год эта цифра составляет уже 145390 машин [7, стр. 1–2], что демонстрирует нам неимоверные темпы развития этой отрасли в СССР. Из этого числа 65377 машин было выпущено на ГАЗе, 57337 на ЗИС, 2270 машин было выпущено на Ярославском заводе и ещё 20250 было собрано на Ростовском автосборочном заводе. Исходя из этих цифр можно сказать, что основу автопарка заставляли автомобили марки ГАЗ и ЗИС, производившие большую часть автомобилей, как легковых, так и грузовых.

Таким образом можно наблюдать, что советское автомобилестроение к началу войны было достаточно мощной отраслью, представленной несколькими заводами и обширным модельным рядом грузовых автомобилей, обеспечивающих снабжение и транспортировку людей и грузов в Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 г. Третий рейх объявил войну СССР и гитлеровские войска вторглись на территорию советского государства. Началась Великая Отечественная война. И началась она с довольно крупных потерь и затяжного отступления. В начале декабря 1941 г. немецкие войска находились уже под Москвой, в которой на тот момент находилось два автомобильных завода: КИМ, переориентированный в военное время на производство военной продукции, и ЗИС, являвшимся вторым по величине автозаводом на тот период времени. Касательно последнего руководство страны приняло решение об эвакуации мощностей завода и его уничтожении в Москве. Эвакуироваться ЗИС начал по частям в Ульяновск, Челябинск, Шадринск и Миасс. Из эвакуированных производственных цехов ЗИСа были в дальнейшем построены такие заводы как УАЗ, Шадринский автоагрегатный завод и УралАЗ («Урал»). На этих мощностях в том числе, в годы войны производились автомобили ЗИС.

Ярославский завод в 1943 г. выпустил последние 30 автомобилей ЯГ-6, после чего был переориентирован на производство гусеничных тягачей. Завод не был эвакуирован и выпускал в годы войны артиллерийские тягачи Я-11 и Я-12. Более того в период с 1943 по 1947 г. на заводе был спроектирован и разработан автомобиль ЯАЗ-200, в будущем выпускавшийся на Минском автомобильном заводе под названием МАЗ-200. Всего за годы войны заводом было выпущено 2382 машины.

Важной частью автомобильной промышленности СССР и, фактически, её основой и опорой оставался на протяжении всей войны Горьковский автомобильный завод. Он находился в отдалении от линии фронта, поэтому на протяжении всей войны занимался производством техники на нужды армии. Так к началу войны на заводе был выпущен первый советский внедорожник ГАЗ-64. Также продолжался выпуск полуторок ГАЗ-ММ, легковых штабных автомобилей ГАЗ-61 (и в частности, ГАЗ-61–73 – первый в мире полноприводный легковой автомобиль с кузовом седан). Помимо автомобилей, завод также выпускал танки (Т-60, Т-70 и Т-80), САУ (СУ-76) и бронемашины (БА-64). Однако не смотря на некоторое отдаление от линии фронта, город Горький часто подвергался немецким бомбардировкам. В том числе активным бомбардировкам подвергался и сам завод ГАЗ. В июне 1943 г. за месяц завод подвергся бомбардировкам 7 раз. Повреждения получили более 50 цехов, поточное производство было прервано. Однако рабочим удалось восстановить завод за 100 дней, работая сверх нормы по 18–19 часов в сутки. За годы войны в общей сложности Горьковский завод выпустил 176221 машину [7, с. 17].

Завод им. Сталина в годы войны развернул массовое производство на своих производственных мощностях. Помимо основных цехов, оставшихся в Москве, так и не взятой немецкими войсками, было развёрнуто производство на эвакуированных мощностях в Челябинске, Миассе, Шадринске и Ульяновске. На всех этих мощностях производился трёхтонный грузовик ЗИС-5, а также множество его модификаций, таких как ЗИС-5В (упрощённая военная модификация), ЗИС-6 (шестиколёсный 4-тонный грузовик, на который устанавливались «Катюши»), ЗИС-14 (удлинённое шасси специального назначения), ЗИС-15 (модернизированная версия ЗИС-5), ЗИС-22/22М (прототипы полугусеничных грузовиков) и ЗИС-42/42М (модернизированные версии ЗИС-22/22М). За всё время войны на всех своих мощностях ЗИС выпустил 166528 автомобиля [7, с. 17].

В общей сложности за годы войны советскими предприятиями автомобилестроительной промышленности было выпущено 343486 автомобилей [7, с. 2], из которых 313184 были грузовыми [7, с. 4]. По сравнению с довоенными годами заметно падение производства, так как только за 1938–1939 годы в СССР было выпущено 412801 автомобиль [7, с. 1]. Впрочем, это падение диктуется полной разрухой в стране и промышленности, в частности, по причине ведения военных действий на территории государства. Однако выйти на довоенные темпы производства в этой отрасли страна сможет только к 1947–1948 гг.

Однако, как показывала практика, своих мощностей стране действительно не хватало. Огромная часть предприятий была либо разрушена в первые годы войны, либо эвакуирована, что тоже накладывало определённые трудности. Более того, в стране ощущалась заметная нехватка ресурсов, ибо их с невероятной скоростью «съедала» война. Всё это не могло не привести к резкому падению темпов производства и, как следствию, отсутствию возможности обеспечивать себя всем необходимым в полной мере. Чувствовалась нехватка практически всех товаров.

Своеобразной рукой помощи в этой ситуации стала помощь стран-союзниц по антигитлеровской коалиции, в частности Великобритании с её доминионами и Соединённых Штатов Америки. С 1 октября 1941 г. был подписан договор с США и, по сути, с этого времени (хотя документально только в ноябре) СССР вступил в программу Ленд-лиза. По этой программе в СССР начал получать от США огромное множество товаров, необходимых стране в период войны. Список этих товаров действительно огромен, ибо по ленд-лизу в страну поставлялось не только вооружение и техника, но и продовольствие с товарами широкого потребления.

Также, кроме США у СССР был ещё один союзник, также поставлявший товары в СССР. Этим союзником была Великобритания, которая также поставляла множество жизненно необходимых в условиях войны товаров в Советский Союз. И хотя поставки из Великобритании были значительно меньше, чем поставки из Соединённых Штатов, всё равно необходимо упомянуть о помощи, полученной советским народом от Соединённого Королевства.

Вместе с тем, наряду с поставками массы товаров, СССР от стран-союзниц получал также и грузовой автотранспорт. Всего за 1941–1945 гг. в Советский Союз было завезено 367168 грузовых автомобилей, из которых 360980 машин было завезено из США и 6188 было завезено из Великобритании и Канады[1] Поставлялись из США автомобили таких известных марок как Студебеккер, Харвестер, Дженерал Моторс, ДМС, Форд, Шевроле, Додж и другие. Как я уже говорил ранее, сам СССР за эти же годы выпустил 313184 грузовых автомобиля. Таким образом, мы можем видеть, что импортные автомобили в годы войны занимали ~54% всего автопарка новых грузовых автомобилей в Красной Армии. То есть чуть более половины грузового автопарка было поставлено странами-союзницами.

Эта цифра действительно колоссальная и значимая, заставляющая понять важность поставок по Ленд-лизу для СССР. Однако есть один нюанс. Дело в том, что из всех 367168, ввезённых в СССР с 1941 по 1945 г., 239297 машин (или 65% от всего завезённого грузового транспорта) было завезено только в 1944–1945 гг. уже под конец войны [1] Причём это процент по общим поставкам: у США и Великобритании мы видим две

разные ситуации. США поставляет за 1944–1945 гг. в СССР 238586 грузовых автомобилей, что составляет 66% от всех поставок грузового автотранспорта из США в СССР за годы войны. Великобритания же за 1944–1945 гг. поставляет в СССР 711 грузовиков, что в процентном выражении составляет 11,5% от общих поставок (4988 грузовиков или 80% поставок было предоставлено Великобританией в 1942–1943 гг., тогда, когда эти поставки действительно были нужны СССР). Кто-то связывает это с тем, что у стран-союзниц не было транспорта, позволяющего транспортировать в СССР крупные объёмы грузов, кто-то видит в этом политическую подоплёку. Вероятнее всего Соединённым Штатам действительно было выгодно отправить 66% поставок в 1944–1945 гг., так как по условиям ленд-лиза утраченные, использованные и уничтоженные в ходе войны поставленные материалы не подлежали оплате, а пригодное для использования оборудование либо оплачивалось, либо возвращалось по требованию американской стороны в США. Таким образом Америка могла получить дополнительную прибыль с поставок техники и других товаров.

Подводя итоги этой работы, можно отметить, что в предвоенное время СССР развил практически с нуля целую отрасль промышленности – автомобилестроение. И эта отрасль накануне войны действительно показывала свою мощь. Она была готова к войне. Однако с началом военных действий эта отрасль, как и многие другие, столкнулась с колоссальными трудностями: разрушение предприятий, их эвакуация, нехватка материальных и трудовых ресурсов и т. д. Всё это не могло не сказаться на производстве. Однако страна действительно изо всех сил старалась обеспечить себя и, в частности, фронт необходимой техникой. И во многом у неё это получалось.

Ленд-лиз же являлся действительно важной и крупной помощью для армии и предприятий автомобилестроения в этой области. Однако он во многом преследовал не только цели взаимопомощи, сколько определённые политические цели. Страны-союзницы поддерживали СССР постольку, поскольку им это было выгодно. Однако даже несмотря на это, нужно отметить, что без помощи союзников война действительно могла бы затянуться. Может и не на долго, но каждый день войны стоил множества жизней. Можно долго разглагольствовать о том, что, если бы союзники активнее поставляли технику, война бы закончилась раньше, или если бы они вовсе её не поставляли, война закончилась бы позже. Однако верным, на наш взгляд, будет следующее: война закончилась тогда, когда она закончилась, благодаря самоотверженным и решающим действиям Союза Советских Социалистических Республик при содействии стран-союзниц.

Список литературы

1. Внешняя торговля Союза ССР за период с 22-VI-1941 г. по 31-XII-1945 г. (Статистический справочник по данным оперативного учета). – М., 1946.

2. Дашко Д. Советские грузовики 1919–1945 / Д. Дашко. – М.: Автомобильный архивный фонд, 2015.

3. Канунников С.В. Отечественные легковые автомобили. 1896–2000 гг. / С.В. Канунников. – М.: За рулём, 2007. – С. 148. EDN QNUOUB

4. Моремход «Автотранспорт СССР часть 1» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://moremhod.info/index.php/library-menu/34-strana-kotoroj-bolshe-net/233-avtotransport-sssr (дата обращения: 24.08.2023).

5. Официальный сайт завода ЗИЛ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: web.archive.org/web/20200124031122/http://www.amo-zil.ru/about/history (дата обращения: 24.08.2023).

6. Официальный сайт завода Москвич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.azlk.ru/history.html (дата обращения: 24.08.2023).

7. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 33. – Д. 1942. – Л. 1–18.

Ибрагимов Руслан Рустамович
канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник
Институт татарской энциклопедии и регионоведения
ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
г. Казань, Республика Татарстан

ИСЛАМ В ЖИЗНИ ТАТАРСКОГО СОЦИУМА ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1920–1930-х гг.

Аннотация*: актуальность статьи обусловлена значительной ролью ислама в жизни татарского социума в прошлом и в настоящем времени. Особым периодом в государственно-исламских отношениях стал советский период. В его рамках власть рассматривала религию как чуждую, враждебную идеологию и целенаправленно вела борьбу с её влиянием. Особый интерес вызывает период 1920–1930-х гг. – время формирования основ советской политики в отношении религии. Исследование выполнено на основе опубликованных и ранее неопубликованных источников. Цель статьи заключается в выявлении факторов, обеспечивших выживание ислама в условиях господства атеистического мировоззрения в местах традиционного расселения татар, изучении его социокультурной роли в жизни последних.*

Ключевые слова*: советское государство, мусульмане, татары, Волго-Уральский регион, атеистическая пропаганда.*

Татары относятся к числу дисперсно расселённых народов. Но в силу исторически сложившихся обстоятельств многие места компактного проживания татар за пределами Республики Татарстан предки татар начали осваивать ещё со времён Волжской Булгарии, став, фактически, коренным населением многих современных регионов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Марий Эл и Мордовия, Удмуртская и Чувашская Республики, Кировская, Самарская, Ульяновская области и др.).

Огромную роль в сохранении национально-духовной идентичности татар в дооктябрьский период сыграл ислам. Но после 1917 года ситуация кардинально меняется как для мусульман, так и для всех других конфессий Советского государства.

В советский период, государственные и партийные органы придерживались генеральной линии на подавление любой формы инакомыслия, в том числе и религиозной. Основополагающей официальной идеологической догмой государства стало отношение к религии как к «вырождающемуся явлению». Тем не менее, на определённых этапах истории Советского государства, власть под воздействием определённых обстоятельств варьировала степень своей нетерпимости к религии в целом и к исламу в частности.

В первое десятилетие советской власти мусульмане оказались в несколько более предпочтительном положении, нежели последователи

Русской православной церкви. Насильственные перемены в традиционном укладе мусульманских народов могли привести к широкомасштабным выступлениям против новой власти. Поэтому на определённом этапе политика Советского государства в отношении ислама была относительно гибкой. Её проявлениями стали: «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», где утверждалась неприкосновенность их верований, обычаев и национально-культурных учреждений [1, с. 70]; возвращение мусульманам таких реликвий как, Коран Османа, башня Сююмбике в Казани, Караван-Сарай в Оренбурге [1, с. 71]; разрешение преподавания в мечетях мусульманского вероучения (на основании постановлений Президиума ВЦИК от 9 июля и 28 июля 1924 г. (были отменены в 1928 году решением Президиума ЦИК СССР) [7, с. 87]. Отражением данной тенденции в Татарской АССР стало продолжение сооружения Закабанной мечети в Казани и строительство мечетей в сёлах республики [8, с. 27]. Однако, уже в конце 1920-х гг. политика Советского государства в отношении ислама «нивелируется» до уровня остальных конфессий, в основных чертах выражавшимся в насильственном закрытии молитвенных зданий, репрессий в отношении верующих и духовенства.

В 1924 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР в соответствие с которым вновь разрешалось религиозное обучение при мечетях и на дому. Однако уже 28 мая 1928 года Президиум ЦИК СССР отменил данное постановление, после чего начинается волна массового закрытия мектебов и фактическое изъятие «пустующих» после закрытия зданий мечетей, а также церквей и монастырей под культурно-просветительские учреждения. Так, «только в Башкирской АССР было изъято 1047 мечетей, из них в 51 здании размещены школы и клубы, а подавляющее большинство культовых сооружений, 838, использовано под хозяйственные нужды 3» [3, с. 24].

Если Декрет 1918 г. не предусматривал явного и прямого вмешательства государства во внутренние дела религиозных объединений, то Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ликвидировало этот «пробел» в советском законодательстве. Суть данного постановления можно обозначить следующими ключевыми положениями: легальная деятельность религиозных обществ и групп верующих была возможна только с санкции государственных органов власти; религиозные объединения не могли быть собственниками культовых зданий; под контролем властей находилась вся финансово-хозяйственная деятельность религиозных структур; законодательство позволяло органам власти вмешиваться во внутренние дела религиозных объединений; деятельность религиозных объединений ограничивалась исключительно рамками культовой практики. Следует сказать, что Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с последующими изменениями и дополнениями, являлось основополагающим законодательным актом в области государственно-конфессиональных отношений, вплоть до принятия в 1990 г. Верховным Советом СССР Закона «О свободе совести и религиозных организациях».

С точки зрения советского законодательства религиозные объединения могли функционировать только в случае их официальной регистрации в государственных органах власти. Добиться данной регистрации было крайне сложно. Согласно постановлению НКВД РСФСР от 1 октября 1929 года №329 все религиозные объединения, не прошедшие перерегистрацию до 1 мая 1930 года, объявлялись ликвидированными. Под этим предлогом в массовом порядке закрывались мечети Татарии, Башкирии,

Оренбургской, Свердловской, Челябинской и других областей Урала, Поволжья, Сибири и Европейской части России

В этой связи большая часть верующих, в том числе мусульмане были вынуждены собираться в рамках неофициально действующих религиозных объединений – в домах верующих, для более массовых намазов – на мусульманских кладбищах, святых местах.

В отличие от антирелигиозной кампании 1918–1925 гг., когда основной удар был направлен против Русской православной церкви, в конце 1920-х – 1930-е гг. репрессивные мероприятия проводились в отношении всех без исключения конфессий. Так, уже в 1928 гг. в Казани прошёл процесс по делу т. н. «нелегального медресе», в рамках которого по обвинению в «нелегальном» обучении шакирдов различным мерам наказания подверглись известные религиозные деятели того времени – мухтасиб Казани Ш. Шараф (в 1938 г. по делу ЦДУМ был приговорён к высшей мере наказания. – Р.И.), бывший преподаватель Азимовского медресе Д. Низамутдинов, имам-хатыб мечети 7 прихода Т. Алтынбаев и имам К. Гафаров [6, с. 110–117]. В последующие годы, по данным А.Л. Литвина, «… в Татарии были расстреляны десятки мулл» [4, с. 28].

К началу Великой Отечественной войны подавляющее число религиозных объединений было закрыто. Например, «… В рамках государственной атеистической кампании в 1930–1937 годах были закрыты все 10 мечетей в городе Оренбурге» [3, с. 24]. В Удмуртской АССР действовали 6 мусульманских объединений – в деревнях Бектым и Падера Балезинского района, Тат-Парзи и Малые Парзи Глазовского района, в гг. Ижевск и Воткинск [5]. Сведения о количестве официально действовавших в Татарской АССР мусульманских религиозных объединений – неоднозначны. В статистических сведениях Уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Татарской АССР, датируемых второй половиной 1940 гг., пять мусульманских религиозных объединений в графе «дата регистрации» обозначены следующим образом, «зарегистрированы как ранее действующие», т. е. прошедшие перерегистрацию [2, л. 8, 9]. В этой связи можно предположить, что к началу Великой Отечественной войны на территории Татарстана официально действовало по крайней мере пять мусульманских объединений.

Таким образом, весь комплекс принятых властями Советского государства антирелигиозных мероприятий, привёл к тому, что к началу 1940-х гг., религиозные объединения всех вероисповеданий находились на грани уничтожения. Это в полной мере относилось и состоянию ислама в Волго-Уралье – регионе его традиционного распространения. К началу Великой Отечественной войны здесь функционировало крайне малое количество официально действующих мусульманских религиозных объединений, практически вся религиозная жизнь была сконцентрирована на неофициальном, семейно-бытовом уровне.

Список литературы

1. Гольст Г.Р. Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов / Г.Р. Гольст, Д.М. Начавин. – М.: Юридическая литература, 1971. – 356 с.

2. Государственный архив Республики Татарстан. – Фонд Р-873. – Опись 1. – Дело 7. – 126 л.

3. Денисов Д.Н. 130 лет Центральной соборной мечети Оренбурга / Д.Н. Денисов, К.А. Моргунов. – Оренбург: ОГАУ, 2009. – 100 с. EDN QUXXMZ

4. Литвин А.Л. Запрет на жизнь: сталинские репрессии в Татарстане / А.Л. Литвин. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 222 с.

5. Микрюкова М.А. Религиозные объединения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М.А. Микрюкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gasur.ru/contacts/ (дата обращения: 16.10.2023).

6. Миннуллин И.Р. Дело «нелегального медресе» в Казани. 1927-1928 гг. / И.Р. Миннуллин // Гасырлар авазы. Эхо веков. – №3/4. – 2002. – С.110–117. EDN SEVHTZ

7. Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / Р.А. Набиев. – Казань: Казанский университет, 2002. – 244 с.

8. Надырова Х.Г. Мечети Татарстана / Х.Г. Надырова, Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. – Казань: РУИЦ, 2000. – 281 с.

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор
Иваницкий Марк Александрович
аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В 1990-е гг. В ОБЩЕРОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

***Аннотация**: в статье рассмотрен информационный потенциал вопроса о построении системы коммерческих банков в нашей стране в 1990-е гг. в научных исследованиях в российской и региональной историографии. На основе проанализированных публикаций по обозначенной проблематике, выявлены основные вопросы и проблемы, поднимавшиеся в представленных работах. В статье впервые представлен анализ региональной историографии на территории Чувашской Республики по вопросам развития коммерческих банков в данном регионе. Констатируется недостаточное рассмотрение в общероссийском масштабе данного процесса с позиции исторического исследования.*

***Ключевые слова**: коммерческие банки, Российская Федерация, Чувашская Республика, региональная историография, российская историография.*

Развитие системы коммерческих банков в нашей стране в целом, как и в отдельно взятом регионе, происходило в сложных и неоднозначных условиях построения социально-экономической системы российской Федерации. В 1990-е гг. России складывалась новая банковская система рыночного типа. К сожалению, опыт рыночных преобразований и функционирования банковской системы предыдущих исторических периодов нашего государства был использован не в полной мере. Этот опыт и сегодня изучен недостаточно.

История развития коммерческих банков России в 1990–1997 годы представляет, на наш взгляд, огромное значение для понимания характера сложившейся к настоящему времени экономической и даже политической системы в России. При всех ее положительных изменениях в последующий период многие черты ее (как и всей экономики и общества) сохранились. Напомним, что в

данный период происходил процесс формирования в России двухуровневой банковской системы (окончательно сложилась к 1992 году), которая функционировала по законам рыночной экономики. Но образовавшиеся в тот период коммерческие банки были очень слабы и размером своих капиталов, и, главное, знаниями методов работы в рыночной экономике.

Изучение данного процесса в отечественной историографии (в том числе и на региональном уровне) не носило систематического характера и представляло собой появление отдельных журнальных публикаций по данной проблематике в узкопрофильных журналах для специалистов банковской сферы. Лишь с 2000-х гг. начинается фундаментальное переосмысление и анализ преобразовательных событий в сфере коммерческих банков, которые происходили на региональном и общегосударственном уровне в 1990-е годы.

В рамках исследования развития системы коммерческих банков на уровне Российской Федерации одним из первых масштабных исследований можно назвать коллективный труд «Российские банки накануне финансовой стабилизации» [2], в котором была сделана попытка провести анализ деятельности коммерческого сектора банковской системы современной России. В своей работе авторы акцентируют внимание на особенностях складывания российских коммерческих банков, в частности, обращая внимание на то, что «созданные с 1988 года (или реорганизованные в этот период) коммерческие банки России по международным меркам были в среднем карликами. Единственным исключением был лишь Сбербанк РФ – наследник Сбербанка СССР. Средние активы российских коммерческих банков были в разы и даже десятки раз меньше средних активов большинства развитых и даже развивающихся стран» [2, с. 57].

К такому же выводу приходят целый ряд исследователей деятельности отдельных коммерческих банков на территории нашей страны в 1990-е гг. Анализ развития системы коммерческих банков в этот период показывает, что банковская система претерпела серьезную ломку в связи с распадом Союза, и поэтому функционирование в «рублевой зоне» наряду с российским еще 14 центральных банков новых суверенных государств резко снизило эффективность денежно-кредитного регулирования, осложнило налаживание связей как между Центральным банком и кредитными организациями, так и между самими кредитными организациями.

Если в августе 1990 года в России действовало 3 специализированных и 202 коммерческих банка, то к октябрю 1992 года число коммерческих банков превышало 1600, а количество их филиалов приближалось к 2800, причем на долю 70% (по количеству) коммерческих банков приходилось только 17% суммарной величины объявленного уставного фонда [5, с. 193]. Мелкие банки при нормальной организации своей деятельности могли бы эффективно обслуживать мелкий бизнес. Проблема была в другом: большинство мелких и даже средних банковских учреждений не в состоянии были выполнять функции коммерческого банка. Лишь 30–40 наиболее крупных банков могли бы работать на уровне, близком или соответствующем общепринятым в мировой практике стандартам.

Особое внимание в историографии развития коммерческих банков в целом в России уделялось и специфики их деятельности. Говоря о специализации банков, надо отметить, что почти все они в своей основе универсальные, лишь некоторые из них, которые создавались либо как «карманные», либо на базе специализированных банков, отличаются по направлению деятельности. Примерами являются Нефтехимбанк, Промстройбанк, Россельхозбанк, Агропромбанк. Таким образом, в стране появились первые коммерческие банки в таком их понимании. После

реформы 90-х было создано около 1300 кредитных институтов [4], капитал большинства из которых составлял в то время 1–5 млн рублей.

Полноценно с точки зрения исторической хронологии и региональной специфики процесс складывания и развития коммерческих банков в России в современной историографии представлены в статье А.А. Артемьева [1], в которой рассмотрены принципы функционирования банковской системы в России с 1988 по 2006 г. Автор акцентирует внимание на роль коммерческих банков в процессе формирования банковской системы страны, а также дан анализ процесса развития доли коммерческих банков в разрезе федеральных округов.

Проблематика изучения развития коммерческих банков в Чувашии не нашла своего отражения в историографии. Монументальным исследованием в области развития сберегательного дела (в том числе в разрезе коммерческих банков) представлены в сборнике «История сберегательного дела в Чувашии» [3]. Данное издание анализирует развитие рынка банковских услуг в Чувашской Республике в широкой исторической ретроспективе, доводя хронологию исследования до начала 2000-х гг.

Стоит отметить, что в издании коллектив авторов смог систематизировать данные и различных сферах деятельности не только государственных банковских структур на территории региона, но и выделить особенности развития сектора коммерческих банков. Однако, основная цель данного исследования была направлена на изучение именно государственной банковской системы.

Таким образом, в рамках общероссийской и региональной историографии, вопрос изучения формирования коммерческой банковской системы в 1990-е гг. не получила глубокого и системного изучения. Почти во всех проанализированных в данной статье публикациях авторы анализируют проблемы развития системы коммерческих банков в Российской Федерации, изучают изменения правового регулирования в момент их осуществления. Однако, что касается изучения создания и развития правовых основ банковской системы России в 90-е годы XX века, то с историко-правовых позиций такого исследования не проводилось. Необходимо дальнейшее изучение данной проблемы для создания комплексно картины истории становления финансовой системы Российской Федерации.

Список литературы

1. Артемьев А.А. Принципы функционирования банковской системы России в период с 1988 г. по настоящее время / А.А. Артемьев // Финансы и кредит. – 2008. – №26 (314). – С. 69–81. EDN IUJPLV

2. Дмитриева М.Э. Российские банки накануне финансовой стабилизации / М.Э. Дмитриева, М.Ю. Матовников, Л.В. Михайлов [и др.]. – СПб.: Норма, 1996. – 207 с.

3. История сберегательного дела в Чувашии. Кн. первая / сост. Н.В. Александров [и др.]. – Чебоксары, 2006. – 296 с.

4. Котин О.В. История развития сберегательного дела в России / О.В. Котин.

5. Олейникова А.А. История развития российской банковской системы с конца 1990-х до начала 2000-х годов / А.А. Олейникова // Молодой ученый. – 2022. – №6. – С. 192–194. EDN GCYVTF

Инков Александр Александрович
канд. ист. наук, доцент, доцент
АНО ВО «Московский гуманитарный университет»
г. Москва

АТЕМАР – НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СТОЛИЦА МОРДОВСКОГО КРАЯ В XVII ВЕКЕ

***Аннотация**: в статье рассматривается история Атемара, одной из наиболее крупных и сильных крепостей Саранско-Атемарской засечной черты, построенной в правление первых Романовых на территории Мордовии для защиты от набегов крымских и ногайских татар. Подробно исследуются этапы строительства крепости, особенности ее фортификации, на основе археологических и сохранившихся письменных источников реконструируется внешний облик укрепления. Отдельно внимание уделяется гарнизону Атемара, источникам его комплектования, изменению численного состава, а также участию входивших в него служилых людей в Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина.*

***Ключевые слова**: крепость, острог, засечная черта, оборона, служилые люди, Крестьянская война, мордовские земли.*

Борьба с кочевниками на протяжение целого ряда столетий занимала центральное место во внешней политике Российского государства. После разгрома Золотой Орды и присоединения к Москве Казанского и Астраханского ханств, наибольшую угрозу для русских земель во второй половине XVI – середине XVII в. стали представлять набеги крымских и ногайских татар. Используя сложное положение России на международной арене, вынужденной вести кровопролитные войны на своих западных и северо-западных границах с Речью Посполитой и Швецией, татары постоянно вторгались на русскую территорию с целью грабежа и захвата пленных. Масштабы причиняемых степняками бедствий были настолько велики, что, по подсчетам историков, только в первой половине XVII в. ими было захвачено и уведено для последующей продажи в рабство из России от 150 до 200 тысяч ее жителей [19, с. 434–436].

Не имея возможности до поры до времени перейти в решающее наступление на юге, российское правительство было вынуждено придерживаться здесь пассивных методов обороны. Важнейшая роль в защите русских земель от набегов кочевников отводилась прежде всего строительству засечных черт – многокилометровых глубокоэшелонированных линий обороны, состоявших из снабженных постоянными гарнизонами крепостей, пространство между которыми перекрывалось валами, рвами, засеками и сторожевыми башнями. Для защиты от вторжений кочевников центральных, наиболее густонаселенных районов страны, в царствование Ивана Грозного во второй половине XVI в. была построена Большая засечная черта. Однако уже к середине XVII в. в результате колонизационного движения русского крестьянства и постепенного смещения границы на юг, Большая черта оказалась в глубоком тылу русских земель и в значительной степени утратила свое оборонительное значение. В 1635 г. пришедшими к власти царями из династии Романовых было начато строительство новой, протяженностью более 800 километров Белгородской засечной черты

[20, с. 195–196]. Располагаясь южнее Большой черты, Белгородская засечная черта охватывала все южное и юго-восточное пограничье России от Белгорода на западе и до Симбирска и Волги на востоке. В состав Белгородской черты входило несколько десятков крепостей, многие из которых еще только предстояло построить.

В первой половине XVII в. от крымских и ногайских набегов в немалой степени страдали и мордовские земли, вошедшие в состав Российского государства одновременно с присоединением к нему Казанского ханства. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что через территорию мордвы проходил так называемый Ногайский шляхт – одна из двух рокадных дорог, использовавшаяся кочевниками для проникновения вглубь русских и мордовских земель в обход расположенных западнее оборонительных линий. Для защиты от крымчаков и ногайцев на территории Мордовии были построены Алатырская и Тамбовская засечная черты. Однако этого было явно недостаточно, и, в рамках строительства будущей Симбирской засечной черты, Москвой было принято решение о сооружении на юго-востоке в качестве одного из ее ответвлений еще одной сторожевой черты, позже получившей название Атемарской. В ее состав вошли четыре крепости: Атемар, Саранск, Инзер и Шишкеево.

По сложившейся традиции, возведение оборонительной линии началось сразу с главной крепости. Первым в ряду укреплений был заложен Атемар. К сожалению, точная дата основания Атемарской крепости остается неизвестной. Впервые в качестве крепости Атемар упоминается в указе Разрядного приказа от 28 мая 1639 г., в котором центральное правительство указывало воеводе Савве Козловскому на необходимость снятия части войск, расквартированных по Алатырской сторожевой черте, для защиты Атемара от ожидавшегося в том году набега крымских татар на мордовские земли: «быть на государеве службе алаторцем дворяном и детем боярским в Алатырском уезде для обереганья от приходу воинских людей у нового города и острожного и засечного дела на усть речке Атемара со княжем Козловским с товарыщи» [Цит. по: 15, с. 19]. Примечательно, что в указанном документе об Атемаре говорится как об уже построенной крепости, имеющей к тому же собственного воеводу. Следовательно, сам городок был основан раньше 1639 г. По мнению Н.М. Носова, на возведение деревянных крепостей в Российском государстве обычно уходило не более одного сезона [20, с. 211]. Исходя из этого, можно полагать, что Атемар, скорее всего, был основан между 1637 и 1639 гг. Большинство историков и краеведов считают, что закладка Атемарской крепости состоялась в 1638 г. [13, с. 19; 18, с. 105; 20, с. 198]. Дополнительным аргументом в пользу этой даты может говорить тот факт, что в этом году, возможно, были составлены уже первые атемарские десятни.

Как и в случае с некоторыми другими крепостями, возведенными на мордовской земле, при основании Атемару было дано мордовское название. По одной из версий, топоним Атемар происходит от эрзянских слов «атя» – «старый» и «мар» – «холм, земляная насыпь». По другой, возможна связь с мордовским словом «атямарь» – «вишня, вишневые заросли» [6, с. 33; 2]. Судя по всему, крепость получила свое название по протекавшей поблизости речке Атемарке, одного из притоков главной мордовской реки Суры. Следует отметить, что давать название городам и крепостям по соседним топонимам и гидронимам было в России

достаточно распространенным явлением. Впрочем, именование крепости Атемаром в официальных бумагах закрепилось отнюдь не сразу, и, как показывает та же грамота 1639 г., по крайней мере в течение некоторого времени в них она упоминалась просто как «новый город».

Имена зодчих и фортификаторов Атемара не сохранились. С большой долей вероятности можно лишь утверждать, что крепость строилась местными мастерами, происходившими из расположенных по соседству городов Темникова и Алатыря. Историки отмечают чрезвычайно удачный выбор местоположения новой крепости. Атемар был построен в устье реки Атемарки на небольшой возвышенности в промежутке между двумя лесными массивами на дороге, которую крымские и ногайские татары издавна использовали для прохода вглубь мордовских земель. Крепость располагалась таким образом, что полностью перекрывала этот путь [18, с. 106].

Как и все другие мордовские крепости, Атемар представлял собой деревоземляное укрепление. Сказывалось отсутствие на территории Мордовии залежей строительного камня, развитого кирпичного производства. С другой стороны, возведению крепостей из камня или из кирпича в немалой степени препятствовали экономические причины. Строительство подобных укреплений было чрезвычайно трудоемким делом, требовало большого количества квалифицированных рабочих, а самое главное – стоило безумно дорого. По подсчетам К.С. Носова, возведение каменной стены обходилось государственной казне в тридцать раз дороже, а каменной (каменно-кирпичной) башни – в двадцать – сорок раз дороже деревянной [20, с. 232, 234]. К тому же строительство крепости из камня или из кирпича занимало обычно несколько лет, в то время как такая же крепость, но только из дерева, могла быть построена всего за несколько месяцев. Поэтому не было ничего удивительного в том, что российское правительство предпочитало вкладываться прежде всего в строительство деревянных укреплений. Дерево было наиболее дешевым и самым распространенным строительным материалом в Восточной Европе. В XVII в. вся территория Мордовии была густо покрыта лесами, а опытных плотников, умевших работать с деревом, здесь легко можно было найти в каждой деревне.

Несмотря на то, что весь материал для строительства Атемарской крепости брался из близлежащих лесов, ее возведение тем не менее было отнюдь не дешевым занятием. Так, например, по подсчетам Г. Пенятковича на сооружение одной деревянной башни требовалось «300 бревен да 100 тесин», а строительство среднего по размерам острога обходилось в целом, в «30 тысяч бревен и 700 тесниц» [22, с. 57]. Все расходы по строительству городов осуществлялись за счет государственной казны.

Как и в случае с другими крепостями на мордовской земле, в строительстве Атемара принимало участие большое количество самых различных специалистов – зодчих, фортификаторов, инженеров, плотников, веревщиков, подкопщиков, а также служилых людей, разного рода мастеровых и рабочих. На протяжении всего периода строительства все работники получали хлебное и денежное жалованье из приказа на государевы деньги.

Согласно описанию Саранской черты 1681 г., Атемарская крепость имела «длины 102 сажени, поперечены 95 саженей» [21]. Проведенные уже в наши дни замеры атемарских валов показали, что общая длина стен крепости составляла 963 м [18, с. 121]. Площадь крепости равнялась, по разным данным, 42000 кв. м., 44688 кв. м. или даже 57 600 кв. м [12, с. 33; 3, с. 362]. На момент

своего строительства Атемар являлся самым большим укреплением на мордовской земле. Построенные в 1641 г. на месте будущей Атемарской засечной черты Саранск, Инзерский и Шишкеевский остроги намного уступали ему по своим размерам. Так, периметр стен Саранска, до его расширения в 1653 г. составлял всего 432 м., Шишкеева – 224 м. Намного меньше Атемара были и старые мордовские города: Темников (длина стен 160 м), Краснослободск (328 м), Алатырь (333 м) [14].

По своей форме Атемарская крепость представлял собой трапецию, широкая часть которой была обращена на юг, в сторону «поля», а более узкая часть смотрела на север. При ее возведении строители стремились не столько к поиску новаторских решений, сколько опирались на уже отработанные в предшествовавшее время походы. Атемар имел достаточно простую, но надежную в инженерном отношении конструкцию, включавшую в себя земляной вал со рвом, а также деревянные стены и башни. Главным его отличием от других мордовских крепостей было наличие быков – подбашенных возвышений, которые значительно повышали ее оборонительные возможности.

Главную оборону Атемара составляли деревянные стены, шедшие по гребню валов, и башни на быках. Конструкция деревянной стены представляла собой частокол из одного ряда плотно сбитых друг с другом вертикально стоящих бревен, нижний конец которых был врыт в вершину вала. При изготовлении стены использовались дубовые бревна. Высота стен Атемарской крепости, по современным оценкам, от вершины вала до облама составляла две сажени (4,3 м), а если считать от подножия вала до кровли – около 10 м. Для облегчения давления на острожную стену облама, кровля и шедший с ее внутренней стороны боевой ход обычно делались из более легких, чем дуб, пород дерева – липы или сосны. В соответствии с принятой в Российском государстве классификацией того времени, укрепление со стенами в виде частокола называлось острогом. Поэтому Атемар правильно считать не крепостью, а острогом.

Помимо валов и стен Атемар защищали башни. Всего их в остроге было пять. Четыре из них располагались по углам крепости на быках, пятая башня была надвратная. Высота каждой из башен до облама составляла около 5 саженей (10,8 м), ширина 4 сажени и полтора аршина (9,7 м). Общая высота угловых башен была около 20 метров, а с учетом надбашенных возвышений, т.н. «быков» не менее 24 метров [18, с. 113].

А.Г. Нечаев, посвятивший специальную работу крепостям Мордовии XVI–XVII вв., обратил внимание, что по своим размерам Атемар должен был иметь 8 башен: 4 по углам и 4 в середине стен [18, с. 111]. Обследование в наши дни остатков крепости показало, что по центру всех четырех валов крепости прослеживаются небольшие проемы, позволяющие предполагать, что в них располагались вспомогательные башни. Существование последних подтверждается отпиской 1727 г., в которой указывается, что «в городе три башни дубовые, четвертая липовая, а оные башни ветхие» [Цит. по: 6, с. 35].

В качестве дополнительной защиты крепости служил вырытый перед ее стенами и башнями ров, укрепленный с внешней стороны надолбами.

Основное оборонительное вооружение Атемарской крепости составляла артиллерия. По данным источников, все крепости Атемарской засечной черты были вооружены главным образом медными и железными

пушками. Преобладали орудия мелких калибров. Помимо пушек, стрелявших ядрами, для обороны использовались также затинные пищали – ручные мелкокалиберные орудия, предназначенные для настильной прицельной стрельбы большими свинцовыми или оловянными пулями. Количество пушек, имевшихся на вооружении Атемарской крепости, остается неизвестной. В 1661 г. в гарнизоне Атемара насчитывалось 7 пушкарей [4, с. 51]. Однако эта цифра ничего не дает, поскольку к пушкарям в рассматриваемое время причисляли не только тех, кто непосредственно входил в обслугу артиллерийского орудия, но и различный вспомогательный персонал, мало имевший отношение к данной сфере военного дела: воротники, казенные кузнецы, плотники, мастеровые по ремонту оружия и изготовлению боеприпасов и др.

Внутри крепости, как и в других аналогичных укреплениях, располагались различные административные и хозяйственные постройки. К их числу относились арсенал, приказная изба, различные складские помещения, небольшая церковь, осадные избы для проживания гарнизона в случае осады, тюрьма, а также несколько колодцев [18, с. 24]. Не исключено, что в Атемарской крепости была и своя церковь, хотя ни один автор ее не упоминает. Все постройки внутри Атемарской крепости были деревянными.

По сложившейся в Российском государстве традиции, гарнизон в мирное время жил за пределами крепости в специально построенных по этому случаю слободах [6, с. 34; 18, с. 114]. Сделано это было для того, чтобы избежать на территории деревянного острога бытовых пожаров, от которых в то время нередко выгорали целые города. В стенах крепости ратники в полном составе собирались только во время, когда ей угрожала непосредственно военная опасность: например, при подходе к городу неприятеля, когда гарнизон вместе с жителями посада садился в осаду, а также в других ситуациях, когда требовалось держать все войско в одном месте. Постоянное население крепости составляли воевода со своими домочадцами и слугами, а также некоторые члены воеводской администрации. Разумеется, на территории острога постоянно находилось и некоторое количество служилых людей, которые несли охрану стен и башен, стояли в воротах и у наиболее важных зданий, следили за порядком.

Большая часть служилых людей проживала на посаде. Ратники разных родов войск, как правило, селились в отдельных слободах. Стрельцы проживали в Стрелецкой слободе, казаки – в Казачьей, пушкари – в Пушкарской слободе [6, с. 34]. Кроме того, вокруг Атемара располагалась небольшая Посадская слобода, в которой проживали ремесленники и торговые люди, не связанные службой в крепости.

Следует отметить, что с момента своего основания Атемар рассматривался российскими властями не только как военная крепость, но и в качестве важного административного центра, призванного взять на себя управление близлежащими территориями. Уже в 1639 г. Атемар получил своего первого воеводу – князя Савву Козловского, а в 1640 г. ему был присвоен статус города-крепости, после чего он стал подчиняться Казанскому дворцовому приказу. В том же году за счет отделения части земель Алатырского уезда был образован Атемарский уезд [13, с. 19]. В 1641 г. к Атемарскому уезду была присоединена также восточная часть соседнего Темниковского уезда [6, с. 32]. Новообразованный Атемарский уезд охватывал обширную территорию от Атемара на востоке до Шишкеева на западе. На севере и востоке он граничил с Алатырским и Темниковским уездами, на западе – с Симбирским уездом.

В военном отношении Атемар первоначально подчинялся Алатырю, но затем стал полностью самостоятелен. При первом атемарском воеводе С. Козловском продолжилось строительство крепостей будущей Атемарской черты. В 1641 г. в 16 километрах к востоку от Атемара был основан Саранск (буд. столица совр. Мордовии). В том же году были построены Инзерский (совр. р-н Посоп г. Саранска) и Шишкеевский (ныне с. Шишкеево Рузаевского р-на Мордовии) остроги [14, электрон. ресурс]. Все три крепости: Саранск, Шишкеево и Инзерск в военном отношении подчинялись Саранску.

В 1647 г. под руководством атемарского воеводы Б.М. Хитрово началось строительство собственно самой Атемарской засечной черты [10, с. 74]. Стоявшие прежде отдельно Атемар, Саранск, Инзерский и Шишкеевский остроги были соединены между собой общей оборонительной линией длиной в 106 км. Для предотвращения набегов крымско-ногайской конницы вглубь мордовских земель, на открытых участках черты были возведены ров с валом и сторожевыми башнями наверху. На лесистых участках сооружались преграды в виде завалов из срубленных деревьев и засек. Построенная Атемарская засечная черта тянулась вдоль всей южной окраины Атемарского уезда от р. Суры и Атемара на востоке до Шишкеево на западе, где она примыкала к Инсарской засечной черте.

Деятельность Б.М. Хитрово не ограничивалась только территорией Атемарского уезда. В 1647–1651 гг. в качестве атемарского воеводы, по заданию московского правительства, он вел также строительство засечных черт в Засурье, понизовых городах. В это время при нем Атемар на короткое время становится одним из ведущих центров Российского государства. Когда в 1649 г. в Москве был созван Земский собор по случаю обсуждения и подписания нового письменного свода законов – Соборного Уложения, Атемар вошел в список из примерно 116 городов, отправивших для работы на нем своих выборных делегатов [25, с. 406, 407].

Одновременно со строительством Атемарского острога происходил процесс наполнения его военными силами. Согласно материалам первой Атемарской десятни за 1669–1670 гг., первыми поселенцами Атемара стали служилые татары, прибывшие для несения в нем рейтарской службы из Темникова. В 1647 г. на постоянную службу на Атемарскую черту были переведены 150 стрельцов с ружьями и «зельем» из Нижнего Новгорода [29, с. 133]. В условиях острой нехватки ратников в пограничных крепостях, перевод правительством на службу в них служилых людей из других городов был обычным явлением. В Атемаре служили выходцы из Темникова, Космодемьянска, Алатыря. С началом русско-польской войны 1654–1667 гг. на службу в Атемарском остроге были зачислено несколько иноземцев, поляков и литовцев, принявших в плену российское подданство [8, с. 218]. Другим источником пополнения гарнизонов крепостей Атемарской линии было верстание на службу «в рейтары и казаки» военными властями местного русского, мордовского и татарского населения. В отдельных случаях оно носило насильственный характер [28, с. 285–287].

Согласно смете вооруженных сил Российского государства за 1661–1663 гг. в гарнизоне Атемара насчитывалось 691 казаков и стрельцов, которые все «служат с земли» [4, с. 51], т.е. были обеспечены за службу земельными наделами. Помимо земельного оклада ратники получали за службу также денежное (3–6 рублей в год) и хлебное жалованье. Всего по

Атемарской засечной черте в это время числилось военного населения 3472 (по другим данным – 3479) человек. По численности приписанных служилых людей среди четырех крепостей Атемарской черты, Атемар занимал второе место, уступая только Саранску, в гарнизоне которого насчитывалось 1631 человек [4, с. 50].

Служившие по Атемару государевы ратные люди делились на две категории: служилых людей по прибору и служилых людей по отечеству. К первой из них относились рядовые воины: казаки, стрельцы, пушкари. Служилыми людьми по отечеству были представители знати: князья, дворяне, дети боярские. По сравнению с приборными людьми, служилые люди по отечеству занимали привилегированное положение. Денежные и земельные оклады их были выше, чем у служилых приборных людей. Кроме того, им отдавалось предпочтение при назначении на командные должности.

Несмотря на многообещающие перспективы развития в качестве будущей столицы Мордовского края главной крепостью Атемарской засечной черты Атемар оставался недолго. Уже к началу 1650-х гг. после кратковременного подъема начинается его постепенный упадок. Основанный как военная крепость на пути возможных вторжений кочевников, Атемар по мере дальнейшего хозяйственного освоения русскими колонистами южных земель быстро оказался в стороне от проходивших через восточную Мордовию основных путей сообщения и был неспособен превратиться в крупное торговое и ремесленное поселение. В экономическом развитии Атемар значительно стал обгонять соседний Саранск, располагавшийся на перекрестке важнейших торговых дорог [5, с. 47; 23, с. 10]. В результате, привлеченный перспективой извлечения из Саранска больших денежных доходов, в 1651 г. атемарский воевода Ф.И. Леонтьев, с разрешения Москвы, перенес в него из Атемара свою резиденцию [27, с. 20]. В том же году Атемарский уезд был разделен на две части. В ведении Атемарского уезда остались территории, приписанные к нему прежде от Алатырского уезда, а бывшие районы Темниковского уезда, присоединенные к Атемару в 1641 г., были отделены от него и образовали Саранский уезд. Несмотря на перенос органов воеводского управления в Саранск, Атемар остался центром военного управления черты, которому Саранск по-прежнему подчинялся. Однако такое дробление управленческих функций оказалось не очень удобным, и в 1653 г. военные вопросы также стали решаться через Саранск [6, с. 64–66]. С этого времени Атемарская засечная черта официально стала именоваться в документах Саранской [20, с. 198]. Атемар превратился в одну из рядовых крепостей, во множестве разбросанных по Белгородско-Симбирской черте.

В 1663 г. в связи с хозяйственным освоением новых территорий и дальнейшим продвижением границ Российского государства южнее Саранска и Атемара была заложена Пенза, с 1676 г. началось строительство Пензенской засечной черты, взявшей на себя основную тяжесть борьбы с набегами кочевников в Поволжье. Атемар оказался отодвинут далеко вглубь русских земель и постепенно стал терять свое военное значение.

Одним из итогов этого стал перевод значительной части атемарского гарнизона на службу в другие города. Из упомянутых в смете вооруженных сил Российского государства за 1661–1663 гг. 691 ратных людей, приписанных к Атемару, 390 человек были отправлены на Дон и 20 человек – в Царицын. Из некогда внушительного гарнизона в самом Атемаре

продолжало служить 291 человек: 130 стрельцов, 87 русских казаков, 57 казаков из мордвы и татар, 7 пушкарей [4, с. 51].

Несмотря на то, что в строительство Атемара государством были вложены огромные материальные и финансовые средства, за весь период своего существования крепость участвовала в военных действиях только однажды – в период Крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина 1670–1671 гг., когда и сама она, и вся Саранская засечная черта оказались ареной ожесточенных боев между правительственными и повстанческими войсками.

С началом Крестьянской войны в Поволжье, Атемар находился в глубоком тылу правительственной армии, пытавшейся остановить наступление С.Т. Разина под Симбирском. Большая часть атемарского гарнизона отсутствовала в городе, поскольку в составе пока князя Ю. Барятинского еще во второй половине августа 1670 г. ушла сражаться с разинцами (Ярким доказательством участия атемарского гарнизона в подавлении восстания С.Т. Разина служат атемарские десятни, поименно перечислявшие несколько десятков награжденных за бои ратников [8]). К началу сентября в крепости, по-видимому, оставалось совсем немного служилых людей, среди большинства из них преобладали проразинские настроения. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, когда 18 сентября к Атемару неожиданно подошел с отрядом казаков и крестьян разинский атаман В. Серебряк, посланный Разиным из-под Симбирска разжигать восстание к западу от Волги, город не стал оказывать сопротивления и открыл перед ним свои ворота. Атемарцы схватили коменданта крепости дворянина Михаила Кункина вместе с племянником и выдали их на расправу разинцев. По приказу атамана В. Серебряка оба они были казнены [11, с. 76]. Войдя в город, восставшие уничтожили действовавшие в нем органы прежнего воеводского управления, вместо них было введено местное самоуправление по типу казачьего. Во главе Атемара В. Серебряк поставил четырех представителей местного посада, присвоив им, по заведенному в разинском войске обычаю, звание есаулов.

Отдохнув ночь в крепости и пополнив ряды своего отряда перешедшими на его сторону атемарскими служилыми людьми, В. Серебряк на следующий день выступил к Саранску. На этот раз царская крепость оказала разинцам ожесточенное сопротивление, отбив два приступа. Однако затем к ночи часть саранских стрельцов перешла на сторону восставших и впустила их в крепость. Саранский воевода М. Вельяминов пытался спрятаться в соборной церкви, но был найден там и убит [11, с. 77]. Новым воеводой восставшие избрали Я. Никитинского. В тот же день разинскому атаману В. Серебряку сдались гарнизоны Инзерского и Шишкеевского острогов. После падения всех четырех крепостей, Саранская засечная черта полностью оказалась в руках восставших.

После ухода отряда Серебряка, который после взятия Саранской черты возглавил другой сподвижник Разина М. Харитонов, дальше на запад, Саранск и Атемар в течение последующих трех месяцев становятся одними из главных центров Крестьянской войны в Среднем Поволжье. В это время на территории обоих уездов формируется несколько повстанческих отрядов во главе с атаманами Я. Никитинским, М. Осиповым, А. Боляевым, Я. Маленьким. Большинство предводителей восставших были выходцами из служилой среды, многие из них до начала крестьянской войны служили на Саранской

засечной черте, были людьми не по наслышке знакомыми с военным делом [9, с. 85]. Поэтому восстание в Саранском и Атемарском уездах с самого начала носило во многом организованный характер [1, с. 167]. Войска восставших делились на конницу и пехоту, имели знамена и обоз [Крестьянская война, 1957: 462]. Для борьбы с правительственной армией была создана полевая артиллерия, состоявшая из пушек, снятых со стен и башен, занятых повстанцами крепостей. Для ремонта орудий в Саранске были построены мастерские, здесь же и в соседнем Атемаре осуществлялось производство холодного оружия [6, с. 77; 1, с. 170].

В начале октября 1670 г. правительственным войскам удалось нанести главным силам восставших во главе с С.Т. Разиным поражение под Симбирском, что открыло царским воеводам возможность приступить к подавлению бунта в мордовских землях. В том же месяце разинцы потерпели поражение в сражении под Уренью, а в начале октября в бою на р. Кондарати. В декабре 1670 г. воевода князь Ю. Барятинский разгромил главные силы саранских повстанцев в сражении у д. Баево и Тургенево в Алатырском уезде и, перейдя через Суру, вступил на территорию Атемарского и Саранского уездов [11, с. 457–458]. Чтобы не дать противнику подготовиться к обороне, Ю. Барятинский с армией, насчитывавшей около 30 тыс. человек, пошел по Казанской дороге на Саранск, а другой царский воевода В. Панин с отрядом дворянской конницы и стрельцами двинулся вдоль Сурского леса на Атемар. 16 декабря В. Панин подошел к Атемару, где навстречу ему вышла делегация горожан, сдавших крепость. Находившиеся в городе есаулы и старшины восставших были арестованы и позже, по приказу главнокомандующего правительственной армией, которому подчинялся Ю. Барятинский, князя Ю. Долгорукова, повешены [17, с. 116–117]. В тот же день воеводе князю Ю. Барятинскому без боя сдался Саранск [16, с. 540].

После подавления разинского восстания в Поволжье, жизнь в Атемаре вернулась на круги своя. Гарнизон крепости, понесший потери в недавней братоубийственной войне, вновь был пополнен до нескольких сот человек [26, с. 47–48]. Однако эта мера не остановила дальнейшего упадка Атемара, который в глазах русского командования все больше терял свое военное значение. Оставленные без внимания стены и башни острога гнили и разрушались. Согласно описи стольника и воеводы П. Бестужева-Рюмина в 1727 г. в крепости острог «стоячей, дубовой, ветх», «в стенах четыре башни глухие, пятая проезжая…, а с тех башен верхи по облам погнили». Артиллерийское вооружение Атемарской крепости к этому времени включало в себя всего одну медную пушку на станке, к которой имелось 2 пуда пороха и 25 ядер [21]. В не менее плачевном состоянии находились и другие укрепления Саранской черты. В своей отписке по этому поводу воевода П. Языков писал, что для восстановления обороны черты и приведения крепостей в порядок потребуется не менее 5000 человек и четыре месяца работы [24]. Однако занятое другими первоочередными делами царское правительство уже не имело никакого желания тратить денежные средства на починку мало кому нужной засечной черты. В 1687 г. Атемар был лишен статуса города и объявлен пригородом расположенного по соседству Саранска [7, с. 280]. В начале XVIII в. полностью сгнившую и обрушивавшуюся Атемарскую крепость разобрали на дрова. Служившие в ней ратники частично были переведены на службу в солдатские полки, а частью зачислены в пахотные солдаты, которые по своему статусу лишь ненамного отличались от крепостных крестьян.

Подводя итог более чем восьмидесятилетней истории Атемарской крепости, необходимо отметить, что основанная в 1638 г. крепость представляла собой яркий пример традиционного русского фортификационного искусства, сложившегося в мордовских землях в XVI–XVII вв. Ее строители стремились не столько к поиску новаторских решений, сколько опирались на уже отработанные в предшествовавшее время подходы. Атемар имел достаточно простую, но надежную в инженерном отношении конструкцию, включавшую в себя земляной вал со рвом, а также деревянные стены и башни. Главным ее отличием от других подобных крепостей было наличие быков – подбашенных возвышений, которые значительно повышали ее оборонительные возможности. Несмотря на то, что Атемарская крепость фактически ни разу не подверглась вражеской осаде, вложенные российским правительством в ее строительство средства не были пустой тратой. Подобно другим крепостям Саранской засечной черты, Атемар стал надежным щитом в обороне мордовских земель, который противник так ни разу и не решился попробовать на прочность.

Список литературы

1. Абрамов В.К. Акай Боляев и Крестьянская война 1670–1671 гг. в Мордовском крае / В.К. Абрамов // Финно-угорский мир. – 2020. – Т. 12. №2. – С. 162–175. DOI 10.15507/2076-2577.012.2020.02.162-175. EDN RVXQCQ

2. Атемар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.run.wiki2/2.org/wiki/ (дата обращения: 01.06.2022).

3. Беговаткин А.А. Археологическая карта России: республика Мордовия / А.А. Беговаткин. – М.: Ин-т археологии РАН, 2017. – 488 с.

4. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства (1661–1663 гг.) / С.Б. Веселовский // Чтения в обществе истории древностей российских при Московском университете. – М.: Императорское общество истории и древностей при Московском университете, 1911. – 59 с.

5. Видяйкин С.В. К вопросу об экономическом развитии Саранского уезда во второй половине XVII столетия / С.В. Видяйкин // Социально-политические науки. – 2012. – №1. – С. 47–50.

6. Воронин И.Д. Избранное / И.Д. Воронин. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, 2005. – 432 с.

7. Все о Мордовии: энциклопедический справочник / сост. Н.С. Крутов, Е.М. Голубчик, С.С. Маркова. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2005. – 840 с.

8. Десятни Пензенского края / под ред. А. Барсукова. – СПб.: Археографическая комиссия, 1897. – 526 с.

9. Инков А.А. Из истории Крестьянской войны 1670–1671 гг. на территории Мордовии: биография Павла Елушева / А.А. Инков // Научные труды Мордовского гуманитарного университета. – 2017. – №6. – С. 81–86.

10. Кадерова Н.К. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства в XVII в. (на примере Мордовского края) / Н.К. Кадерова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2021. – №1 (15). – В 2 ч. Ч. 2. – С. 74–76.

11. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-в. – В 4 т. Т. II. Ч. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 665 с.

12. Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей / В.И. Лебедев. – Пенза: ГУМ-НИЦ, 2006. – 124 с.

13. Лезина Е.П. Города на территории Мордовии в XVI–XVII вв. / Е.П. Лезина. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2002. – 100 с. – EDN RUUHFF

14. Лезина Е.П. Борьба Российского государства за безопасность южных и юго-восточных границ в XVI–XVII вв. / Е.П. Лезина. – Саранск, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. rucont.ru/efd/199684 (дата обращения: 20.12.2021).

15. Лузгин А.С. В тесном соседстве. Хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии. Историко-этнографические очерки / А.С. Лузгин. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. – 186 с.

16. Малов А.В. Московские выборные полки солдатское строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. / А.В. Малов. – М.: Древлехранилище, 2006. – 624 с. – EDN QPHPPB

17. Материалы по истории возмущения Стеньки Разина. – М.: Типография Л. Степанова, 1857. – 269 с.

18. Нечаев А.Г. Крепости XVI–XVII вв. в междуречье Суры и Мокши / А.Г. Нечаев. – Саранск: Издатель Афанасьев С.В., 2015. – 224 с.

19. Новосельский А.В. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. / А.В. Новосельский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 448 с.
20. Носов К.С. Русские средневековые крепости / К.С. Носов. – М.: Яуза-Каталог, 2019. – 304 с.
21. Описание оборонительных черт Среднего Поволжья и Прихоперья на рубеже XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.suslony.ru/hist_libsrs/zaseki.html (дата обращения: 02.06.2022).
22. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и в начале XVIII вв. (очерки из истории колонизации края) / Г.И. Перетяткович. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. – 400 с.
23. Руткевич К.П. Город Саранск в XVII в.: из фондов научного архива книги / К.П. Руткевич // Центр и периферия. – 2021. – С. 4–12.
24. Саранская черта в 1681 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.studopedia.su/18_148430-saranskaya-cherta-v-gody.html (дата обращения: 01.06.2022).
25. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
26. Фролов Д.В. Саранские рейтары во второй половине XVII столетия. Анализ вооружения на основе саранско-атемарской десятни 1679–1689 гг. / Д.В. Фролов // Центр и периферия. – 2012. – №1. – С. 46–58. EDN QCYINB
27. Фролов Д.В. Саранск XVII столетия в документах и артефактах / Д.В. Фролов. – Саранск: Издатель К. Шапкарин, 2019. – 444 с.
28. Фролов Д.В. Казаки Саранска и саранской засечной черты XVII столетия / Д.В. Фролов // Novogradia. – 2019. – №2. – С. 280–302.
29. Юрченков В.А. Начертание мордовской истории / В.А. Юрченков. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия, 2012. – 612 с. – EDN IBHHDI

Кнышова Милана Денисовна
студентка
Басова Евгения Александровна
канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный
институт культуры»
г. Тюмень, Тюменская область

СПЕЦИАЛИСТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация*: в статье рассматривается тема профессионального роста работника культуры. Особое внимание уделено историческим аспектам появления термина «социально-культурная деятельность» и требованиям к работнику досуговой сферы. Авторами описываются качества, необходимые современному специалисту в сфере культуры, а также даны рекомендации для повышения профессионального уровня работника сферы досуга.*

Ключевые слова*: социально-культурная деятельность, культура, досуг, специалист, личность, творчество, профессиональное развитие.*

Социально-культурная деятельность – это деятельность, направленная на сохранение, развитие, создание и распространение культурных ценностей и объектов. В 50-х годах XX века французский социолог и культуролог Жоффр Роже Дюмазедье ввёл понятие «социально-культурная деятельность», которое он определяет «как сознательную, преднамеренную, организованную, даже планируемую аккультурацию, противостоящую методам слепой и анархичной социально-культурной обусловленности». В российской науке данный термин был изложен в 1974 году профессором М.С. Каганом в его монографии «Человеческая деятельность».

Работники социально-культурных институтов (менеджеры, библиографы, музееведы, библиотекари, организаторы, аниматоры) могут воздействовать на человека посредством различных средств и способов (анкетирование, тестирование, диалог, организация мероприятий, опрос, конкурсные программы).

Специалисты данной деятельности должны, во-первых, удовлетворять социально-культурные потребности и интересы людей, во-вторых, разрабатывать инновационные технологии, которые помогут обеспечить содержательный и развивающий досуг населения [4]. В книге А.О. Пинта «Высокое призвание» перечислены следующие требования к личности специалиста культуры и досуга, которые актуальны в наше время: широта кругозора, высокий уровень педагогических знаний, распределенное внимание, инициативность, умение мобилизовать людей, требовательность, умение планировать и контролировать, специальные знания и способности: чувство ритма, музыкальный слух, колористические навыки [5].

Формирование информационной цивилизации XXI века совпало с развитием системы подготовки специалистов для сферы культуры и досуга. Приоритеты высшего образования изменились: в настоящее время внимание привлекают специалисты, обладающие знаниями в различных областях науки,

умеющие достигать высокого социального статуса. Гибкость и вариативность системы образования позволили корректировать направления обучения, учитывая индивидуальные способности студентов. В своем труде «Стратегии развития образования» Б. Вульфсон отмечает изменение критериев оценки деятельности: оценивается способность искать необходимую информацию, умение синтезировать материалы и готовность к проведению базового научного исследования [3].

Данные ориентиры реализуются в учебном процессе на примере общеобразовательных дисциплин. Например, на занятии «Педагогика» рассматриваются творческие задания: составление таблицы и схемы по теме «Что представляет образ идеального преподавателя» или ответа на вопрос в формате сочинения-эссе «Почему профессия педагога является творческой?». На занятиях общеобразовательных дисциплин реализуется работа практического характера: студенты учатся составлять и проводить анкетирование, опросы, разрабатывают тестирование, ведут диалоги в рамках научно-практической конференции «Социум. Культура. Личность. Досуг», составляют графические сведения.

Интегрированные занятия (литература и актерское мастерство, педагогика и режиссура, педагогика и выразительные средства режиссера) способствуют развитию умений творчески подходить к решению поставленных задач.

Внеучебные мероприятия, проводимые на базе практик (музеи, библиотеки, Дворцы культуры), способствуют развитию педагогической наблюдательности и воображения специалиста досуга. Центральным аспектом работы специалиста в сфере культуры является человек. Творчество играет важную роль в формировании личности – это осознанная деятельность, направленная на изменение и преобразование мира. Профессиональная деятельность работника культуры – это постоянный творческий процесс, происходящий в большом культурном пространстве [2]. Во время практических занятий каждый студент разрабатывает концепцию индивидуального плана, сценарий проводимого занятия, его смету, проводит мероприятия по имеющему плану организации, заполняет перечень документов, выполняет различные поручения руководителя практик.

Рассматриваемые выше требования к специалисту культуры могут пригодиться в организации мероприятий. В качестве примера можно привести Тюменский форум студентов и творческой молодежи «Пассионарий культуры», проводимый в рамках Международного фестиваля-конкурса искусств, культуры и творчества. Фестиваль реализуется во всех подразделениях института, учитываются разные направления конкурсов и необходимые условия для выступающих. Для его организации необходимо постоянно держать связь с партнерами, поддерживать отношения с иностранными гостями и участниками, работать в компьютерных программах, уметь грамотно обрабатывать поступающую информацию. Так, специалисты сферы досуга должны обладать знаниями в области философии, культурологии и социально-педагогической эрудиции, глубокими и актуальными профессиональными навыками, которые постоянно развиваются и адаптируются к условиям, иметь профессиональную устойчивость, мобильность и уверенность в своих способностях, быть способными интегрировать в области культуры, экономики, политики, права, нравственности, экологии и технических возможностей в свою социально-культурную деятельность, быть открытыми для новых, прогрессивных и перспективных идей и подходов [3].

Социально-культурная деятельность становится условием совершенствования социальной действительности, важной формой самовыражения, самореализации личности. Для достижения роста профессионального уровня в культурно-досуговой сфере необходимо предпринять ряд мер, включающих: повышение профессионального статуса и обеспечение социально-правовой защищенности сотрудников, дальнейшее улучшение системы оплаты труда, создание оптимальных условий и режима работы для работников, улучшение жилищных и бытовых условий сотрудников, обеспечение гарантий, позволяющих работникам активно участвовать в управлении клубами, парками, библиотеками и другими учреждениями, а также в организации культурно-досуговой сферы на региональном уровне в целом [1, с. 288].

Таким образом, социально-культурная деятельность – это сохранение, развитие, создание и распространение культурных ценностей и объектов. Работники социально-культурных институтов – менеджеры, библиографы, музееведы, библиотекари, организаторы, аниматоры – могут воздействовать на человека посредством различных средств и способов. Социально-культурная деятельность – это условие совершенствования социальной действительности, форма самовыражения и самореализации личности.

Список литературы

1. Ариарский М.А. Прикладная культурология / М.А. Ариарский – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Эго, 2001. – 288 с. EDN YSGZDD

2. Роль специалиста культуры в современной политической, экономической и социально-культурной ситуации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfile.net/preview/3911297/page:33/ (дата обращения: 13.10.2023).

3. Современный статус специалиста - организатора социально-культурной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfile.net/preview/1635226/page:17/ (дата обращения: 13.10.2023).

4. Специальности высшего профессионального образования. Социально-культурная деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/36CohJ (дата обращения: 13.10.2023).

5. Требования к работнику культуры в советское время [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfile.net/preview/3911297/page:32/ (дата обращения: 13.10.2023).

Краснова Марина Николаевна
канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЧУВАШИИ О И. БИЧУРИНЕ

Аннотация*: в статье анализируются работы, освещающие жизнь и деятельность И. Бичурина. Выделены основные авторы Чувашской Республики: П.В. Денисов, В.Д. Дмитриев, П.С. Адоратский, которые изучали его творчество.*

Ключевые слова*: Бичурин И., коммеморация, Денисов П.В., синолог, научные труды.*

О выдающемся краеведе, который посвятил жизнь научному историческому и этнографическому исследованию Китая, Манчжурии, Тибета, Монголии и в Целом стран Средней Азии написано немало научно-научно-биографических работ. Как сохраняется память о нашем земляке на родине было

сделано в работе М.Н. Красновой, Д.Е. Дымова [5]. В данной статье мы остановимся на научных трудах, посвященных И. Бичурину.

Основными и наиболее яркими авторами работ о жизни и деятельности Никиты Яковлевича Бичурина являются: Петр Владимирович Денисов и его труд «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» [1], Василий Дмитриевич Дмитриев и его труд «Востоковед Н. Я Бичурин и Чувашия» [2]; Петр Степанович Адоратский (Епископ оренбургский и уральский Николай) и его труд «Отец Иакинф Бичурин: Исторический этюд» [3].

П.В. Денисов, ссылаясь на биографическую записку, составленную Бичуриным в 1847 году, четко устанавливает место рождения великого востоковеда. Отец Иакинф Бичурин родился в казанской губернии в чебоксарском уезде в селе Бичурино в 1777 году августа 29 дня. Описываются внутриполитические условия, в которых рос будущий отец Иакинф. Упоминается такой исторический процесс, как массовая христианизация чувашей [1, с. 11], что впоследствии повлияло на судьбу Никиты Яковлевича, так как его отец Яков Данилов пополнил ряды служителей церкви в период с 1767 по 1773 год [1, с. 15].

Достаточно полно раскрыт был период обучения Никиты Яковлевича в Казанской духовной семинарии. Этот период жизни Никиты Яковлевича является знаковым так как «Казанская духовная семинария, в которой Никита Бичурин пробыл около четырнадцати лет, являлась одним из важных центров подготовки кадров православия для обширного района от Волги до азиатского Востока» [1, с. 20]. По завершении обучения Никита Яковлевич был назначен преподавателем информатории в родной Казанской академии. В последующие годы он после пострижения в монахи в возрасте 22 лет стремясь продвинуться по церковно-монастырской службе покидает Казанский Иоановский монастырь назначается архимандритом Иркутского Вознесенского монастыря. После «знаменитого» конфликтного дела архимандрита-ректора Иакинфа он сослан в Тобольск.

Данный источник является важной частью коммеморативной практики по средству нарративного изложения информации.

Излагается предыстория назначения отца Иакинфа на должность начальника IX духовной миссии в Пекин. Первоначально на должность начальника духовной миссии «был определен архиепископ Мелхиседек» [1, с. 50]. Однако в результате нескольких перестановок и личного волеизъявления Графа Головкина архимандрит Иакинф был назначен на руководящую должность IX духовной миссии в Пекин. К сожалению П.В. Денисовым слабо освещаются события пребывания IX духовной миссии в Китай и рассматриваются только ее результаты, как и предшествующей ей VIII миссии, что мешает полному формированию исторического образа Иакинфа Бичурина. Мало дается информации о условиях пребывания, финансирования миссии и действиях Иакинфа в сложившихся условиях.

Большую часть Денисов уделяет рассмотрению начальных трудов Бичурина на научном поприще после возвращения в Санкт-Петербург. Также достаточно большое место имеет в труде П.В. Денисова освещение периода опалы архимандрита Иакинфа и ссылка его в Валаамский монастырь. Наиболее ценным для исторической науки является рассмотрение научной деятельности от возвращения Никиты Яковлевича Бичурина из Валаамского пленения до его последнего изданного труда.

Однако для коммеморативных практик также важно общее представление автора о конкретной личности, которое П.В. Денисов дает в

завершении своего труда посвященного великому синологу и востоковеду Н.Я. Бичурину. Так же важным моментом является рассмотрения наследия значимой исторической личности.

Важным нарративным трудом, который необходим для четкого представления о национальной принадлежности и идентификации Н. Бичурина, как представителя чувашской нации является исследование известного чувашского ученого В.Д. Дмитриева.

Исследование советского и российского археолога, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР, члена Археографической комиссии В.Д. Дмитриева позволяет узнать читателю «родную землю, родное село, где родился Великий Чуваш, впервые увидел солнце, услышал первые слова, первые молитвы, ощутил материнскую ласку…» [2, с. 3]. Данное исследование позволяет почерпнуть кардинально новую информацию о родителях Н.Я. Бичурина его детских годах и учебе.

В.Д. Дмитриев делает важное уточнение касательно семьи Никиты Яковлевича Бичурина. Важным шагом к истине является его опровержение выдвинутой историей рождения и жизни кандидатом исторических наук П.Г. Григорьевым в статье «Советской Чувашии» 24 мая 1953 года. Он утверждает, что многое из хронологии и изложенных исторических фактов П.Г. Григорьева «не имело документального обоснования» [2, с. 16].

В противовес этому Дмитриев представляет результаты изысканий некоего И.Д. Мурзаева, который обнаружил в документах Центрального государственного исторического архива СССР (Ленинград) упоминания «Никиты Пичуринского» являвшегося сыном священника «Казанского наместничества, Свияжской округи села Пичурина» Якова Данилова.

Так же приводится некоторый более глубокий экскурс в историю семьи Бичурина, где говорится о происхождении и месте жительства и роде занятий его деда. Приводятся факты о его обучении в школе нотного пения в Свияжском Богородицком монастыре и его поступлении в Казанскую академию. К сожалению, новых данных касательно учебы Никиты Яковлевича не можем узнать из труда Дмитриева.

Следующим важным моментом в труде Дмитриева является указание на родственные связи Бичурина. Отмечается, что в течении службы в Петербурге Никита Яковлевич не терял связей со своей малой родиной. «Проезжая через Чувашию в 1821 году, по пути из Китая в Петербург, в 1830 и 1831 годах… в 1835 и 1838 годах… он мог посещать родные места, встречаться со своими родственниками и знакомыми» [2, с. 34].

В следующем, имеющем важность для сохранения памяти о Никите Яковлевиче Бичурине исследовании, основная роль уделяется научным изысканиям великого синолога и востоковеда. Таковым является труд П.С. Адоратского «Отец Иакинф Бичурин: Исторический этюд».

Автор фокусируется на исследовании просветительской и научной деятельности великого основоположника российского китаеведения. В труде подробно освещается руководство отцом Иакинфом IX Российской духовной миссией в Пекине.

Следует принять во внимание, что данный труд, составленный духовным лицом, имеет достаточно научную критику трудов Бичурина в период его публикаций после возвращения из ссылки в Валаамский монастырь.

Национальной библиотекой Чувашской Республики издан научно-вспомогательный указатель «Никита Яковлевич Бичурин» [8] (1777–1853). Библиографический указатель посвящен жизни и деятельности Н. Я. Бичурина,

ученого-востоковеда, синолога, основоположника российского китаеведения. В указатель включены основные издания работ Н.Я. Бичурина, переводы с китайского историко-географических, экономических и философских произведений, рецензии на его труды. Основную часть источников, включенных в указатель, можно найти в фондах Национальной библиотеки Чувашской Республики. Данный указатель может считаться условным коммеморативным источником, так как он содержит сведения, позволяющие его таковым считать, и является формой распространения информации о выдающейся личности Чувашской Республики.

Переходя к менее научным трудам, которые в большей степени являются именно коммеморативными практиками, нежели научной литературой стоит отметить ежегодно издающиеся результаты Бичуринских чтений.

Важной статьей из периодической печати, что является так же коммеморативной практикой нарративного вида следует особенно выделить статью Василия Дмитриевича Дмитриева «Н. Я. Бичурин и Чувашия» [2].

В статье по документам, выявленным автором в архивах Чебоксар и Казани в 1957 и 1997 гг., рассматриваются вопросы о месте рождения всемирно известного востоковеда Н.Я. Бичурина (1777–1853), его детских и юношеских годах, предках, родителях и родственниках, связях с Чувашией, родственниками и первыми чувашскими просветителями; приводятся впервые установленные сведения о лицах, упоминаемых в переписке ученого.

По своей сути данная статья представляет собой сжатое изложение книги ученого, однако книга не может охватить такого количества людей как публикация статьи, в равной же степени как статья не может охватить объем информации, изложенный в книге.

Следующий труд периодической печати, выступающий в виде нарративного источника коммеморации является статья В.П. Жучкова «Архивные находки о монахе Иакинфе Бичурине» [3]. В статье рассказывается об истории архивных находок автора, связанных с именем известного востоковеда Н.Я. Бичурина. В юбилейные годы в Чувашской Республике проводятся научные конференции, посвященные Иокинфу [6; 7], в музее И. Бичурина «Бичуринские чтения» [9; 10], на которых научная, краеведческая общественность вновь обращается к теме изучения монаха.

В целом, все рассмотренные источники играют важную роль в сохранении и увековечивании памяти Никиты Яковлевича Бичурина и имеют значение для чувашского народа в развитии и продолжении коммеморативной традиции.

Список литературы

1. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине / П.В. Денисов. –2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – С. 50.

2. Димитриев В.Д. Востоковед Н.Я. Бичурин и Чувашия / В.Д. Димитриев; отв. ред., авт. вступ. сл. А.С. Никитин. – Чебоксары: Ин-т туризма и сервиса, 2002. – С. 21–51.

3. Исторический этюд: к 230-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина / П.С. Адоратский; С.-Петерб. гос. инж.-экон. ун-т, Фил. в г. Чебоксары – Ин-т туризма и сервиса; сост. и предисл. В.Д. Димитриева и А.С. Никитина; отв. ред. А. С. Никитин. – Чебоксары, 2007. – 128 с.

4. Жучков В.П. Архивные находки о монахе Иакинфе Бичурине / В.П. Жучков // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 2002. – №4. – С. 44–51.

5. Краснова М.Н. Монументальная и музейная культура, сохраняющая память об Иакинфе Бичурине на территории Чувашской Республики / М.Н. Краснова, Д.Е. Дымов // Развитие современных компетенций педагогов и обучающихся через изучение и популяризацию традиционной культуры народов Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16–17 декабря 2021 года / редколл.: Н.М. Гурьева, Т.Н. Николаева. – Чебоксары: Среда, 2021. – С. 137–140. EDN RDBCAD

6. Краснова М.Н. Организация курсов изучения китайского языка в вузах КНР / М.Н. Краснова, А.А. Краснова // Межцивилизационный диалог в научном творчестве и общественной деятельности Иакинфа Бичурина: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 240-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина (Чебоксары, 8–10 сентября 2017 года) / редколл.: В.Б. Миронов, Э.В. Николаев, В.С. Григорьев. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2017. – С. 134–139. EDN VAEOOY

7. Межцивилизационный диалог в научном творчестве и общественной деятельности Иакинфа Бичурина // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 240-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина / редколл.: В.Б. Миронов, Э.В. Николаев, В.С. Григорьев; Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2017.

8. Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853): науч.-вспом. указ.; Нац. б-ка Чуваш. Респ. / сост. Н.А. Епишина, В.В. Григорьева; науч. ред. П.В. Денисов. – Чебоксары, 2009. – 104 с.

9. Программа III Бичуринских чтений [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bichurin.cap.ru/SiteMap.aspx?id=2076412 (дата обращения: 10.04.2021).

10. Программа IV Бичуринских чтений [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bichurin.cap.ru/UserFiles/orgs/GrvId_748/programma_iv_bichurinskih_chtenij(3).pdf (дата обращения: 10.04.2021).

Кузькин Алексей Петрович
д-р экон. наук, профессор
Лаврентьев Максим Владимирович
канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»
г. Саратов, Саратовская область

ТАШКЕНТСКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1909–1911 гг.)

Аннотация*: статья посвящена истории одного из малоизвестных приютов для несовершеннолетних правонарушителей – Ташкентской земледельческой колонии Туркестанского края Российской империи в период с 1909 по 1911 год. Сообщаются данные о деятельности приюта в первой части его существования. Авторами описано устройство приюта, внутренняя обстановка, дальнейшая судьба воспитанников колонии.*

Ключевые слова*: Туркестанский край, Ташкент, несовершеннолетние правонарушители, воспитательно-исправительные заведения, пенитенциарная педагогика, земледельческая колония.*

Дело борьбы с преступлениями малолетних и несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX – начало XX в. было отдано в руки широкой общественности и частной благотворительности. По закону от 5 декабря 1866 г. благотворительные общества могли открывать специализированные заведения для исправления несовершеннолетних правонарушителей и возвращения их в ряды законопослушных граждан.

По всей стране стали возникать воспитательно-исправительные заведения: Московский Рукавишниковский приют, Санкт-Петербургская земледельческая колония, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют и другие, в том числе Ташкентская земледельческая колония.

Ташкентская земледельческая колония для несовершеннолетних правонарушителей была основана в 1902 г. Но о ней ничего не было известно, ни в каких материалах Съездов представителей русских воспитательно-исправительных заведений о ней ничего не сообщалось. Более того, ежегодные отчеты Ташкентской земледельческой колонии, по строгому указанию Министерства Юстиции Российской империи не печатались, поэтому ранние годы существования данного воспитательно-исправительного заведения отследить невозможно.

Поэтому лишь в трудах Восьмого Съезда представителей, состоящих под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, можно найти сведения о Ташкентской земледельческой колонии.

Главной задачей Ташкентской земледельческой колонии было «образовать из несовершеннолетних, помещаемых в нее по определениям и приговорам суда, честных, знающих и трудолюбивых земледельцев и ремесленников. Указанная цель достигается правильным религиозным, нравственным, умственным и физическим воспитанием и практическим земледельческо-ремесленным обучением, которое давало бы возможность ее питомцам, по выходе их из заведения, добывать себе честным трудом достаточные средства существования. Главными средствами к достижению вышеуказанной цели должны служить: личное влияние директора, законоучителей и воспитателей, элементарное образование, практическое обучение разным сельскохозяйственным производствам и необходимым ремеслам, а также правильная простая и трудовая жизнь в заведении» [2, с. 125].

В 1908 в колонии произошло экстраординарное событие – был убит директор колонии Михалевский. «Ужасом веет от рассказа директора Ташкентского приюта о том, как он при вступлении своем в должность нашел своего предшественника распростертым на полу в луже крови. Директора убили его собственные воспитанники. Какова была причина этого убийства, из рассказа нынешнего директора выяснить не удалось. Нынешний директор отзывается о своем предшественнике, как о человеке гуманном, рассказывает о какой-то оппозиции, руководимой одним из воспитателей. Бесомненно, порядка в этом приюте не было. Из 10 воспитанников в момент убийства были два, остальные были в бегах. Это то последние и обвиняются в убийстве директора, из них двое осуждены на каторжные работы. Очевидно, много должно было накопиться горючего материала, раньше, чем воспитанники решились на такой шаг» [1, с. 100].

События с 1909 г. стали развиваться в привычном, спокойном русле. После трагических происшествий, произошедших в конце 1908 г. (убийство директора колонии, кражи, порча имущества и т. д.) новому директору Ташкентской колонии, А.Н. Кольтюгину, по всей видимости, удалось наладить жизнь в колонии.

Педагогический состав колонии сводился к директору колонии (он же учитель), который получал 900 руб. в год (немалая зарплата в те годы), при этом оплачивались помещение и освещение, а также к помощнику директора, получивший образование в ремесленном училище. Жалованье

помощника директора простиралось до 300 рублей год «на всем готовом». «Сверх того, на службе колонии состоит кухарка, получающая 144 рубля в год; работник же нынешним директором рассчитан, так как при наличности 8–10 воспитанников в колонии, труд его является излишним. Все хозяйственные работы исполняются самими воспитанниками» [2, с. 127].

Быт воспитанников колонии практически ни в чем не отличался от быта простых крестьян. Поэтому, распределение дня и работ, домашних и земледельческих, так и само содержание воспитанников, их одежда, пища и прочее были согласованы с условиями жизни «сельских обывателей».

Воспитанники колонии разделялись на семьи или группы. «Самые младшие по возрасту выделяются в особую семью. В особую семью выделяются также питомцы исправляющиеся, но могущие еще поддаться дурному влиянию. Наконец, третью группу представляют собою воспитанники надежные, вниманию которых поручаются новички и те, которые по отрицательным качествам еще не могут быть определены во вторую группу» [2, с. 127].

Цели, которые преследовали руководство колонии, воспитание в ней стремилось, главным образом, к тому, «чтобы подготовлять из ее питомцев самостоятельных хозяев – земледельцев и давать им возможность вводить в свое хозяйство все производства и улучшения, которые способны возвысить ее доходность» [2, с. 127].

Соответственно этому, земледельческое образование воспитанников колонии заключалось «в практическом, наиболее пригодном и полезным в Туркестанском крае, как-то: полеводству, скотоводству, садоводству, огородничеству…» [2, с. 127].

При колонии имелся сад, площадью 8 десятин (около 8 га), который обрабатывался исключительно воспитанниками колонии. Сад приносил дохода ежегодно до 1 500 рублей. По словам директора колонии, «особенное внимание директора и всего персонала должностных лиц колонии, обращается на нравственное воспитание несовершеннолетних» [2, с. 127].

Естественно поведение воспитанников и дисциплина в колонии были не идеальны. Для нарушителей предусматривались следующие взыскания: «1) выговору наедине; 2)публичному выговору; 3)недопущению к играм; 4)занятию работами отдельно от товарищей, и 5)помещению в светлый карцер на одни сутки, а с разрешения почетного попечителя колонии до семи суток – в крайних случаях с содержанием на хлебе и воде, на срок не более одних суток. наказания могут быть налагаемы условно с тем, что при безупречном поведении совершившего проступок в течение определенного времени, назначенное наказание не будет подлежать исполнению» [2, с. 127–128].

На практике же, директор колонии применял лишь одну меру наказания – лишение данного воспитанника «своего расположения». «При этом директор избегает лично обращаться к этому воспитаннику, помещать его возле себя во время работ, в которых директор всегда принимает активное участие, и т. п.» [2, с. 128].

Опыт показывал, что такое наказание для воспитанника бывало иногда очень чувствительным и достигало хороших результатов, «в смысле удержания от повторения дурных поступков. О поведении каждого питомца и прилежании его в школе и на работах ведутся особые тетради, куда заносятся и налагаемые взыскания» [2, с. 128].

Поощрения и награды воспитанникам за хорошее поведение и трудолюбие состояли в оказании особого доверия.

Обращение ко всем воспитанникам в колонии было только на «вы». Меры воздействия, «принимаемые к наиболее испорченным, сводятся только к одному: помещению их во время работ в среду наиболее благонадежных воспитанников» [2, с. 128].

Образование, которое давали воспитанникам Ташкентской колонии, заключало в себе: «1)Закону Божию, по правилам того вероисповедания, к которому принадлежит воспитанник; 2)чтению, письму и черчению; 3)начала арифметики; 4)общим понятиям о естествознании, сообщаемым преимущественно в виде объяснений при производстве сельскохозяйственных и технических работ, и 5)сообщаемым питомцам, в виде бесед, важнейшим сведениям о государственном устройстве, географии и истории России» [2, с. 128].

Правда, определенной программы не было, при обучении перечисленным предметам, директор применялся к познаниям и способностям каждого данного воспитанника.

Ремесленное обучение имело целью дать воспитанникам колонии знание тех ремесел, которые были необходимы преимущественно в сельском хозяйстве. «В случае проявления питомцем особой склонности или способности к отдельному роду земледельческих и ремесленных занятий, колония принимает все меры к развитию их и к доведению питомца до возможной степени совершенства в том роде занятий» [2, с. 128].

Среди ремесел в колонии были следующие: столярное, кузнечно-слесарное и гончарное.

Время дня распределялось в Ташкентской земледельческой колонии следующим образом: «летом, т.е. в период земледельческих работ, воспитанники встают в 5–5 ½ часов утра. Для утреннего чая они должны умыться, одеться, помолиться, убрать помещение и провести поливку овощей. Затем после чая следуют: до 11 ½ часов земледельческие работы, в 12 часов обед, после обеда, в течение 2 1/2, а в особо жаркое время, и в течение 4 часов, отдых. С октября по март рабочий день начинается несколько позже, причем в этот период времени после чая происходят классные занятия, а после отдыха – работы в мастерских» [2, с. 128–129].

В составе воспитанников колонии были дети разных национальностей: русские, таджики, киргизы, узбеки, кашгары и даже один русин. «С воспитанниками, не понимающими при поступлении их в колонию по-русски, директор говорит сначала по-сартски, пока воспитанник эти не научатся по-русски» [2, с. 129]. Обучались воспитанники русскому языку довольно скоро.

Всего за три года из колонии вышло пять воспитанников, из которых два оставили колонию за достижением возраста, а трое досрочно.

Патронат над выпускаемыми воспитанниками осуществлялся на основании устава колонии и порядок его сводился к следующему: «в случае признанного директором, по соглашению с почетным попечителем и воспитателями колонии, исправления питомца, помещенного по определению или приговору суда, директор представляет о том Комитету Общества со своим заключением о способе устройства освобождаемого на свободе и о размере денежного пособия, которое он полагал бы выдать ему для первоначального его обеспечения. Комитет, признав возможным освободить несовершеннолетнего, согласно с представлением директора, избирает одного члена общества, с его согласия, для надзора за

освобождаемым на свободе. В случае отправления несовершеннолетнего в такую местность, где нет членов общества, Комитет входит в сношение с местными благонадежными лицами, которые могут принять на себя заботы по наблюдению за освобождаемым для оказания ему необходимой помощи, в случае нужды в том» [2, с. 129].

Комитет Общества подходил избирательно к дальнейшей судьбе воспитанника. «Распоряжение об освобождении несовершеннолетнего делается Комитетом не ранее, как по получении уведомления о том, на какое место или в чью семью несовершеннолетний может быть помещен. Часть денежного пособия, назначенного Комитетом, может быть выдана освобожденному на руки, а остальная часть передается наблюдающему за ним члену общества для выдачи, по мере надобности» [2, с. 129].

Если бывший воспитанник колонии, освобожденный, но не достигший восемнадцати лет был замечен в «дурном» поведении, то Комитет Общества, «по рассмотрении в присутствии директора колонии, сведений по сему предмету, а если в том представляется надобность, то и по соображении дополнительных сведений одним из членов Комитета или Общества, постановляет о возвращении освобожденного обратно в колонию» [2, с. 129].

Несовершеннолетние беспризорные могли быть оставлены в колонии, с их согласия, по достижении ими 21 года, «если ранее сего они не будут переданы на попечение благонадежных родственников или устроены на места» [2, с. 129].

По утверждению А.Н. Кольтюгина, директора Ташкентской земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей, «результаты указанного покровительства самые благоприятные. Так, один из выпущенных воспитанников выразил сам желание остаться при колонии, другой был помещен на приличное место на железной дороге, третий женился и работает на заводе, получая 50 рублей в месяц жалованья» [2, с. 129].

Ташкентская колония находилась в 15 верстах от города Ташкента, «в местности, представляющейся в зимние месяцы совершенно пустынной. Помещение колонии состоит из двух корпусов и рассчитано на 20 человек. В настоящий момент налицо в колонии 15 воспитанников, а в бегах 6. Содержание всего приюта обходится ежегодно в 4 000 рублей» [2, с. 130].

История Ташкентской земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей требует дальнейшего изучения, новых сведений о ее деятельности.

Список литературы

1. Мышкин В.С. VIII-й съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений (Санкт-Петербург, 16–23 октября 1911 г.) (Из сообщения, сделанного 14-го ноября в Психо-Неврологическом Институте в семинарии профессора Гогеля по уголовной социологии) / В.С. Мышкин // Вестник психологи, уголовной антропологии и гипнотизма. – 1911. – №5.

2. Труды Восьмого съезда представителей состоящих под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних (Санкт-Петербург, октябрь 1911 г.). – СПб.: Типография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1913.

Лаврентьев Максим Владимирович
канд. юрид. наук, доцент
ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»
г. Саратов, Саратовская область

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ (28 ФЕВРАЛЯ – 5 МАРТА 1917 г.)

***Аннотация**: статья описывает последние дни Шлиссельбургского каторжного централа, одной из тюрем Российской империи, расположенной в пределах Шлиссельбургской крепости. Приведены воспоминания заключенных тюрьмы о событиях вокруг Шлиссельбургской тюрьмы после начала Февральской революции 1917 г., освобождении узников и уничтожении тюрьмы в ночь с 4 на 5 марта 1917 г.*

***Ключевые слова**: Российская империя, 1907–1917 гг., Главное тюремное управление, Шлиссельбургский каторжный централ, пенитенциарная система Российской империи, каторга, Шлиссельбург.*

Шлиссельбургская каторжная тюрьма (неофициальное народное название – Шлиссельбургский каторжный централ) – одна из главных тюрем царского самодержавия, где содержались политические заключенные. Она находилась недалеко от Санкт-Петербурга, на острове на Ладожском озере, при истоке реки Нева. Шлиссельбургская крепость использовалась как тюрьма, начиная со времен Петра Первого, а с 1884 г. в крепости были посажены первые политические заключенные – члены партии «Народной воли».

Второй этап жизни политической тюрьмы начался в 1907 г., когда на территории крепости открыли Шлиссельбургский каторжный централ. Сюда отправляли на каторгу политических и уголовных заключенных, участников революции 1905–1907 гг.

По данной проблеме за последние годы вышло несколько научно-исследовательских работ – Д.А. Воробьева [1], Ю.Р. Дьяковой [3] и Д.И. Иванова [4]. В качестве недостатка работы Д.А. Воробьева можно назвать неполная историография вопроса. Не упомянут даже М.Н. Гернет – автор классического труда «История царской тюрьмы» в 5-ти томах.

Наступил 1917 год. Война остановилась на зимних позициях под Ригой, в Западной Белоруссии, в болотах Полесья и в Карпатских горах. Положение народа в России становилось все хуже и хуже. В стране наступал голод, организованный беспорядком и хаосом.

В Шлиссельбургской тюрьме арестанты тоже голодали. Тюремный режим ухудшался, и это вызывало справедливые нарекания заключенных. О том, что происходило на воле, заключенные знали из легальных газет и иногда из нелегальных изданий. Но о том, что произойдет в ближайшее время в стране, никто из них даже не предполагал.

Дни, происходившие в тюрьме перед Февральской революцией, были спокойными. Они прерывались лишь мелкими стычками с администрацией и, буквально перед событиями, был произведен обыск библиотеки и изъяты все нелегальные издания по доносу одного из уголовных преступников.

Как пишет М.Н. Гернет, «о полной неожиданности освобождения свидетельствуют воспоминания тех политических заключенных, которым выпало счастье дожить до этого дня и быть участниками знаменательного события» [2, с. 243].

Симонович – бывший заключенный третьего одиночного корпуса – в своих воспоминаниях остановился и на описании событий 27 февраля 1917 г., то есть накануне освобождения первой группы политических заключенных. Он отметил, что этот день ничем не отличался от всех предшествовавших дней за много лет заточения: «Те же тюремные щи, та же каша, те же надзирательские на цыпочках шаги и подсматривающие в «волчок». Царила обычная мертвая тишина. Только звон кандалов нарушал ее» [6, с. 185–186].

28 февраля начинался так же, как и многие сотни и тысячи тюремных дней. Заключенный И.С. Мельников вспоминал о том, что «еще утром 28 февраля мы жили обычной тюремной жизнью. В обеденный перерыв, придя из мастерских, я по привычке взглянул из окна своей камеры на снежную пелену Невы и вереницу темных домиков деревни Шереметевки на противоположном берегу. Я сидел в одиночке 4-го корпуса на четвертом этаже. Пейзаж, который я видел из тюремного окна, служил для меня источником большой радости, далеко уносил меня из холодных стен тюрьмы. Я с жадностью впивался взглядом в безбрежную даль. Белизна снега с голубым оттенком повергает меня и поныне в какой-то трепет. Часовой на крепостной стене да решетка напоминает мне о тяжелой действительности. Но на этот раз я не узнал знакомый пейзаж. Внимание мое было приковано к движущейся толпе на белом фоне закрытой снегом Невы» [5, с. 13–14].

Рабочие Шлиссельбургских военных заводов и Охтинских пороховых мануфактур шли освобождать узников Шлиссельбургского каторжного централа. Как только пролетариат узнал о победе революции, по всей стране началось стихийное освобождение политических (а заодно и уголовных) заключенных из тюрем и каторжных централов.

Шлиссельбургская политическая тюрьма не стала исключением. Свыше пятнадцати тысяч человек, выстроившись колоннами, с красными флагами, окружили крепость и потребовали освобождения заключенных. «В корпусах тюремных зданий начались шум и беготня, совсем непонятные для заключенных. Отпирались двери отдельных камер. Из них куда – то уводили узников». По воспоминаниям Мельникова, «явилось подозрение о переводе заключенных куда – то в другие камеры. Начался бешеный стук в двери камер. Отовсюду раздавались крики с требованием объяснить причину увода товарищей. Явившийся помощник начальника Шлиссельбургской крепости объяснил, что заключенных отпускают на свободу по требованию народа» [2, с. 245].

Трудно представить себе, что произошло тогда в камерах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Лишь некоторое представление об этом дают следующие строки Симоновича. При известии при освобождении у него произошло как – будто затемнение сознания. Когда он очнулся, перед ним стоял помощник начальника тюрьмы, объявлявший ему, что он освобожден, что за ним пришли делегаты от рабочих. Автор продолжает: «В коридоре корпуса царствовал полнейший хаос: надзиратель с ключами стоял неподвижно в углу с испуганным лицом, с опущенной вниз головой

и оторопелым взглядом, что забитый петух на чужом дворе. Везде валялись сор, комки бумаги, клочья соломы, как после погрома. Двери одиночек открыты, оставшиеся в них плачут, рыдают, а внизу обнимаются, целуются, ликуют...» [6, с. 187].

Первая партия политических заключенных численностью 66 человек была освобождена в тот же день. Освобождение всех политических заключенных задерживалось тем, что нужно было освободить от кандалов. Поэтому большинство заключенных оставались за «решеткой».

«Наступала последняя ночь существования Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Шли последние часы каторжной неволи. Конечно, сейчас она очень мало походила на прежнюю. Кандалы были уже сбиты, двери тюремных камер остались незапертыми. Раздавались революционные песни. Один из переживших эту последнюю ночь в Шлиссельбурге вспоминал, как заключенных метались по камерам и по коридору. Он писал: «Не надо думать, что возбуждение охватывало лишь неосвобожденных политических каторжан. Может быть, оно еще сильнее переживалось уголовными арестантами. Еще при первом выходе на свободу 66-ти узников уголовные кричали им из-за решеток окон: «Не забудьте же нас! Смотрите же, не забудьте!» [2, с. 247].

Наступил следующий день – 1 марта. «Заключенные в тюремных корпусах ждали наступления часа их освобождения. Большинство из них было лишено всякой возможности что – либо видеть, кроме стен своих камер. Они могли лишь услышать прибытие народа – освободителя к крепостным стенам. Только заключенные верхнего этажа четвертого корпуса могли теперь беспрепятственно глядеть через окна на Неву. Они прильнули к тюремным решеткам, не спуская глаз с открывавшегося ледяного простора реки» [2, с. 248].

Во дворе тюрьмы с утра началось сплошное движение. «Группами стояли заключенные. Возили сани с необычным грузом – арестантскими делами из архива тюрьмы. Большими охапками передавали их в котельную и здесь бросали в топки котлов. Такое уничтожение архивного материала наполняло радостью сердца узников. Однако вместе с тем пропадали ценнейшие материалы для истории каторги на Шлиссельбургском острове» [2, с. 249].

Заключенные готовились навсегда покинуть крепость. Раньше большинство политических узников даже не надеялись покинуть Шлиссельбург, так как в графе «Судебный приговор» у них стояло – «вечная каторга». Революция была неожиданна, освобождение – тоже.

Когда все было приготовлено к уходу, политические заключенные собрались на митинг. «Раздался голос Лихтенштадта, но он почти сейчас же оборвался. Волнение не дало ему возможности продолжать речь. Оборвалась речь и того освобожденного, который пытался заменить Лихтенштадта. Несколько напутственных слов были сказаны тюремным врачом Эйхгольцем, пользовавшимся расположением каторжан. Шествие тронулось в путь. Обоз с больными шел впереди. Больных, способных идти, вели под руки. Участник этого исключительного в истории торжественного марша вспоминал: «Затрепетали в воздухе знамена, росли крепли звуки революционных песен. Мы медленно подвигаемся к городу Шлиссельбургу, где на берегу нас ждут жители и рабочие... Все слилось в могучем, волнующем потоке. Люди обнимались, целовали друг друга, плакали, некоторые стояли в каком – то оцепенении. В арестантских халатах,

в стоптанных котах, с жалким своим имуществом мы вызывали сочувствие толпы. Нас зазывали на квартиры, давали теплую одежду, обувь, шапки, перчатки» [2, с. 249–259; 5, с. 16–17].

Сразу же был образован Комитет шлиссельбургских узников. «Он был составлен из рабочих этих заводов и освобожденных политических заключенных Шлиссельбурской каторжной тюрьмы. Комитет взял в свое ведение дела, требовавшие срочного выполнения, например, выплату освобожденным денег, заработанных ими в мастерских тюрьмы, или снабжение освобожденных каторжан особыми удостоверениями. Текст таких удостоверений представляет несомненный интерес, тем более что он не появлялся в печати. Я воспроизвожу его по материалам Шарапы: «Удостоверение №101 от 7 марта 1917 г. Дано сие гражданину Козловскому Ивану Андреевичу, лет 25, Могилевской губ., Оршанского уезда, в том, что он волею восставшего народа освобожден из Шлиссельбургской крепости. В чем подписью и приложением удостоверяется.

Член исполнительного комитета при революционном комитете шлиссельбурского порохового завода С.К. Богушевский» [2, с. 249].

По решению комитета все имущество Шлиссельбургской тюрьмы теперь принадлежало народу. «В крепости после освобождения оказалось большое количество продуктов и товаров: мясо, мука, солонина, рыба, сахар, кожа, мануфактура и много других продуктов и товаров. Три дня работало, не покладая рук, больше сотни человек с большим количеством лошадей, вывозя продукты и товары. Тюремная инспекция, видимо рассчитывала еще долго жить» [5, с. 191].

Через три дня крепость запылала. Гернет подробно исследовал пожар в крепости: «Один из авторов воспоминаний о Шлиссельбурге определенно указал не только день, но и час начала разрушения огнем пожара Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Это произошло в час ночи с 4 на 5 марта. Имеются сведения о поджоге не всех тюремных зданий, а лишь некоторых. Так указывалось на разрушение и особо тщательном уничтожении здания конторы и квартиры начальника каторжной тюрьмы. Колосов, описывавший пожар в Шлиссельбургской крепости, отметил наибольшее разрушение огненной стихией первого и четвертого корпусов. Распространение огня в четвертом корпусе способствовали наличие в нем мастерских, в том числе столярных. Он указал и на пожар во втором корпусе с его деревянными полами. Этот автор, однако, отметил наибольшее повреждение огнем второго и первого корпусов. Сам я при посещении Шлиссельбургской крепости осенью 1925 года не нашел следов пожара в третьем корпусе. Пожар тюремных зданий Шлиссельбурга длился не одни сутки. Языки пламени пожирали высокий четвертый корпус у всех на виду. Предварительное обливание зданий нефтью вызывало быстрое распространение огня с густым черным дымом. Пожар в Шлиссельбургской крепости представлял собой знаменательное событие. Тюрьма, еще недавно гордо возвышавшаяся на неприступном острове, грозная, как символ императорской власти, теперь быстро разрушалась и погибала в дыму и пламени. Никто не шел к ней на помощь, и с далекого расстояния можно было видеть это страшное, а вместе с тем радостное пожарище» [2, с. 249–250].

Крепость была подожжена восставшим народом. Шлиссельбург навсегда перестал быть тюрьмой. После победы Октябрьской революции

крепость стала музеем революционной борьбы и символом стойкости и мужества политических заключенных.

Список литературы

1. Воробьев Д.А. Шлиссельбургская крепость во время Февральской революции по воспоминаниям современников / Д.А. Воробьев // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №9. – DOI 10.5281/zenodo.5543776. – EDN ZURIRR
2. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. – Т. 5. – М.: Юридическая литература, 1963.
3. Дьякова Ю.Р. Крепость на Ореховом острове. Страж. Тюрьма. Музей / Ю.Р. Дьякова. – СПб.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2020.
4. Иванов Д.И. Память о революционерах в Шлиссельбурге. 1917–1919 / Д.И. Иванов // Петербургские чтения. К 100-летию Великой русской революции 1917 года. – Ч. 1. – СПб., 2018.
5. Мельников И.С. Последние дни Шлиссельбурга / И.С. Мельников. – М.: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и сс. поселенцев, 1931.
6. Симонович В. В новом Шлиссельбурге / В. Симонович. – М.: Изд-во политкаторжан, 1934.

Лобашева Арина Сергеевна
студентка
Научный руководитель
Спасенкова Ирина Валентиновна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/r-108203

ВОЗРАСТНЫЕ ПЕРИОДЫ И ЖИЗНЕННЫЕ ЦИКЛЫ ЖЕНЩИНЫ РУССКОГО СЕВЕРА

***Аннотация**: в статье рассматривается периодичность жизненного пути женщины северной деревни (территория Русского Севера) в XVIII-нач. XX в. Также рассматриваются отличительные черты каждого из этапов жизни, их отражение в социокультурном пространстве.*

***Ключевые слова**: историческая феминология, женская повседневность, Русский Север, северная деревня.*

«Ритм – одно из условий жизни», – утверждал в своей работе уроженец и исследователь Вологодчины, известный писатель-представитель «деревенской прозы» [3, с. 9] Василий Иванович Белов в своих этнографических очерках «Лад». Действительно, при изучении крестьянского бытия, ярко прослеживается тенденция к абсолютной общественной стабильности, почитания традиций и постоянства во всём. «Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались на жизни и всей деревни. Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность» [3, с. 9], – продолжает Белов размышления о ритмичности деревенской жизни, важности устойчивости.

Цикличность нашла отражение и в судьбе женщины северной деревни. Для каждого жизненного периода женщины существовало соответствующее определение. Положение в обществе и статус зависел от двух

факторов – от возраста и семейного положения. Выделялись следующие этапы в цикле женской жизни: девка – молодуха – большуха – старуха. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, составлявшемуся в XIX веке, нарекались данные периоды следующим образом.

1. Дева (девица, девка, девочка, девушка…) – «всякая женщина до замужества своего» [23].

2. Молодица (молодуха...) – «молодая баба, замужняя нестарая женщина; до первой беременности; принесшая в первых родах мальчика» [23].

3. Большая (большуха...) – «старшая в доме, хозяйка...» [23].

4. Старый (человек) – «старый человек, противопол. молодой и середовой, преклонных лет, доживающий век свой, кому под 60 и более» [23].

5. «Бабуша» (ласкательно, бабушка) – материна или отцова мать, или вообще старушка; старшая старуха в семье, в доме [23].

Существовала еще одна фаза женского становления, ей можно было бы присвоить «нулевой» номер в порядке становления женщины – период раннего детства, когда дети обоих полов пребывали в статусе «ребенка». Так до вступления в статус «девы» (девицы), до 5–6 лет во внешних проявлениях, таких как одежда и прическа, гендер не подчеркивался. Девочек и мальчиков одевали идентично, а точнее, в «долгие» рубахи. И лишь по достижению 5 лет девочек облачали в платья, а мальчикам одевали штаны.

Обозначались четкие границы для каждого жизненного этапа, как возрастные, внешние, так и символические, обрядовые. Поэтому распознать возраст, стоящей перед собой крестьянки было достаточно просто, необходимо было лишь расшифровать элементы внешнего облика. В парадном платье из ситца девушку можно было увидеть только после 15 лет, именно в этом возрасте она удостаивалась и своей первой обуви. Подобный наряд надевался исключительно по праздникам, а впервые традиционно одевался для похода в церковь. Что касается волос, то здесь также важны возрастной и семейно-статусный компоненты, которые непосредственно отражались на прическе. Незамужняя девушка заплетала косу, тогда как женщина, имеющая мужа, собирала волосы (например, в пучок или на гребенку). Но было в этом правиле исключение – косы продолжали заплетать себе женщины, не вышедшие замуж, оставшиеся в «старых девках». Таких дев называли «сивокосыми». Существовал также и универсальный элемент, активно использовавшийся женщинами всех возрастов – платок. Это очень важная часть образа крестьянки, хозяйка даже никогда не садилась за стол, не надев предварительно платок.

Но на протяжении всего пути женщины в этом мире неизменна была ее жизненная цель, которая с раннего детства активно проецировалась на девичье сознание установившимися традиционными ценностями. Существовало мнение, что каждому человеку от Бога предписано вступить в брак и продолжить свой «род-племя». Поэтому в девочке старались воспитать, прежде всего, такое качество, как «женство», благодаря которому она сможет выполнить свое мирское предназначение. Подобие жизненного пути девочки ярко показано в исторической песне «Авдотья Рязаночка», созданной, вероятно, в XIII-XIV веках, но известной на Русском Севере еще в конце XIX века:

Я замуж выйду, да мужа наживу,
Да у меня будет свекор – стану звать батюшко,
Да ли буде свекровка – стану звать матушкой;

А я ведь буду у них снохою слыть.
Да поживу с мужем – да я сынка рожу,
Да воспою, вскомлю – у меня и сын будё,
Да стане меня звати матушкой.
Да я сынка женю, да и сноху возьму,
Да буду ли я и свекровкой слыть.
Да еще же я поживу с мужем,
Да и себе дочь рожу,
Да воспою, вскормлю – у меня и дочь будё,
Да стане меня звати матушкой.
Да дочку я замуж отдам,
Дай у меня зять будё,
И буду я тещей слыть.

Роль жены, матери, хозяйки дома очень почиталась и считалась крайне престижной. Еще в одной из глав памятника русской литературы «Домостроя», а точнее в главе «Похвала женам» говорится: «Если дарует Бог кому жену добрую, дороже это каменья многоценного; таковая из корысти не оставит, делает мужу своему жизнь благую» [21].

Список литературы

1. Адоньева С.Б. Функциональные различия в поведении и роли женщины на разных этапах ее жизни: по материалам фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета (Белозерское собрание) / С.Б. Адоньева, Е.В. Бажкова // Белозерье: краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, 1998. – С. 204–212.

2. Аксаков С.Т. Собрание сочинений в четырех томах / С.Т. Аксаков. – В 6 т. – М. Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 640 с.

3. Белов В.И. Лад. Очерки народной эстетики / В.И. Белов; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 512 с.

4. Барсов Е.В. Причитанья Северного края / Е.В. Барсов. – Т. 1. – СПб., 1997.

5. Мазалова Н.Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н.Е. Мазалова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 192 с.

6. Макашина Т.С. Свадебный обряд / Т.С. Макашина. – М., 2001. – EDN QZGMDH

7. Баранов Д.А. Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина [и др.]. – СПб.: Искусство-СПБ, 2005. – 686 с.

8. Островский Е. Мужчина и женщина в Кемском Поморье / Е. Островский // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1910. – №15. – С. 26–28.

9. Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. – М.: Индрик, 2002. – 584 с.

10. Русская свадьба: / под ред. А.С. Каргина; сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. – В 2 т. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора.

11. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.М. Тенишева. – В 4 т. – СПб., 2004.

12. Русский Север. Этническая история и народная культура XII-XX века / отв. ред. И.В. Власова. – М.: Наука, 2001.

13. Симаков В.И. Жизнь крестьянской девушки северянки по народным частушкам / В.И. Симаков // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1911. – №7. – С. 577–587.

14. Топорков А.Л. Русский эротический фольклор / А.Л. Топорков. – М.: Ладомир, 1995. EDN RYUVMF

15. Хованский А. Филологические записки Г. 25 Вып. 1-[6] / А. Хованский. – 1886.

16. Шайжин Н.С. Олонецкий край: (по данным местного фольклора) / Н.С. Шайжин. – Ч. 2. – Петрозаводск: Олонецкая губ. тип., 1908. – 29 с.

17. Шангина И.И. Русские девушки / И.И. Шангина. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 346 с. EDN OYFIJE

18. Шаповалова Г.Г. Жили-были. Русская обрядовая поэзия / Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. – СПб, 1998.

19. Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, Вологодская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://afunrf.ru/regions/vologodskaya-oblast/ (дата обращения: 16.10.2023).
20. Институт этнологии и антропологии РАН, Центр гендерных исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iea-ras.ru/?p=1173 (дата обращения: 16.10.2023).
21. Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Домострой, Сильвестровская редакция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/domostr.htm#20 (дата обращения: 16.10.2023).
22. Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы / Н.Л. Пушкарева // Женщина в российском обществе. – 2002. – №2–3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-feminologiya-zhenskaya-i-gendernaya-istoriya-itogi-i-perspektivy (дата обращения: 16.10.2023). – EDN JVKBEJ
23. Словарь Даля. Толковый словарь живого великорусского языка онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://v-dal.ru/ (дата обращения: 16.10.2023).

Минеев Алексей Игоревич
канд. ист. наук, заведующий лабораторией
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОВЕТ ВОЛГО-ВЯТСКОГО СОВНАРХОЗА: СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНАЛ

Аннотация*: в статье на основе проанализированных источников и исследовательской литературы представлена структура и деятельность технико-экономического совета Волго-Вятского совнархоза. Работа подготовлена на основе ранее не вводившихся в научный оборот документов Центрального архива Нижегородской области. Автором определено, что ТЭС являлся перспективной формой использования прогрессивных методов хозяйствования, внештатным общественным органом СНХ.*

Ключевые слова*: совет народного хозяйства, Волго-Вятского совнархоз, технико-экономический совет, индустриализация.*

Осуществление хозяйственных и административных преобразований во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в. является важным этапом в эволюции советского общества. Они были далеко не случайными, а продиктованы конкретными историческими условиями в развитии страны. Вопрос о создании территориальных структур управления активно обсуждался после XX съезда КПСС. Лидер страны Н.С. Хрущев в 1957 г. внес на рассмотрение Президиума ЦК КПСС предложение о преобразовании управленческой структуры народного хозяйства СССР.

30 марта 1957 г. для обсуждения были опубликованы его тезисы доклада о реорганизации системы управления, а 7 мая 1957 г. сессия Верховного Совета СССР, одобрив доклад Н.С. Хрущева, приняла Закон «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством» [1, с. 343–347]. О том, как этот документ был воспринят в управленческих структурах, свидетельствует приказ по Минприбору

СССР от 10 июня 1957 г. (№3161), в котором на основании распоряжения Совета Министров СССР от 8 июня 1957 г. (№1435-р) предписывалось заместителям министра и членам коллегий ликвидированных министерств Советского Союза, назначенным на работу в советы народного хозяйства экономических административных районов, в скором порядке приступить к выполнению обязательств по месту новой работы. Руководители министерств и ведомств должны были освободить работников, которые получили новые должности [2, с. 281].

Верховный Совет СССР в принятом Законе установил, что управление промышленностью и строительством должно было осуществляться по территориальному принципу на основе экономических административных районов. В своей деятельности совнархозы подчинялись Совету Министров СССР через Советы Министров союзных республик, наделенные правом отменять или приостанавливать постановления совнархозов [3, с. 69–75]. В каждом экономическом районе образовывался совет народного хозяйства, подчиненный во всей своей деятельности непосредственно Совету Министров союзной республики. Дальнейшие преобразования в системе управления начала 1960-х гг. позволили создать новые укрупненные совнархозы.

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 16 декабря 1962 г. в феврале 1963 г. был создан укрупненный Волго-Вятский совнархоз. В своей повседневной деятельности совнархоз опирался на технико-экономический совет (ТЭС), который был связан с широким кругом народных масс, общественными организациями, научными учреждениями, местными советскими органами регионов, входивших в Волго-Вятский экономический район.

Основной задачей технико-экономического совета являлось рассмотрение общих вопросов развития промышленности экономического административного района, обсуждение крупных производственно-технических и экономических вопросов, мероприятий по обеспечению выполнения плана, по росту производительности труда и др. В состав ТЭС входили крупные специалисты, новаторы и передовики производства, руководители партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, научно-исследовательских и других организаций.

В соответствии со структурой Совета народного хозяйства Волго-Вятского экономического района, утвержденной Постановлением Совета Министров РСФСР от 21 января 1963 г. №86 при СНХ был образован технико-экономический совет [4, л. 20]. Деятельность данного совета можно проследить благодаря сохранившемся документам Центрального архива Нижегородской области. Ключевым документом, раскрывающим его деятельность, стало Положение о ТЭС. ТЭС при совнархозе состоял на правах совещательного органа и вел работу в соответствии с планом СНХ.

Основными задачами ТЭС являлись: рассмотрение и решение важнейших научных и экономических вопросов, связанных с развитием отдельных отраслей и всей промышленности экономического района, с созданием и внедрением в производство новой техники, прогрессивных технологий и организации производства, использованием производственных сил Волго-Вятского экономического района [4, л. 21 (об.)].

Персональный состав ТЭС утверждался советом народного хозяйства, председателем ТЭС являлся заместитель председателя СНХ Волго-Вятского экономического района. Данный совет имел следующую структуру: непосредственно сам технико-экономический совет; президиум; секции и

постоянно действовавшие комиссии; бюро секций и комиссий. Для обеспечения функциональной работы при ТЭС создавались как отраслевые и межотраслевые секции, так и подсекции, постоянно функционировавшие комиссии. Руководство секциями осуществляли ведущие специалисты: металлургической – Д.А. Капустин, главный инженер управления черной и цветной металлургии СНХ; химической – Г.С. Иванов, главный инженер управления химической и нефтеперерабатывающей промышленности; машиностроения – К.Ф. Бржесский, главный инженер тяжелого и общего машиностроения; автомобилестроения – М.В. Харин, главный инженер управления автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения; электротехнической – В.Я. Григорьев, главный инженер управления электротехнической промышленности и др. [4, л. 28].

В соответствии с поставленными задачами ТЭС рассматривал, а также давал заключения и рекомендации: по перспективным и годовым планам развития промышленности СНХ; по комплексным вопросам специализации, кооперирования и внутрирайонного размещения предприятий; по планам разработки и внедрения новой техники; по проектам важнейших машин и агрегатов, наметившихся для серийного производства; по вопросам организации технических, экономических и производственных связей с другими экономическим районами Российской Федерации и Союза ССР; по отдельным крупным изобретениям, рационализаторским предложениям; по вопросам строительства и реконструкции предприятий экономического административного района и др. [4, л. 22 (об.)]. Также на ТЭС были возложены серьезные полномочия по отбору и рекомендации лучших работ по созданию новых конструкций машин и видов продукции, исследований, изобретений к выдвижению на соискание Ленинской премии. Наряду с этим ТЭС отбирал и рекомендовал кандидатов на присуждение ученых степеней доктора и кандидата наук без защиты диссертации, являвшихся специалистами в промышленности, за достижения в области новой техники, передовых технологиях и организации производства [4, л. 23].

Таким образом, ТЭС занимался предварительным обсуждением вопросов, которые выдвигались требованиями народного хозяйства. В целях наилучшего использования передового опыта инженерно-технических работников и новаторов производства и для разработки планов ТЭС и его секций созывали совещания, заседания, конференции в совнархозе и на предприятиях [5, с. 151].

ТЭС являлся перспективной формой использования прогрессивных методов хозяйствования, внештатным общественным органом СНХ. В своей повседневной деятельности совнархоз опирался именно на ТЭС, в которых были представлены лучшие специалисты различных отраслей промышленности и научные работники. ТЭС обеспечивал совнархозу квалифицированную помощь по важнейшим вопросам технологии и экономики производства.

Список литературы

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – М., 1968. – С. 343–347.

2. Степанов В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 50–80-е годы) / В.Р. Степанов. – Казань, 2004. – EDN QQGFLF

3. Петров Н.Ю. Советы народного хозяйства (историко-правовой очерк) / Н.Ю. Петров. – М., 1958.

4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. 6101. – Оп. 1. – Д. 311.

5. Минеев А.И. Чувашский совнархоз в 1957-1962-е годы: организация, кадровый состав, управление промышленностью: автореф. дис. … канд. ист. наук / А.И. Минеев. – Чебоксары, 2012. – EDN AZSPCY

Павлова Екатерина Алексеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

САЛМИН А.Н. – КРАЕВЕД БАТЫРЕВСКОГО РАЙОНА

***Аннотация**: в работе анализируются жизнь и труды краеведа Батыревского района Александра Николаевича Салмина. Автор акцентирует внимание на его работах.*

***Ключевые слова**: Салмин А.Н., краевед, Батыревский район.*

У большинства людей чувство
родины в обширном смысле – родной
страны, отчизны – дополняется ещё
чувством родины малой,
первоначальной, родины в смысле
родных мест, отчих краёв, района,
города или деревушки. Эта малая
родина со своим особым обликом,
со своей – пусть самой скромной
и непритязательной – красотой
предстаёт человеку в детстве, в пору
памятных на всю жизнь впечатлений
ребяческой души, и с нею, этой
отдельной и личной родиной, он
приходит с годами к той большой
Родине, что обнимает все малые –
и в великом целом своём – для всех одна.
Александр Твардовский

Александра Николаевича Салмина в Батыревском районе Чувашской Республики знают, как учителя физики, директора школы и краеведа-энтузиаста, сделавшего многое для сохранения исторического наследия своей малой Родины.

Александр Николаевич Салмин родился 4 февраля 1947 года в деревне Старое Ахпердино Батыревского района Чувашской АССР в семье Марии Федосеевны Тестовой и Николая Осиповича Салмина. Александр Николаевич родился семимесячным, а случилось это потому, что его мать в феврале 1947 года пошла в гости к родителям. Перед домом родителей она увидела кучу дров и решила помочь им нарубить их. От тяжёлого труда у неё начались преждевременные роды и на свет появился маленький Санькка. По словам тётки Марфы Тимофеевны он был очень маленький, красненький, у него не было сил даже плакать. После рождения его мама

боялась брать на руки, так как он был недоношенным первенцем, поэтому в первые месяцы о нём заботилась тётка Марфа Тимофеевна. И для того, чтобы мальчик выжил, она, по традициям что были в их деревне, положила его в корыто для муки и до 10 месяцев держала на печи, пока он не сравнился по физическим показателям со своими ровесниками.

В 1954 он пошёл учиться в Староахпердинскую начальную школу. Первым учителем Александра Николаевича был Ксинафонт Егорович Хитров. Он учил детей не только читать и писать, но и привил им любовь к музыке. Каждый день он играл детям на аккордеоне, который приносил из дома. Примерно в это же время начал помогать своему отцу ветерану Великой отечественной войны инвалиду второй группы работать пастухом. Работа была тяжёлой для второклассника, приходилось самому готовить еду и стирать одежду. После окончания начальной школы в 1958 году, он поступил в Тойсинскую среднюю школу. В 1962 году Александр Николаевич закончил в данной школе 8 класс, после чего пошёл работать в колхоз «Гвардеец» Батыревского района, так как материальное положение семьи оставляло желать лучшего. Летом 1963 года он сдал экзамены для поступления в Цивильский животноводческий техникум и поступил в него, но родители не захотели его отпустить, а так как Александр Николаевич не мог ослушаться их, то остался в деревне. Желание учиться у юноши было очень сильное, тогда он обратился к дяде Василию Федосеевичу Тестову, с просьбой уговорить родителей разрешить продолжить учёбу, и дяде это удалось. Так в этом же году он продолжил обучение в Тойсинской средней школе.

В середине 60-ых годов XX века, особое внимание уделялось трудовому воспитанию подрастающего поколения. Так в годы учёбы в школе он получил профессии электрик сельской электрификации и каменщик, которые в жизни ему очень пригодились.

В 1965 году Тойсинская школа отмечала 125-летие. В честь этого события в школе проводилось много мероприятий, в том числе школьные олимпиады. Так Александр Николаевич с друзьями решил испытать свои знания в олимпиадах по физике, математике и химии. Для него оказалось большим сюрпризом то, что стал победителем по математике и физике, именно это подтолкнуло его к мысли о том, что нужно продолжать учёбу дальше. В 1966 году он начал собирать документы для поступления в институт, но военком Батыревского района подполковник Радаев не разрешил, так как осенью Александра Николаевича должны были призвать в ряды вооружённых сил советской армии. 28 августа 1966 года он начал работать в Тойсинской средней школе электриком. За короткий период работы в школе он запустил маленькую электростанцию, чтобы во время перемены в школе звучала музыка. 13 ноября 1966 года Александра Николаевича призвали в ряды вооружённых сил советской армии. После возвращения из армии, 8 мая 1969 года, он начал работать лаборантом в Тойсинской средней школе. Летом 1969 года он стал студентом Чувашского государственного педагогического института физико-математического факультета. В 1973 году на четвёртом курсе он поступил в Московский государственный заочный педагогический институт на тот же факультет, что и в ЧГПИ. 30 января 1971 года женился на своей однокласснице жительнице соседнего села Тойси Кудряшовой Елене Николаевне. В этом счастливом браке у них родилось трое детей: Алевтина, Алексей и Андрей. С 1976 года Александр Николаевич начал работать преподавателем физики в Тойсинской

средней школе. В 27 августа 1977 года был назначен директором восьмилетней Староахпердинской школы, с этой должности он уволился в 1982 году по состоянию здоровья. С 1982 по 1985 годы работал учителем физики и трудового обучения, а с августа 1985 года по июль 1989 года работал в должности заместителя директора по учебно-воспитательной работе в Тойсинской средней школе. Затем он перевелся в Староахпердинскую восьмилетнюю школу учителем физики и информатики.

В июле 1995 года Александра Николаевича назначили директором Староахпердинской средней школы. На этой должности он находился до августа 2003 года.

1999 году Староахпердинская школа отмечала свой 100-летний юбилей. В ходе подготовки к празднованию этого знаменательного события выпускники школы в лице Салмина Антона Кирилловича, Карягина Федора Александровича и Салмина Александра Николаевича задумали выпустить книгу к юбилею школы. Работа велась масштабная. Материалы для книги собирали из государственных архивов – Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Центрального архива Чувашской Республики (г. Чебоксары), Государственного архива Ульяновской области (г. Ульяновск), архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары), архива г. Буинск Татарской Республики и различных литературных источников. Так на свет появилась первая книга начинающего краеведа Салмина Александра Николаевича в соавторстве с односельчанами «Староахпердинской средней школе 100 лет» [1]. В книге собрана информация об учителях и учениках школы, а также были представлены их фотографии.

В 2010 году вышла книга, подготовленная Салминым Александром Николаевичем и Павловой Алевтиной Александровной «Асрах-çке эс, тăван кĕтес!» [2]. На основе архивных материалов и литературных источников раскрыты события и представлены персоналии со времени основания деревни Старое Ахпердино в 1634 году и до времени написания книги. В книге А.Н. Салмин изложил свою подробную биографию.

В 2013 году вышла книга «Ты в памяти у всех, родная сторона» [5]. В книге продолжены исследования и представлена большая кропотливая работа, проделанная авторами по составлению родословных известных семей, проживающих в данной местности до четырнадцатого колена.

В 2016 году на свет появилась книга «Их имена прославили деревню» [4]. В ней собрана информация, документы и фотографии земляков, прославившихся как на российском, так и на районном уровне.

В 2019 году была издана книга «Вспомним всех поимённо» [3], в которую вошли сведения об участниках Первой мировой, Гражданской, Советско-финской, Великой Отечественной войн и других военных действий – жителях населенных пунктов, входящих в состав Тойсинского сельского поселения Батыревского района – села Тойси, деревень Старые Тойси, Старое Ахпердино, Новое Бахтиарово, Козловка, Булаково, Татарские Тимяши, Малые Шихирданы. При работе над книгой стали воспоминания, собранные у односельчан, и документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) из базы данных портала «Память народа».

Александр Николаевич Салмин активно сотрудничал с районной газетой «Авангард», которые печатали его статьи.

Учитывая большой вклад в краеведческо-исследовательскую работу, Союз Чувашских краеведов в 2014 году присвоил А.Н. Салмину звания «Почетный краевед» и «Народный академик».

У Александра Николаевича были большие планы по изучению истории своей деревни. Но летом 2017 года его разбил инсульт и ему пришлось отказаться от исследовательской деятельности. Но несмотря на ухудшившееся состояние здоровья, Александра Николаевича часто приглашают в школу на встречу с учащимися. Его книги лежат на полках библиотек района. Ученики школ часто обращаются к его трудам для написания сочинений и рефератов о своей малой родине и известных его жителей. Благодаря огромной исследовательской работе, проделанной краеведом-энтузиастом Александром Николаевичем молодые батыревцы приобщаются к региональной истории.

Список литературы

1. Салмин А.К. Староахпердинской средней школе 100 лет / А.К. Салмин, А.Н. Салмин, Ф.Д. Каргин. – Чебоксары, 1966. – 96 с.

2. Салмин А.Н. Асрах-çке эс, тăван кĕтес! / А.Н. Салмин, А.А. Павлова. – Чебоксары: Новое Время, 2010. – 608 с.

3. Салмин А.Н. Вспомним всех поимённо… / А.Н. Салмин, А.А. Павлова. – Чебоксары: Новое Время, 2019. – 604 с.

4. Салмин А.Н. Их имена прославили деревню / А.Н. Салмин, А.А. Павлова. – Чебоксары: Новое Время, 2016. – 192 с.

5. Салмин А.Н. Ты в памяти у всех, родная сторона / А.Н. Салмин, А.А. Павлова. – Чебоксары: Новое Время, 2013. – 232 с.

Павлушков Александр Рудольфович
канд. ист. наук, доцент
ФКОУ ВО «Вологодский институт
права и экономики ФСИН»
г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/r-108440

ЗНАЧЕНИЕ УСТАВА ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация*: во второй четверти XIX столетия в организации церковного управления назрела необходимость серьезных изменений. Успешный опыт принятия Устава церковных консисторий в 1841 г. решал целый комплекс внутрицерковных проблем и одновременно стал предтечей государственных реформ в области судопроизводства. В статье рассматриваются причины принятия Устава духовных консисторий, а также его политико-правовые последствия. Главным итогом принятия документа стало введение единообразия в церковной организации, предметное разграничение церковной юрисдикции.*

Ключевые слова*: Устав духовных консисторий, Русская православная церковь, церковная организация.*

Устав духовных консисторий (далее Устав) – основополагающий документ Русской православной церкви, принятый в 1841 г. и регулировавший

различные стороны церковной жизни. Консистория осуществляла управление и контроль в епархии и являлась проводником политики Синода [4]. Поэтому принятие Устава имело принципиальное значение для жизни церкви. Он стал новым «духовным регламентом» епархиального управления по содержанию и порядку производства дел [8]. С одной стороны, в его основу был положен духовный регламент Петра I, закрепивший модель государственной церкви на основе подчинения ее государственным интересам, с другой стороны – четко регламентировался порядок производства церковных дел, что вносило больше ясности и определенности [3].

Документ в дальнейшем переиздавался, при этом принципиальные положения сохранялись без изменений [8]. Вместе с тем, с учетом принятых в середине 1860-х гг. судебных уставов потребовалась коррекция отдельных положений церковного документа. Повторное издание 1883 года включало не только уже известный текст, но и дополнения к нему. В новой редакции ставилась задача точного понимания смысла документа относительно проведенной судебной реформы. Наиболее широкое распространение получил Устав Духовных консисторий в редакции М.Н. Палибина (1900 г.). Правовед получил известность благодаря своей деятельности по систематизации российского законодательства. Глубокое знание законодательства позволило М.Н. Палибину синхронизировать Устав духовных консисторий с действующим законодательством посредством подробных комментариев. Новое издание вобрало в себя не только постановления Святейшего Синода и Правительствующего Сената, вышедшие после принятия Устава, но и включало соответствующие разъяснения к ним. В него вошли церковные новеллы относительно епархиального управления. Сам М.Н. Полибин писал, что переиздание Устава должно стать «практическим пособием, в котором сделаны указания на изменения в общем законодательстве» [6, с. 3].

Следовательно, документ предназначался не только для внутреннего церковного обихода, но и для широкого круга российского чиновничества, которому по роду службы приходилось взаимодействовать с учреждениями РПЦ. По собственному признанию правоведа, масштабная законотворческая деятельность государства и церкви создавала условия для безопасности человека. Либеральные установки М.Н. Полибина позволили более критично и рационально оценить взаимоотношения церкви и государства [2, с. 2].

В этом отношении решение духовного правительства о принятии Устава духовных консисторий было своевременным и новаторским шагом. Документ включал четыре раздела: общие положения, епархиальное управление, епархиальный суд и устройство консисторий (всего 364 статьи, объединенные в 17 глав по направлениям деятельности). В каждом разделе были вопросы, посвященные государственно-церковным отношениям. В первом разделе указывалось, что Устав опирался на действовавшие в стране узаконения [5, ст. 6]. Во втором разделе, посвященному епархиальному управлению, поднимались вопросы правоохраны церкви и православной веры. На епархиального архиерея возлагалась функция надзора за соблюдение «истины Православной веры во всей чистоте», что непосредственно соотносилось с Уставом о предупреждении и пресечении преступлений 1857 г., в котором 138 статей были направлены на защиту православной веры [7]. В частности, ст. 24 обязывала епархиальное

начальство при обнаружении фактов совращения в иноверие связывать с гражданскими властями для уголовного преследования обвиняемых. При этом церковь проводила экспертизу, а расследование осуществляли государственные органы дознания. Экспертное заключение церкви являлось основанием для судебного преследования, производимого светскими властями.

Еще более плотное взаимодействие церкви и государства, согласно Уставу, устанавливалось в вопросах регулирования семейно-брачных отношений, контроля со совершением богослужения, строительства церквей. В третьем разделе, посвященному епархиальному суду, регламентировались вопросы подсудности духовных и светских лиц. Приговор светского суда, вынесенный с нарушениями законов подсудности, подлежал отмене [6, ст. 148].

Непосредственно принятию Устава духовных консисторий предшествовала большая организационная и техническая работа. Реформирование церкви было направлено на создание единообразных органов территориального управления. В 1837 г. Святейший Синод инициировал проведение церковной реорганизации посредством подготовки и реализации рабочего проекта Устава духовных консисторий, который был апробирован в 1838 г. Эксперимент осуществлялся в епархиях в течение года. Архиереям давалось поручение дать оценку документу на предмет его полезности и выявить недостатки [1, с. 29]. Полученные замечания были учтены, и уже к концу 1840 г. Синод подготовил окончательную версию церковного законопроекта.

Одной из причин принятия Устава была необходимость придания церковному производству большей организованности. Порядок рассмотрения дел в церковном ведомстве происходил медленно и отличался формализмом. Судебное производство не имело единых четких требований, что порождало волокиту. В постановлениях Синода второй половины XVIII – первой половины XIX вв. неоднократно сообщалось на нарушения сроков отчетности и необходимости скорейшего рассмотрения бумаг. Подчеркнем, что аналогичные недостатки были типичны и для гражданских судебных инстанций. В судебных уставах гражданского судопроизводства 1864 г. указаны 26 замечаний, большая часть которых касалась бюрократизма [5]. В этом отношении Устав духовных консисторий 1841 г. был примером для реформирования государственных учреждений, поскольку характер и состав проблем были очень похожими.

Еще одной причиной принятия Устава были недостатки в поведении клира. Вопросы дисциплины духовенства были в центре внимания многочисленных заседаний Святейшего Синода. Несмотря на то, что клирики должны иметь безупречную репутацию и служить образцом для мирян, факты нарушений церковной дисциплины были вполне типичны. Об этом говорят решения епархиальных судов об административном наказании духовенства за различные проступки: пьянство, сквернословие, пропуск службы, грубость. Позиция церкви на этот счет была жесткой: «в клирике не терпимы грубые нравственные пороки и преступления: блуда, клятвопреступления, воровства, неисправимого пьянства, приверженности к азартным играм» [1, с. 46]. Устав духовных консисторий объединял многочисленные нормы по укреплению церковной дисциплины в один

законодательный пакет, где были систематизированы проступки и преступления и виды ответственности за их нарушение.

Таким образом принятие Устава духовных консисторий внесло в церковную организацию значительно больше порядка и ясности, способствовало укреплению служебной дисциплины, придало разрозненным нормам форму единого документа, где регулировались разнообразные вопросы деятельности церкви и ее взаимоотношения с государственными учреждениями. Для своего времени это был прогрессивный документ, свидетельствующий о желании церкви укрепить собственную корпорацию.

Список литературы

1. Бердников И.С. краткий курс церковного права Православно Греко-российской церкви / И.С. Бердников. – Казань: Императорский Казанский университет, 1888. – 488 с.

2. Палибин М.Н. Повторный курс полицейского права / М.Н. Палибин – 2-е изд. – СПб.: М.К. Мартынов, 1900. – С. 252 с.

3. Павлушков А.Р. Система церковных наказаний и епархиальный суд по Уставу духовных консисторий 1841 г. / А.Р. Павлушков // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: материалы всерос. научно-практич. конференции (Чебоксары, 8 октября 2021 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С. 181–185. – DOI 10.31483/r-99730. – EDN MQUOSF

4. Суворов Н.С. Учебник церковного права / Н.С. Суворов. – М.: А.А. Карцев, 1913. – 476 с.

5. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Основные положения гражданского судопроизводства. – Ч. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/15.html (дата обращения: 20.10.2023).

6. Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего и Правительствующего Сената / сост. М.Н. Палибин. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1900. – 232 с.

7. Устав о предупреждении и пресечении преступлений, дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1868, 1869, 1871 годов с разъяснениями по Уложению о наказаниях, изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – М.: Тип. т. Рис, 1872. – 159 с.

8. Цыпин В. Духовная консистория / В. Цыпин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravenc.ru/text/консистория.html (дата обращения: 20.10.2023).

Петрикова Ксения Алексеевна
студентка
Научный руководитель
Александрова Елена Александровна
ассистент преподавателя

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

МЕТОДОЛОГИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ИКОНЫ «СКОРБЯЩАЯ РАДОСТЬ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ»

Аннотация*: статья посвящена исследованию иконы «Скорбящая Радость Пресвятыя Богородицы» второй половины XIII – начала XIX века из Свято-Покровского женского монастыря города Суздаль. Авторами изучены особенности памятника и представлен результат работ по восстановлению целостности и художественного образа иконы.*

Ключевые слова*: икона, богородица, жук точильщик.*

Икона «Скорбящая Радость Пресвятыя Богородицы» неизвестного автора передана на реставрацию в 2021 году из Свято-Покровского женского монастыря города Суздаль. Данное место является постоянным местом хранения иконы. (рис. 1).

Условия хранения памятника не являлось соответствующим для его благоприятного сохранения. По данным визуального исследования видно, что основа памятника имеет многочисленные отверстия жука-точильщика, в утраченных пазах шпонок засиды жизнедеятельности жуков. Также оборотная сторона загрязнена поверхностным стойким белым загрязнением предположительно краской. На лицевой стороне иконы наблюдаются многочисленные утраты красочного слоя и грунта до основы иконы. В верхней правой части иконы с лицевой стороны имеется трещина с утратой красочного слоя и грунта до основы (рис. 2).

Уникальность проведенной работы определяется наличием большого количества летных отверстий жука точильщика. Также обнаружена надпись на обороте – клеймо мастера старославянской письменности (предположительно глаголица имеющее расшифровку «Р»). Клеймо размером 3,5 см. х 4,5 см., выполнено, предположительно, краской черного цвета (рис. 3).

В центре иконы изображена Богоматерь с молитвенно воздетыми руками. По обе стороны от Богоматери изображения ангелов и страждущих. Над изображением ангелов надписи: «Нагим одеяния» и «Больным исцеление». На верхнем поле иконы написано именование иконы «СкорбящиаРатъПретбаБцы». По обе стороны от нее изображены страждущие под изображением ангелов. Над Богоматерью изображен Спас на Убрусе. Поля светло-охристые. На изображениях ликов, рук и тел преобладает темный коричневый цвет. Мафорий и плат в руках ангела имеют бежевый оттенок. В изображенных одеяниях преобладают красные, черные и светло-охристые цвета [1].

Икона «Всех скорбящих радость» является одной из самых известных и популярных икон в православии. Она изображает Всемилостивую Матерь Божию, внизу которой изображены угнетенные и страждущие люди, обращающиеся к ней за помощью и утешением. Эта икона является символом надежды, утешения и радости для всех, кто испытывает тяжелые времена и скорбь. Она напоминает, что Божья Матерь всегда готова принять и утешить всех, кто обращается к ней с верой и терпением [2].

В православной традиции икону «Всех скорбящих радость» часто привлекают во время богослужений, молитв и церковных обрядов, чтобы сосредоточиться на благодати, утешении и надежде, которые она символизирует. Значение иконы Богородицы «Всех скорбящих Радость» заключается в том, что дорога к Богу открыта для каждого. Богородица сострадает каждому из нас и просит своего Божественного сына о снисхождении к нашим грехам. Господь милостив и прощает нас, грешных несмотря на то, что каждым неблаговидным поступком мы умножаем его страдания [3].

Стилистические особенности данной иконы заключаются в изображении святых в определённых позах и одеждах, святость изображённых подчёркивается нимбами, отсутствие определённого источника освещения, падающих теней (объём создаётся графикой), стилизуют пропорции человеческого тела и складки одежд.

В последней четверти XVIII столетия формируется абсолютно новое направление в иконописи, где произошел отход от традиций Оружейной палаты и обращение к художественным принципам традиционной иконы, еще не затронутой новациями живоподобного стиля второй половины XVII века. Данное направление, по сравнению с ориентированным на Оружейную палату, условно можно назвать архаизирующим.

Художественный язык данной новой манеры весьма убедителен и отточен. Присущая классицизму формальная строгость, стремление к графичности, отказ от пространственных эффектов, локальность цвета. Лики стали менее объемными, зачастую абсолютно утратив иконописные черты живоподобия. Возросла значимость рисунка, глубинность пространства ушла на второй план или вовсе пропала, небесный фон изменился на охристый или золотой. Поля приобрели охристый оттенок. Красочная палитра строится на сочетании локальных тонов, приглушенных или наоборот, светлых и интенсивных.

По-видимому, решающую роль в его возникновении сыграли старообрядцы. которые при Екатерине II перестали подвергаться притеснениям. Добившееся к концу XVIII века крупных экономических успехов. старообрядческое купечество обеих столиц, особенно московское, где при Рогожском и Преображенском кладбищах были разрешены первые старообрядческие общины, стало одним из крупнейших заказчиков иконописи, в которой его эстетические пристрастия стали определяющими. Приверженность ревнителей старой веры традиционному письму в соединении с художественными принципами классицизма дала начало оригинальному и чрезвычайно жизнеспособному направлению в поздней русской иконописи [4].

Икона написана неизвестным художником, предположительно вторая половина XVIII в.– начало XIX века, о чём свидетельствует технология создания и стиль произведения (как было упомянуто выше). Был использован меловой грунт и бумажная паволока (что характерно для XIX века). Стиль живописи упрощённый и не детализированный.

Красочный слой удовлетворительно связан с грунтом. Наблюдаются диагональные и продольные царапины красочного слоя по всей поверхности иконы.

Предварительно перед началом реставрационных работ было проведено визуальное обследование памятника, составлено подробное описание его состояния сохранности до реставрации и проведены лабораторные исследования, на основании которого составлялся план консервационно-реставрационных работ. Реставрационным советом была утверждена программа мероприятий по восстановлению памятника. Реставрация была проведена на иконе «Скорбящая Радость Пресвятыя Богородицы». В процессе реставрации была проведена дезинсекция основы с оборотной и лицевой стороны иконы. Оборотная сторона было почищена от поверхностных и стойких загрязнений, были фрагментарно восполнены и тонированы утраты основы памятника. Расчищена лицевая сторона картины от поверхностных загрязнений. Фрагментарно подведён реставрационный грунт в места утрат красочного слоя и грунта. Утоньшен старый покрывной шеллачный слой лака. Тонированы утраченные фрагменты живописи. Произведена реконструкция утраченных изображений иконы. Икона покрыта защитным слоем лака и подготовлена к экспонированию.

После проведённой реставрации общий вид изображения на иконе приобрёл более яркий, целостный и законченный вид. Изображения на иконе стали светлее и выявился их первоначальный вид (рис. 4).

Подводя итоги работы, можно сделать несколько выводов. Вначале следует отметить, что в результате проведенного исследования была проведена атрибуция памятника, где были рассмотрены стилистические особенности иконы, что также позволило уточнить иконографию в процессе сбора и анализа иконографического материала. Определение степени сохранности памятника, а также результаты проведения технико-технологического исследования произведения позволили выделить основные дефекты и повреждения иконы, дать характеристику состояния всех слоев живописного произведения и на этом основании составить и провести перечень реставрационных мероприятий.

В итоге консервационно-реставрационных работ на иконе были успешно проведены, тем самым стабилизировав состояние памятника, вернув экспозиционный вид. По окончании консервационно-реставрационных работ икона была передана в храм, где в дальнейшем может использоваться в его обиходе.

Приложение

Рис. 1. Общий вид лицевой стороны иконы до и после реставрации

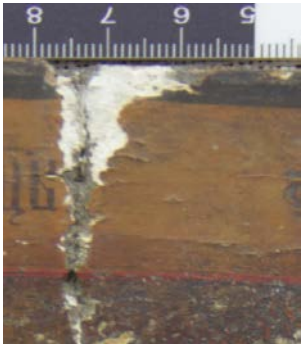


Рис. 2. С лицевой стороны иконы трещина с утратой красочного слоя и грунта до основы

Рис. 3. Надпись на обороте клеймо мастера старославянской письменности

Рис. 4. Общий вид лицевой стороны иконы после реставрации

Список литературы

1. Богоматерь «Всех скорбящих Радость» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iconrussia.ru/iconography/421/?icon=1 (дата обращения: 1.07.2023).

2. Комашко Н.И. Богоматерь «Всех скорбящих Радость» / Н.И. Комашко // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. – 2004. – №1–2 (14). – С. 22–34.

3. Икона Божьей Матери «Всех скорбящих Радость»: значение, в чем помогает икона Богородицы для скорбящих [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/36DHQ2 (дата обращения: 1.07.2023).

4. Комашко Н.И. Русская икона XVIII века / Н.И. Комашко. – М.: Агей Томеш, 2006. – 340 с. – ISBN 5–91002–001–3. EDN QXVDBP

Руднева Светлана Евгеньевна
д-р ист. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Российский
университет транспорта»
г. Москва

DOI 10.31483/r-108241

ТОПЛИВНЫЙ КРИЗИС В МОСКВЕ В 1917 ГОДУ

***Аннотация**: в статье рассмотрена проблема топливного кризиса в Москве летом 1917 года, в условиях продолжавшейся Первой мировой войны, в сложный период после Февральской революции 1917 года в России. В обстоятельствах военного времени, в промышленности концентрировались все организующие нити, обеспечивавшие целостность народного организма, сопротивляемость различным разрушительным явлениям. В стране наблюдалось падение производительности промышленности. Другим важнейшим вопросом в торгово-промышленной политике являлся вопрос о топливе, осложнявшийся расстройством транспорта. Непростая ситуация с топливом к лету 1917 г. сложилась в Москве. В исследовании использованы методы научного поиска: конкретно-исторический, проблемно-хронологический, систематизации и сравнительного анализа материала. Проанализированы многочисленные попытки выхода из кризиса в связи с угрожающим недостатком топлива для Москвы. Показано, что имущественные и классовые противоречия революционного периода многократно усложняли решение обострившихся проблем.*

***Ключевые слова**: топливный кризис, Первая мировая война, особое совещание по топливу, Февральская революция 1917 г., Донецкий бассейн, угольная монополия, С.Н. Прокопович.*

В результате Февральской революции 1917 г. в России произошло обрушение прежних устоев, настал иной порядок вещей [1, с. 149], сказавшийся на всех сторонах жизни [2, с. 149], в том числе и на вопросе о топливе. «К лету 1917 г. в России дело топлива находилось в состоянии реорганизации старого наследия с целью возможного увеличения добычи всех родов топлива. К этому стремлению относились меры хозяйственного характера: широкое развитие операций по заготовке леса для снабжения дровяным топливом, не только для домашних нужд, но и для нужд большой промышленности; разработка горючих сланцев ревельского района; развитие разработки угля подмосковного бассейна, на Урале, возле Елисаветграда и т. д.; помощь частным предприятиям предоставлением военнопленных и денежных субсидий; организация перевозки и доставки материалов» [3, с. 175].

28 июля 1917 г. в Москве состоялось заседание городского комитета по топливу. В заседании был рассмотрен вопрос о дальнейшем существовании и деятельности комитета. Городской управой тогда было вынесено постановление о том, что распределительным органом по топливу должна быть или сама управа или малое присутствие управы (4–5 членов управы во главе с товарищем городского головы). Поэтому никакая распорядительная функция городскому комитету по топливу не должна была принадлежать. Комитет по топливу управа предполагала составить наподобие думских комиссий с совещательным голосом, причем состав комитета

планировалось сконструировать по чисто деловому принципу. Следовательно, все функции городского комитета по топливу переходили к отделу топлива при городской управе [4, с. 151]. Во главе отдела должен был стоять один из членов управы, заведующий топливным делом, который, как предполагалось, будет назначен правительством уполномоченным по топливу. Это соображения по обсуждении комитетом были признаны правильными [5, с. 4].

29 июля 1917 г. из Москвы выезжала в Донецкий бассейн делегация представителей от Москвотопа, от Земгора, от Советов рабочих депутатов [6, с. 111–116] и промышленников [7, с. 118–129] для урегулирования выработки и доставки в московский район топлива Донецкого бассейна [8, с. 183–189]. В Харькове к делегации присоединялись представители Петрограда и Харькова. В Донецком бассейне все делегаты должны были разбиться на несколько групп и объехать наиболее крупные рудники для выяснения на месте условий выработки и агитации среди рабочих. Поездка делегации должна была продлиться более двух недель [9, с. 35–43].

Также 29 июля 1917 г. в помещении 3-й мужской гимназии на Большой Лубянке открыл свои занятия Съезд представителей губернских и уездных комитетов по топливу от 15 губерний [10, с. 4]. Присутствовали более 80 представителей уездных и губернских комитетов по топливу и представители различных общественных организаций [11, с. 140–151]. Председательствовал профессор К.В. Кирш. Съезд открылся докладом профессора К.В. Кирша о положении топливоснабжения. В докладе Кирш отмечал недостаток всех видов топлива и недостаток подвоза топлива вследствие расстройства транспорта [12, с. 21–24]. Докладчик приходил к заключению о необходимости сокращения потребления топлива и остановился на целом ряде необходимых мер.

И.В. Мозжухин сделал доклад об организации дровоснабжения. По мнению докладчика, кризис топлива сводился к недостатку самого топливного материала и подвоза его [13, с. 358–364]. Меры борьбы с кризисом он предлагал следующие: усиление заготовок топлива вообще, усиление заготовок его вблизи мест потребления, сокращение потребления, правильное и равномерное распределение топлива.

На пути осуществления поставленных задач, по мнению докладчика, встретились следующие препятствия: центральных орган топливоснабжения реорганизован на началах, неприемлемых для демократической России [14, с. 106–110]. Между комитетами по топливу, продовольствию, земельными, исполнительными, лесными отделам и «Центролеса» во многих местах всё еще не установилось дружного взаимодействия и согласованности в работе [15, с. 35–44]. Во многих местах всеми этими организациями принимались меры борьбы с кризисом топлива, явно не отвечавшие существу поставленных задач перед всей страной, а именно: запрещение вывозов, задержка и реквизиция дров, выгрузка мимо идущих баржей, самовольная рубка леса, обложение дров без общего плана, введение такс и т. п. Всё это в корне подрывало план заготовок топлива.

Далее докладчик заявил, что изданный 12 июня 1917 г. закон о воспрещении крепостных сделок на недвижимость грозил приостановить всю лесную промышленность [16, с. 11–19]. Все эти недостатки предлагалось немедленно устранить. Смягчение топливного кризиса было возможно только при условии подчинения всех местных интересов и организаций

общему плану и воздержание их от единоличных и неправомерных мероприятий в области регулирования топливоснабжения [17, с. 4].

Одним из важных мероприятий стала государственная монополя торговли донецким топливом, которая 1 августа 1917 г. вводилась в России. В ходе Первой мировой войны процесс расширения государственного хозяйства глубоко внедрился во всех европейских странах. Предполагалось, что после войны это ведение государственного хозяйства усилится, монополии будут иметь огромное фискальное и социальное значение. «В цены на продукты легко смогут быть включены налоговые элементы; объединение же в руках государства всей торговли или добычи продуктов даст ему возможность планомерно влиять, с одной стороны, на распределение его в стране в интересах социальной справедливости и правильного, соответствующего интересам развития производительных сил станы, распределения его между отдельными отраслями промышленности; с другой стороны, в противоположение классовой борьбы, пойдет, как полагают англичане, классовая кооперация, деятельность которой будет направлена к повышению производительности в интересах государства, куда будут втекать интересы отдельных классов» [18, с. 1].

В России в тот период угольная монополия имелась «исключительно, так сказать, продовольственная». Цель монополии состояла в обеспечении топливом, ввиду его крайнего недостатка, предприятий, имевших, по соображениям переживаемого времени, особенно важное значение. Введение этой монополии было сложным явлением. Особенно трудным представлялось финансирование угольных предприятий, у которых оборотные средства были совершенно истощены. Аппарат, регулировавший эту монополию, был чрезвычайно сложным, и на руководителей монополии ложилась огромнейшая и ответственнейшая работа перед страной.

В ходе Первой мировой войны было создано и с 17 августа 1915 г. функционировало Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения [19, с. 400–405], государственных и общественных учреждений и предприятий, работавших для целей государственной обороны (Особое совещание по топливу, Осотоп) – комиссия смешанного состава, созданная для управления производством и распределением топлива. Временное правительство предоставило председателю Особого совещания по топливу полномочия объявлять продажу минерального топлива исключительно правом казны, изложив это следующим образом. Председателю совещания в порядке, указанном статьями 10 и 11 положения, предоставлялось объявлять продажу добываемого Россией твердого и жидкого минерального топлива во всех или некоторых видах исключительным правом казны с предоставлением права распоряжения устанавливать сроки и определять цены, которым топливо приобреталось казной, а также цены, по которым топливо отпускалось потребителям; принимать все меры для приведения в действие общей и частичной продажи топлива; издавать обязательные постановления, правила и наказы и ввести в действие это постановление до обнародования правительствующим сенатом [20, с. 2].

После того, как 1 августа 1917 г. во всей России вводилась монополия твердого минерального топлива, согласно новому порядку председатель Особого совещания по топливу два раза в год должен был издавать списки отраслей промышленности и групп потребителей топлива [21, с. 365–371], с указанием степени важности их с государственной точки зрения. Это списки

предполагалось положить в основу деятельности районных организаций по топливу при распределении его между потребителями [22, с. 2].

4 августа 1917 г. Совет съездов горнопромышленников юга России представил министру торговли и промышленности докладную записку, являвшуюся ответом на выраженное министром пожелание получить от съезда горнопромышленников указания на конкретные меры, которые должны быть приняты Временным правительством для усиления производительности Донецкого бассейна [23, с. 335–342]. «Дайте нам, – пишут горнопромышленники, – хорошую политику и мы вам дадим хорошую экономику в Донецком бассейне. Прежде всего необходимо, – продолжают они, – прекратить дальнейшее развращение и разложение рабочего класса существующими политическими рабочими организациями (Совет рабочих депутатов и проч.), а равно и отдельными лицами, которые продолжают громко провозглашать лозунги классовой борьбы с капитализмом, капиталистами и буржуазией. И темные массы действительно борются с предпринимателями, и притом самым захватным образом, путем всякого рода насилий. Совершенно необходимо, чтобы лозунги классовой борьбы были заменены лозунгами согласования классовых интересов, на благо как родины, так и отдельных классов. Необходимо, чтобы Временное правительство, проводя те или иные законы или мероприятия, тщательно обсуждало их с той точки зрения, не вносят ли они новой разрухи и разложения в промышленную жизнь [24, с. 289–294]. Некоторые правительственные законопроекты, как, например, о стачках и забастовках, об обеспечении рабочих на случай болезни, несомненно внесут новый элемент разложения в рабочую среду, а потому необходимо приостановить эти законопроекты и вновь обсудить их с широким участием промышленников» [25, с. 2].

Указывая далее, что в Донецком бассейне совершенно отсутствовали личная безопасность и неприкосновенность собственности, горнопромышленники настаивали на необходимости осуществления на местах действительно крепкой власти правительства, опиравшегося на быстрый нелицеприятный суд, а в надлежавших случаях и на вооруженную силу. Пагубное влияние на производительность имело также введение восьмичасового рабочего дня и непомерный рост заработной платы. По мнению промышленников, настоятельной была необходимость гласного вмешательства государства в этот вопрос, в целях недопущения дальнейшего роста заработной платы. Отрицательное влияние на положение промышленности оказывали еще местные Советы рабочих и солдатских депутатов, присвоившие себе права и функции правительственной власти. В состав этих Советов входили люди, не имевшие ничего общего с рабочим классом и его интересами. Поэтому, считали горнопромышленники, совершенно уместно было издание специального закона о профессиональных союзах, составленных таким образом, чтобы в них был закрыт доступ всякого рода демагогам [26, с. 2].

Состоявшийся 3–5 августа 1917 г. Второй Всероссийский Торгово-промышленный съезд в Москве по вопросу о топливе признал необходимым Особое совещание по топливу, его секции и отделы, а также состав местных совещаний при уполномоченном по топливу пополнить представителями от потребляющей промышленности, в количестве не меньше числа членов совещаний от добывающей промышленности [27, с. 4]. 7 августа 1917 г. член городской управы С.А. Харитонов возвратился из Петрограда,

куда он ездил для выяснения вопросов в связи с угрожающим недостатком топлива для Москвы. Он получил разрешение использовать 13 лесосек удельного ведомства. С.А. Харитонов вместе с уполномоченным по топливу в Москве К.В. Киршем посетили министра торговли и промышленности С.Н. Прокоповича, перед которым ходатайствовали, чтобы открытые недавно уездные комитеты по топливу были признаны государственными учреждениями. Они также просили разрешить рубку леса, закупленного городом в латифундиях Владимирской и Рязанской губерний. Эти ходатайства были разрешены, причем последнее ходатайство предполагалось удовлетворить, если губернские земельные комитеты против этого не стали бы возражать [28, с. 4].

Министр торговли и промышленности С.Н. Прокопович 1 августа 1917 г. в беседе с представителями печати изложил свой взгляд на ближайшие задачи министерства. Основным вопросом момента он считал падение производительности российской промышленности [29, с. 9–14]. Другим основным вопросом в торгово-промышленной политике он назвал вопрос о топливе. Положение с топливом в Петрограде он назвал в общем удовлетворительным. Лучше всего обстояло дело с нефтью, подвоз дров к столице также был несколько выше прошлогоднего. В Москве дело обстояло хуже, поскольку Москва вынуждена была обходиться одним железнодорожным транспортом [30, с. 30] и не было возможности доставлять дрова водным путем [31, с. 4].

Итак, предпринимались активные попытки разрешения топливного кризиса в Москве летом 1917 г. Однако, имущественные и классовые противоречия революционного периода многократно усложняли решение обострившихся проблем.

Список литературы

1. Руднева С.Е. Из истории Предпарламента (1917 г.) / С.Е. Руднева // Отечественная история. – 2005. – №6. – С. 122–127. EDN OPKMXP

2. Руднева С.Е. Временное правительство и конструирование Предпарламента / С.Е. Руднева // Вопросы истории. – 2003. – №2. – С. 149.

3. Руднева С.Е. К вопросу о топливе в России в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13. №1А. – С. 174–182. DOI: 10.34670/AR.2023.50.30.018. – EDN OKYLJR

4. Руднева С.Е. Делегация Московской городской думы на Демократическом совещании (сентябрь 1917 г.) / С.Е. Руднева // Вопросы истории. – 1997. – №11. – С. 151. EDN VCIOFJ

5. Утро России. 29.07.1917. – С. 4.

6. Руднева С.Е. Учреждение Союза инженеров путей сообщения в 1917 году / С.Е. Руднева // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – Т. 8. №3А. – С. 111–116. EDN LMHFXO

7. Руднева С.Е. Третий Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2023. – С. 118–129.

8. Руднева С.Е. Проблема горного дела в России в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13. №1–1. – С. 183–189. – DOI 10.34670/AR.2023.82.61.019. EDN TLPHUD

9. Руднева С.Е. Транспорт и власть в России в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13. №8А. – С. 35–43. DOI: 10.34670/AR.2023.87.93.004.

10. Утро России. 29.07.1917. – С. 4.

11. Руднева С.Е. Вопрос о районных экономических комитетах в 1917 году / С.Е. Руднева // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сборник научных статей Всероссийской научной конференции. – СПб., 2022. – С. 140–151. – EDN LSDCPD

12. Руднева С.Е. Всероссийский учредительный железнодорожный съезд в Москве (1917 г.) / С.Е. Руднева // История и перспективы развития транспорта на севере России. – 2014. – №1. – С. 21–24. EDN SEOWID

13. Руднева С.Е. Комиссия о новых железных дорогах в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. №5–1. – С. 358–364. – DOI 10.34670/AR.2020.21.97.041. EDN MIIKBM

14. Руднева С.Е. Первый делегатский съезд Союза инженеров путей сообщения в 1917 году / С.Е. Руднева // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – Т. 8. №2А. – С. 106–110. EDN BLQXJI

15. Руднева С.Е. Проблемы снабжения России древесным топливом в 1917 году / С.Е. Руднева // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. №7А. – С. 35–44. DOI:10.34670/AR.2023.86.82.004.

16. Руднева С.Е. Вопрос об обеспечении России древесным топливом в 1917 году / С.Е. Руднева // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. №4–1. – С. 11–19. DOI: 10.34670/AR.2023.46.64.001. – EDN BQPDTG

17. Утро России. 30.07.1917. – С. 4.

18. Торгово-промышленная газета. 1.08.1917. – С. 1.

19. Руднева С.Е. Топливо и железные дороги России в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. №1–1. – С. 400–405. – DOI 10.34670/AR.2020.91.1.044. EDN GHZMFJ

20. Утро России. 1.08.1917. – С. 2.

21. Руднева С.Е. Финансирование новых казенных и частных железных дорог в России в 1917 году / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. №5–1. – С. 365–371. – DOI 10.34670/AR.2020.95.53.042. EDN FAEEGN

22. Утро России. 2.08. 1917. – С. 2.

23. Руднева С.Е. Планы развития железнодорожной сети России на рубеже 1916–1917 годов / С.Е. Руднева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 11. №10–1. – С. 335–342. – DOI 10.34670/AR.2021.51.34.036. EDN GJBMHK

24. Rudneva S.E., Novozhilov A.M. Special commission on the development of railway service Charter in 1917 // Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. – 2019. – Т. 4. №13. – С. 289–294. EDN WEQPUT

25. Утро России. 5.08.1917. – С. 2.

26. Утро России. 5.08.1917. – С. 2.

27. Утро России. 6.08.1917. – С. 4.

28. Утро России. 8.08.1917. – С. 4.

29. Руднева С.Е. Вопрос о перспективах демобилизации промышленности России в 1917 году / С.Е. Руднева // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. №1–2-1. – С. 9–14. – DOI 10.34670/AR.2023.94.54.001. EDN NFYBYF

30. Агавелян Н.Г. История становления и развития медико-санитарной службы на железнодорожном транспорте России / Н.Г. Агавелян, Е.В. Аджигитова, О.А. Артамонова [и др.]. – М., 2016. – С. 30. EDN VHJCAC

31. Утро России. 1.08.1917. – С. 2.

Семенченко Ирина Васильевна
д-р ист. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет)»
г. Златоуст, Челябинская область
Коваль Ирина Ивановна
канд. ист. наук, доцент
Филиал ФГКВОУ ВО «Военный
учебно-научный центр
Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия
им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Минобороны России
г. Челябинск, Челябинская область

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА УРАЛЕ В 1917–1918 гг.

***Аннотация**: в статье раскрывается процесс развития профессионального образования на Урале в период 1917–1918 годов. Особое внимание уделяется характеристике ремесленных школ и училищ, сельскохозяйственных школ, фельдшерско-акушерских и ветеринарно-фельдшерских школ, а также специализированных учебных заведений. Существенную роль в организации и материальной поддержке данным учебным заведениям играли органы местного самоуправления – земства.*

***Ключевые слова**: профессиональное образование, ремесленные училища, земство, мастер производственного обучения, материально-техническая база.*

Профессиональное образование всегда играло и играет большую роль в государстве. Всем известно, что развитие профессионального образования напрямую связано с потребностью экономики страны в высококвалифицированных кадрах. Многие известные личности в своей жизни прошли через систему профессионального обучения. К примеру, Юрий Алексеевич Гагарин учился сначала в ремесленном училище, а затем поступил в Саратовский индустриально-педагогический техникум и получил специальность – мастер производственного обучения.

Обратимся к истории развития профессионального образования. В 1914–1915 гг. в России насчитывалось всего 1419 профессиональных учебных заведений, в которых обучалось 93,2 тыс. человек [1, с. 46]. На Урале, как в целом и по стране, профессиональное образование до Великой Октябрьской революции было развито недостаточно. Профессиональные школы вообще и ремесленные училища в частности, во-первых, являлись дорогостоящими заведениями, во-вторых, в них училось малое число учащихся, в-третьих, система бюрократизма была чрезмерной. В результате всех этих недостатков данные учебные учреждения не могли подготовить требуемое для региона количество опытных мастеров.

Эту важную проблему пытались решить местные органы власти – земства. Например, Оренбургское уездное земство провело в 1917 году ряд собраний, посвящённых рассмотрению нехватки опытных кадров в уезде. Оно признало свою ошибку в том, что долгое время занималось организационной работой по открытию начальных школ и не уделяло должного внимания профессиональному образованию. Теперь же земство занялось разработкой плана открытия ремесленных учебных заведений.

Временное правительство не осталось безучастным в решении этой важной проблемы. Оно приняло ряд постановлений, согласно которым местные органы власти должны самостоятельно решать, какого профиля учебные заведения открывать в своём уезде.

Для того, чтобы не ошибиться в своих решениях, земские управы Урала повсеместно разработали анкеты с необходимыми вопросами и предъявили их волостным правлениям. Анкеты содержали следующие вопросы: 1) Какие промыслы характерны для вашего региона? 2) Потребность в каких специалистах вы испытываете? 3) Какой тип профессионального учебного заведения вам нужен? 4) Как население относится к открытию такого рода заведений? 5) Какие организации и учреждения, частные лица могут оказать материальную помощь в открытии профессиональных учебных заведений?

После получения ответов на вопросы анкеты волостными правлениями, земства сразу приступили к разработке планов по открытию профессиональных учреждений. Например, к Оренбургскому земскому собранию с большой просьбой обратилось Александровское судебно-сберегательное товарищество о создании в селе ремесленной школы. В ходатайстве говорилось, что ремесленная школа должна организовать 2 отделения – столярно-мебельное и слесарно-кузнечное. В итоге Оренбургское земское собрание постановило открыть в селе Александровке Добринской волости ремесленную школу и выделить на оборудование этой школы и оплату учителям 6100 рублей. Основные же расходы (3/4) брало на себя Министерство народного просвещения [2, л. 32]. А само же Александровское товарищество должно было предоставить мастерские в ремесленную школу. В 1918 году данная ремесленная школа была открыта и готовила в полном объёме необходимых региону специалистов.

Оренбургское уездное земство приложило много сил для открытия Михайловской и Судьбодаровской ремесленных школ, в которых имелись такие отделения, как деревообделочное, слесарно-кузнечное, а также отделение по обслуживанию сельскохозяйственных машин и сельскохозяйственных орудий труда. Кредитные товарищества предоставили свои мастерские ремесленным школам, а Оренбургское земское собрание выделило материальную помощь в размере 12200 рублей [2, л. 33].

Добринское кредитное товарищество тоже обратилось с ходатайством к Оренбургскому земскому собранию по поводу открытия в своём селе ремесленной школы. Она должна была иметь отделения: сапожно-башмачное, столярное, кузнечное, экипажное. Земское собрание одобрило это предложение и выделило из своих средств 6000 рублей на ремесленную школу, которая начала свою работу в марте 1918 года [2, л. 34].

Кроме ремесленных школ земства открывали и сельскохозяйственные школы. Наиболее известными из них были сельскохозяйственные школы в сёлах Таловском и Спаском Оренбургского уезда. Эти школы имели

2 обязательных класса и 3-й дополнительный (необязательный). В эти школы принимались дети 14–18 лет, которые уже на момент поступления окончили начальную школу. Как правило, учебный процесс длился в одном классе 6 месяцев (с 1 октября по 1 апреля). Затем проводились практические занятия на полях, опытных участках, садах и огородах. Они продолжались с 1 апреля по 15 сентября. Летние каникулы составляли 1 месяц. В каждом классе обучалось по 30 человек. Самое главное, что обучение было бесплатным. В сельскохозяйственной школе преподавали следующие предметы: математику, русский язык, общее земледелие, растениеводство, огородничество, садоводство, основы природоведения, молочное хозяйство, лесной промысел, пчеловодство. Оренбургское уездное земство ассигновало на содержание сельскохозяйственных школ 11700 рублей [2. л. 35].

Серьёзный вклад в развитие профессионального образования в регионе внесло Челябинское уездное земское собрание. Оно провело ряд заседаний, посвящённых необходимости открытия ряда ремесленных школ в Челябинском уезде. На этих заседаниях не раз выступал заведующий школьным отделом А.А. Стакан, который подчёркивал значимость развития профессионального образования на Южном Урале, что это диктуется временем и разнообразием сфер экономики. В итоге в ноябре 1917 года были открыты ремесленные школы в Чумляке и Метелёве. В Чумлякской ремесленной школе были организованы 2 отделения – столярное дело и слесарно-кузнечное, а в Метелёвской – портняжное дело. Кроме того, в Челябинске открылись технические школы. Для работы во все эти учебные заведения были приглашены специалисты по профессиональному образованию.

Челябинское уездное земство открывало и специальные учебные заведения. В частности, оно наладило деятельность высшего фельдшерского начального училища, эвакуированного из Вильны (Прибалтика) в село Кипель в 1918 году.

Оренбургское уездное земство в краткие сроки организовало работу фельдшерско-акушерской и ветеринарно-фельдшерской школ, на работу в которые были приглашены опытные врачи и ветеринары. На первую школу земство потратило 31010 рублей, а на вторую – 5675 рублей [2, л. 2].

Уфимское уездное земство проводило колоссальную работу по организации и укреплению материально-технической базы, финансовой поддержке специальной школы для глухонемых. Эта специализированная школа бала открыта в Уфе.

Кроме открытия новых профессиональных школ уральские земства поддерживали материально и морально старейшие учебные заведения, такие как Златоустовское механико-техническое училище, открытое ещё в 1895 году, а также Симское (1898 г.), Миасское (1899 г.), Челябинское (1903 г.) и др. В этих ремесленных училищах работали высококвалифицированные мастера производственного обучения, которые готовили специалистов различных технических направлений.

Следовательно, в период 1917–1918 годов на Урале, с помощью местных органов самоуправления создаётся прочная система профессионального образования, которая готовит высококвалифицированные кадры для различных отраслей народного хозяйства.

Список литературы

1. Леднев В.П. Профессионально-педагогическое образование Урала в 1917-1940 гг./ В.П. Леднев, Г.С. Гоголева // Образование и наука. – 2003. – №2 (20). – С. 46–67. – EDN PJHLPR

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 237.

Сивкина Наталья Юрьевна
д-р ист. наук, профессор
Гусева Анастасия Сергеевна
студентка

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ХРАМОВЫЕ ОБЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РАННИХ СЕЛЕВКИДОВ

Аннотация*: в статье проводится анализ комплекса экономических мер, выработанных ранними Селевкидами для защиты государственных интересов. Авторы пришли к выводу, что предложенные меры, хотя и не являются частью продуманной экономической политики первых царей, показали свою эффективность. Базируясь на принципах уважения и невмешательства во внутренние дела храмов, Селевкиды укрепили собственную власть в регионе и достигли значительных военных успехов.*

Ключевые слова*: Селевк, Антиох, Селевкидская держава, храмовые общины, религиозная политика.*

В ходе войн диадохов Селевк Никатор, изгнанный ранее из Вавилонии, смог вернуться в эту сатрапию в 312 г. до н.э. Перед ним стояло несколько задач: следовало укрепить свою власть в регионе и присоединиться к коалиции преемников Александра, созданной для борьбы с Антигоном Одноглазым. Реализация этих целей требовала значительных финансовых затрат, в первую очередь, для жалованья греческим наемникам. Сатрапия, доставшаяся основателю династии Селевкидов, обладала большими природными ресурсами и населением, но при этом доходы правитель часто получал в натуральной форме. С одной стороны, это было выгодно, поскольку при подобном подходе армия не испытывала недостатка в провианте, но с другой стороны, платить жалованье в натуральной форме не было принято. Деньги являлись важным показателем престижа государства, поэтому Селевку необходимо было увеличить их поступления в казну.

Решить эту задачу только за счет греческих поселений было невозможно: основатель династии Селевкидов лишился бы своей единственной опоры в данном регионе. Но и поборы местного населения или изменение системы взимания сборов также не способствовали бы стабильности в регионе, т. е. не имели долгосрочной перспективы. Поэтому Селевк решил действовать через храмовые общины. Сведения, сохранившиеся в храмовой документации, весьма немногочисленны, фрагментарны и относятся к 2 храмовым общинам – Урука и Вавилона. При этом источники написаны на аккадском языке, который явно испытывал на себе влияние греческого, но при этом продолжал существовать обособленно от него [2, с. 135], что объясняет трудности работы с полученной информацией.

Анализ данных источников позволяет выявить комплекс мер, действовавших одновременно на территории сатрапии, которые показали свою эффективность в достижении поставленной цели.

Во-первых, постепенно увеличивалось число налогов, которые собирались с сельских жителей в пользу правителя или храма в денежной форме (P.355812). Эта мера была возможна лишь в том случае, если жители сельских поселений продавали свои товары на рынках крупных городов [6, p. 31].

Во-вторых, это основание новых поселений, на пожалованных городам и храмам землях (P.305851), в которых развивалась торговля, основанная на денежном обмене. Эти поселения получали особый статус, равный греческим городам [3, с.75].

Третья и четвертая мера были тесно связаны между собой. Резко увеличилось число монетных дворов, располагавшихся по всей империи [4, с. 229], а царская администрация, в том числе заведовала всеми финансовыми вопросами, в том числе и выдачей жалованья, была обязана осуществлять свою деятельность в валюте [6, p. 31–32].

Пятая мера заключалась в том, чтобы царь мог получить максимальный доход в серебре от продажи природных ресурсов, принадлежащих правителю (соль, лес, рудники) [6, p. 32]. Однако сведения о данных операциях сохранились либо от времени правления Ахеменидов, либо от более позднего периода – правления Антиоха Сотера. Скорее всего, Селевк постепенно перенимал Ахеменидскую практику, а окончательно она утвердилась при его сыне [4, с. 205–206].

Шестая мера заключалась в установлении связей между царской администрацией и автономными храмовыми общинами, посредником в которых часто выступал сам Селевк [6, p. 32].

Комплекс данных мер был лишь частью тех мероприятий, благодаря которым годовой доход основателя державы Селевкидов приблизительно составлял 20–25 тыс. талантов, что делало его очень богатым человеком того времени [4, с. 209].

Естественно, Никатор должен был продемонстрировать свое дружеское расположение к храмам. Так, Селевк I отдал управление храмовыми делами самим храмам, о чем свидетельствуют данные о подрядах (P.348890) и сделках купли – продажи (P.342339), а также восстановил Вавилон (BCHP 3). При этом, будучи чужаком и активным участником военного конфликта, он не располагал достаточным временем, да и желанием, вникать в частные хозяйственные вопросы. Характер данных отношений первоначально не был основан на полном контроле со стороны царя, Селевкидам удалось «встроится» в существовавшую до них систему. Но со временем Селевк и его потомки постепенно переводили храмы под свой контроль.

Отношения Антиоха I Сотера с местными храмами на основании клинописных свидетельств восстанавливаются гораздо лучше, чем для времени его отца. В основном деятельность сына Селевка освещают вавилонские хроники (BCHP 5–8), обладающие пропусками и неточностями из-за плохой сохранности текстов [1, с. 24].

Известно, что он, возможно, еще в период соправительства с отцом или при самостоятельном правлении восстановил туземные святилища: расчистил руины (BCHP 5; BCHP 6), осмотрел крышу и заказал

деревянный трон для бога (BCHP 7), передал храму серебро, серебряные украшения и решил судебную тяжбу в пользу этого храма (BCHP 8). Стоит отметить, что из-за многозначности слов, которые выбрал автор источников для характеристики действий Антиоха, можно, хотя и оговорками, говорить о выполнении им религиозных ритуалов в качестве жреца [5, p. 157–158]. При этом Антиох лично отдал приказ об изготовлении кирпичей для восстановления храма [7, p. 274].

Важно обратить внимание на то, что Антиох, хотя и не был чистокровным македонцем, но получил традиционное европейское образование, в своих поступках он руководствовался лишь практической политической необходимостью. Неудивительно, поэтому, что он мог позволить себе ввести высокий налог для прихожан храмов или проводить обряды, частично нарушающие местные традиции [7, p. 277].

Государству Селевкидов, особенно на начальном этапе его существования, нужны были значительные денежные ресурсы для отстаивания своих интересов. Селевк заложил основы взаимодействия с храмовыми общинами, но не стремился к полному контролю над храмами, так как в период войн диадохов он был заинтересован в сохранении стабильного тыла. Хотя можно утверждать, что четкой экономической программы у царя не было, но ему удалось накопить нужные средства для реализации своих целей и обеспечить дальнейшее процветание державы. По мере укрепления государства характер отношений с храмовыми общинами несколько изменился. Антиох, руководствуясь принципами своего отца, уже мог позволить себе прямое вмешательство в их внутренние дела. При этом о полном контроле над жизнью храмовых общин речь не идёт. Эта тенденция найдет завершение уже при его потомках.

Список литературы

1. Берзон Е.М. Политическая история и институты власти государства Селевкидов: по данным клинописных текстов: дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.03 «Всеобщая история» / Е.М. Берзон. – М., 2021. – 311 с. EDN ANVYUE

2. Дандамаева М.М. Письмо из селевкидского Урука: к вопросу о «смерти» аккадского языка / М.М. Дандамаева // Вестник древней истории. – 1987. – №4. – С. 132–141.

3. Саркисян Г.Х. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии / Г.Х. Саркисян // Вестник древней истории. – 1952. – №1. – С. 68–83.

4. Смирнов С.В. Государство Селевка 1-го: политика, экономика, общество / С.В. Смирнов. – М., 2013. – 344 с.

5. Anagnostou-Laoutides E. In the Garden of the Gods. Models of kingship from the Sumerians to the Seleucids / E. Anagnostou-Laoutides. – Taylor & Francis Group, 2017. – 275 p.

6. Aperghis G.G. The Seleukid Royal Economy: The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire / G.G. Aperghis. – Cambridge University Press, 2009. – 361 p.

7. van der Spek R.J. The size and significance of the Babylonian temples under the Successors / R.J. van der Spek // La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques (vers 350–300 av. J.-C.). – 2006. – P. 261–307.

Тюнтеров Олег Сергеевич
студент
Научный руководитель
Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-107947

ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ О ЧУВАШСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЕ И.Я. ЯКОВЛЕВЕ В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Аннотация*: в статье предпринят анализ архивных документов фонда 361 о И.Я. Яковлеве в Российской государственной библиотеке. Рассмотрена история становления фонда, его структура, охарактеризованы основные материалы, особенности фондирования единиц хранения. Авторы приходят к выводу, что публикация новых материалов из фонда – важнейший ключ к освоению «архивной памяти» и выводу яковлевоведения на новый уровень.*

Ключевые слова*: Иван Яковлевич Яковлев, РГБ, Симбирская чувашская школа, яковлевоведение.*

В становлении современной чувашской культуры большую роль сыграла деятельность выдающегося просветителя Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930). В наши дни ведётся активная работа по опубликованию архивных документов, связанных с жизнью, творчеством и наследием патриарха чувашской культуры. В этом отношении, заметны усилия научно-исследовательской лаборатории имени Ульянова-Яковлева, действующей на историко-географическом факультете Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова. Усилиями работников лаборатории и сотрудников факультета не просто поддерживаются контакты с потомками Яковлева, но и осуществляется планомерная работа по выявлению, учёту, анализу имеющихся материалов, активно ведётся поиск вариантов использования «архивной памяти» для решения просветительских и популяризаторских задач. Важно отметить в числе видных публикаций «Сохранение наследия И.Я. Яковлева и его семьи в ЧГУ имени И.Н. Ульянова», где авторами отмечаются результаты достигнутые лабораторией, документальные материалы, имеемые в распоряжении, перспективы яковлевистики, задачи на годы и десятилетия вперёд [3]. Важными звеньями яковлевоведения можно считать статьи по темам: 1) «И долго буду я чувашскому народу тем дорог, что я письменность создал»: новые документы об Иване Яковлевиче Яковлеве в личном архиве краеведа-исследователя К.И. Новенькова» [1]; 2) «Новые источники об организаторско-преподавательской деятельности Алексея Ивановича Яковлева в Симбирске (к публикации письма И.С. Степанова)» [2]; 3) «Иван Яковлев и его потомки» [4].

В совокупности, названные публикации подтверждают одно – то, что Чувашская Республика является важнейшим центром по сбору, хранению и изучению наследия И. Я. Яковлева и его семьи. Вместе с тем, значительная доля документов, ещё не проанализированных полностью, сосредоточена в Москве – в городе, где Яковлев закончил свой жизненный путь и где волею судьбы остался значительный пласт информации о нём. Крупнейшим комплексом архивных документов располагает Российская государственная библиотека. В центре внимания настоящей статьи обзор документов одного из её фондов, посвящённого И.Я. Яковлеву.

Особую ценность имеет фонд 361 в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ. В 1964 г. сотрудниками РГБ (а тогда Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина) впервые было принято решение составить опись хранящихся в фонде материалов И.Я. Яковлева. Продиктовывали данную необходимость частые в ту пору волны реорганизации архивных учреждений и близких к ним заведений. Важно было своевременно каталогизировать данные и предотвратить распыление, утечку сведений о И.Я. Яковлеве. Общественные запросы в лице целых научных коллективов, складывавшихся в Чувашии, подкрепляли данные инициативы. В последующем в опись вносились изменения, и число единиц хранения увеличилось.

Фонд 361 охватывает материалы (единицы хранения) за солидный промежуток времени – за 1870–1948 гг. Структура фонда наглядно представлена в оглавлении описи. Фонд сформирован в хронологической последовательности появления документов. Содержимое фонда 361 составляют 1899 единиц хранения, сгруппированных по следующим разделам: 1) материалы служебной деятельности И.Я. Яковлева в 1870–1920-е гг.; 2) материалы, связанные с юбилеями Симбирской чувашской школы и И.Я. Яковлева (40-летие, 60-летие, 80-летие с основания школы, 100-летие со дня рождения И. Я. Яковлева (за 1908–1948 гг.); 3) творческие рукописи И.Я. Яковлева; 4) биографические материалы И. Я. Яковлева за 1872 – 1927 гг. (личные документы); 5) переписка за 1870–1920-ые гг.; 6) материалы членов семьи И.Я. Яковлева за 1894–1948 гг.

Как мы можем заметить, крайняя дата фонда приходится на 1948 год. В этом году состоялось важное событие – столетие со дня рождения И.Я. Яковлева. Широкое празднование юбилея было заслугой сына великого просветителя Алексея Ивановича Яковлева (1878–1951). 1948 годом датируются: 1) письма и телеграммы в связи с подготовкой к юбилею [5, оп. 1, д. 192, л. 34]; 2) газетные вырезки со статьями, посвящёнными юбилейной дате [5, оп. 1, д. 193, л. 34]; 3) программа празднования 100-летней годовщины со дня рождения И.Я. Яковлева [5, оп. 1, д. 194, л. 35]; 4) план выставки [5. Оп. 1. Д. 196. Л. 35]; 5) групповое фото участников юбилея [5, оп. 1, д. 197, л. 35]; 6) фотография скульптора Кудрявцева за работой над бюстом И.Я. Яковлева к столетнему юбилею [5, оп. 1, д. 198, л. 35]; 7) сопроводительные письма и биографии И.Я. Яковлева И.В. Сталину и В.М. Молотову [5, оп. 1, д. 199, л. 35]. Юбилей чувашского просветителя состоялся в Чебоксарах на высоком уровне, и он не мог бы состоятся, если бы к тому моменту не сложились исторические предпосылки. Ими стали накопленные за предыдущие юбилеи воспоминания, а также изданная в 1948-м году Алексеем Яковлевым книга об отце. В фонде хранится черновик её рукописи [5, оп. 1, д. 205, л. 36].

Рассмотрим более детально содержимое фонда 361. В первом разделе «Материалы служебной деятельности И.Я. Яковлева…» представлены

разнообразные документы. Среди них, докладные записки о нуждах и содержании Симбирской чувашской школы [5, оп. 1, д. 1, л. 1], характеристики учащихся Симбирской чувашской учительской школы [5, оп. 1, д. 4, л. 1], расписание уроков и список учеников школы [5, оп. 1, д. 16, л. 3], расписание экзаменов [5, оп. 1, д. 33, л. 6], отношения к проектам реорганизации Симбирской чувашской учительской школы [5, оп. 1, л. 8] и др. Приводимый перечень свидетельствует о той административной и координационной нагрузке, которая ложилась на плечи народного просветителя. Наряду с вышеназванным, во внимании Яковлева находились: вопрос с закупкой строительного материала, леса [5, оп. 1, л. 14]; закупкой учебных принадлежностей [5, оп. 1, д. 141, л. 25]; вопрос обустройства водопровода, бани и ремонта зданий Симбирской чувашской учительской школы [5, оп. 1, д. 121, л. 21]; заключение договоров об аренде земельных участков под посев и сенокос [5, оп. 1, д. 115, л. 20]; содержание на территории школы сельскохозяйственной фермы [5, оп. 1, д. 25, л. 5]; оплата счетов за публикацию объявлений в издательствах [5, оп. 1, д. 81, л. 15], и т. д. С наступлением Первой мировой войны, Яковлев активно участвует в программах «социального вспомоществования», что видно из содержания документов, приводимых в первом разделе описи. Интересен факт устройства и содержания Яковлевым пансиона приюта для детей воинов Симбирской губернии [5, оп. 1, д. 139, л. 24], лазарета при Симбирской чувашской учительской школе [5, оп. 1, д. 106, л. 19].

Интересны данные о критиках и недоброжелателях И.Я. Яковлева, представленные в материалах первого раздела. Причём подчас критика была неоправданной, выражалась в разного рода лживых публикациях. Проливают свет на них приговоры Симбирского окружного суда, оправдывавшие жалобы Ивана Яковлевича [5, оп. 1, д. 150, л. 26], запись речи одного из обвинителей на суде по поводу публикации клеветнических статей [5, оп. 1, д. 160, л. 28], отчёт о заседании суда [5, оп. 1, д. 165, л. 29]. В частности, в адрес Яковлева были выдвинуты недоказанные обвинения в якобы избиениях учащихся. Опровержением подобного обвинения служит официальное заявление врача Симбирской чувашской учительской школы Я. Шостака, опубликованное в газете «Волжские вести» [5, оп. 1, д. 164, л. 29]. Примечательна статья В. Орлова «Обвинения не по адресу», сообщающей о гуманной, благожелательной деятельности Ивана Яковлевича Яковлева [5, оп. 1, д. 151, л. 27].

Во втором разделе фонда приводятся ряд материалов, связанных с юбилеями великого просветителя. Интересны воспоминания личностей, хорошо знавших И.Я. Яковлева и работу Симбирской школы. Пример этого – «Воспоминания из жизни в Симбирской чувашской учительской школе» Алексеева Григория Алексеевича [5, оп. 1, д. 178, л. 32]. Подчас среди документов фонда обнаруживаются и такие, которые подчёркивают связь В. И. Ленина с Симбирской чувашской учительской школой. Показателен мемуарный труд преподавателя Симбирской чувашской учительской школы Никифорова Василия Никифоровича под названием: «Некоторые мои воспоминания из прошлой моей педагогической службы и попутно о Владимире Ильиче Ульянове» [5, оп. 1, д. 173, л. 31]. Обращают на себя внимание, «Письма крестьян Буинского и Козьмодемьянского уездов и воспитанниц Симбирской чувашской школы к Яковлеву, Ивану Яковлевичу, в связи с 40-летним юбилеем Симбирской чувашской школы» [5, оп. 1, д. 170, л. 30]. Значимое место занимают статьи, напечатанные в газетах по случаю юбилейных дат [5, оп. 1, д. 174, л. 31].

Ценность вышеназванных источников в том, что в них осмысливается историко-культурное значение Симбирской чувашской школы, анализируется опыт, пережитый И.Я. Яковлевым.

Третий раздел описи фонда 361 содержит «Творческие рукописи И.Я. Яковлева». Судя по ним, мы можем характеризовать И.Я. Яковлева как человека всесторонне мыслившего. Видим мы и миссионерские задатки патриарха чувашского народа. Ценным документом является рукопись перевода Библии на чувашский язык (1870) [5, оп. 1, д. 217, л. 38], а также статья под названием «О распространении христианства между инородцами Казанского края» [5, оп. 1, д. 220, л. 39]. Прогрессивно И.Я. Яковлев смотрел на вопросы социальных, половых отношений и тому пример, хранящийся в фонде 361 труд «Соображения о распространении женского образования между чувашами» [5, оп. 1, д. 218, л. 38]. Наконец, важнейший фундаментальный источник, хранящий подлинный нрав чувашского просветителя, это его «Духовное завещание…» [5, оп. 1, д. 224, л. 39].

Интересно изучение биографических материалов (разд. 4) И.Я. Яковлева, содержащихся в фонде 361 РГБ. Имеются данные об И.Я. Яковлеве как студенте историко-филологического факультета Казанского университета [5, оп. 1, д. 226, л. 40]. Об активной общественной деятельности зрелого И. Я. Яковлева свидетельствуют: 1) членские билеты (3 бил.) [5, оп. 1, д. 228, л. 40]; 2) повестка с извещением о заседании Комиссии общества потребителей Симбирска [5, оп. 1, д. 232, л. 41]; 3) извещение Яковлеву, Ивану Яковлевичу, члену ревизионной комиссии [5, оп. 1, д. 234, л. 41]; 4) извещение Яковлеву о сроке заседания правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в низших учебных заведениях г. Симбирска [5, оп. 1, д. 235, л. 41]; 5) повестка с приглашением на заседание Комитета и собрание Российского общества красного креста [5, оп. 1, д. 236, л. 42]; 6) повестка с извещением о заседании комитета по призрению раненых воинов и помощи семьям, призванным на войну [5, оп. 1, д. 244, л. 43], и т. д. И.Я. Яковлев поддерживал связи с обществом врачей Симбирской губернии [5, оп. 1, д. 238, л. 42], членами Симбирской губернской учёной архивной комиссией [5, оп. 1, д. 239, л. 42]. После 1917 года больший вклад в поддержку и защиту Ивана Яковлева, которого обвиняли в контрреволюционности, сделал его сын – Алексей. Алексей представлял своего отца на революционном трибунале, о чём мы знаем благодаря сохранившемуся в РГБ документу за 1921 год, а именно, доверенности на представительство [5, оп. 1, д. 262, л. 46]. О желании коллектива Симбирской семинарии отплатить благодарностью Ивану Яковлеву свидетельствует такой документ как «Ходатайство в Народный комиссариат просвещения…» о назначении пенсии Ивану Яковлеву [5, оп. 1, д. 259, л. 46]. Стремление ряда национальных лидеров к установлению контроля над Симбирской школой, происходившая активно в 1918–1923 гг., привела к снятию И.Я. Яковлева с ключевых постов, судебным преследованиям, сворачиванию его общественной активности и инициативности, о чём подробно сообщено в документах фонда [5, оп. 1, д. 248, л. 44].

Существенным дополнением и олицетворением всей той социально ориентированной работы, которую выполнял Яковлев и его школа, являются материалы его переписки (разд. 5). В чём же их значимость? Переписка – канал периодической коммуникации и, следовательно, зная то с кем, в каких целях и в каких отношениях состоял Иван Яковлевич, мы можем иметь представление о месте его образовательного заведения во внешней среде. В фонде 361 РГБ хранится: переписка Яковлева с

учениками [5, оп. 1, д. 347, л. 58], учителями [5, оп. 1, д. 318, л. 61], чиновниками [5, оп. 1, д. 296, л. 51], сотрудниками правоохранительных органов (управ) [5, оп. 1, д. 531, л. 86], различными обществами – Православным миссионерским [5, оп. 1, д. 524, л. 85], поставщиками (Фирма писчебумажно-книжная и фотографических принадлежностей, Уфа») [5, оп. 1, д. 496, л. 80] и т. д. В качестве специфичного поставщика в описи фонда 361 называется Берлинский Художественный Магазин (Москва), отмечаемый в письме Ю.Ф. Брокмана И. Я. Яковлеву [5, оп. 1, д. 496, л. 80]. Активная миссионерская деятельность Ивана Яковлевича отмечена наградами: званием почётного члена Британского и иностранного библейского общества. 1896–1912 гг. датируются письма общества И.Я. Яковлеву [5, оп. 1, д. 526, л. 85]. Наличие сношений с этой организацией поднимало престиж его заведения.

Материалы членов семьи И.Я. Яковлева (разд. 6) проливают свет на судьбу просветительской династии, их воззрения относительно заслуг Ивана Яковлевича. В данном разделе фонда 361 РГБ можно выделить материалы супруги И.Я. Яковлева – Е.А. Яковлевой (Бобровниковой) [5, оп. 1, л. 269–270] и материалы А.И. Яковлева [5, оп. 1, л. 270–272].

Отдельно в фонде выделяется раздел «Коллекция». Сюда вошли материалы не основного плана, а, по существу, дополнительного, который уместно было первым составителям и последующим корректировщикам описи разместить именно в таком качестве. Здесь и записка о ценах на лесные материалы [5, оп. 1, д. 1828, л. 275]; прейскурант стёкол заводов Ю. С. Нечаева-Мальцева, таблицы размеров классной мебели, санитарных правил, реклама о «Сибирской медянке-самородке» зелёно-бирюзового цвета завода «Алтай», образцы и расценки свидетельств и похвальных листов на 1916 год [5, оп. 1, д. 1837, л. 276]; решение задачи по арифметике (ученицы Симбирской чувашской учительской школы Фёдоровой Анастасии) [5, оп. 1, д. 1841, л. 277]; объявления жителям г. Симбирска о молебствии по случаю рождения императрицы Александры Фёдоровны и об отслужении панихиды в день кончины Александра III [5, оп. 1, д. 1855, л. 279]; конспект пробного урока по естествоведению Трошиной Марии – слушательницы III класса курсов [5, оп. 1, д. 1862, л. 280]; замечания по ведению урока физики [5, оп. 1, д. 1877, л. 283] и т. д.

В заключение важно отметить, что проанализированный фонд РГБ содержит ценные сведения по многим вопросам о деятельности И.Я. Яковлева. Представленные и проанализированные материалы – целый кладезь данных – и биографических, и тех, что представляют нам портрет той эпохи, в которой жил и трудился чувашский просветитель. Анализ всего массива этой информации позволяет констатировать, что И.Я. Яковлев и его знаменитая школа – не только достойные созидатели интеллектуального капитала, но и талантливые практики, умевшие претворять в реальность невидимый ресурс – знания. Представляется важным публикация наиболее значимых материалов фонда.

Список литературы

1. Иванова Т.Н. «И долго буду я чувашскому народу тем дорог, что я письменность создал»: новые документы об Иване Яковлевиче Яковлеве в личном архиве краеведа-исследователя К.И. Новенькова / Т.Н. Иванова // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): сборник материалов Всероссийской научной конференции (Чебоксары, 12 ноября 2019 года). – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 163–169. EDN FJXNQO

2. Иванова Т.Н. Новые источники об организаторско-преподавательской деятельности Алексея Ивановича Яковлева в Симбирске (к публикации письма И.С. Степанова) / Т.Н. Иванова, А.П. Пушина // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 18 апреля 2019 года). – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 58–62. EDN OVRMFN

3. Иванова Т.Н. Сохранение наследия И.Я. Яковлева и его семьи в ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, О.О. Дмитриева // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей (Чебоксары, 12–14 октября 2017 года) / редколлегия: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Т. 2. – Чебоксары: Среда, 2017. – С. 29–33. EDN ZOIYTT

4. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки / Н.Г. Краснов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2007. – 478 с. EDN QWBBLN

5. Российская государственная библиотека (РГБ). – Ф. 361.

Федулов Михаил Игоревич
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика
Семенов Александр Анатольевич
научный сотрудник
БУ ЧР «Чувашский национальный музей»
Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДОК В БАССЕЙНЕ Р. СУРА

***Аннотация**: в работе подведены итоги многолетних археологических разведок в пределах Ядринского и Красночетайского муниципальных округов. Результатом работ является выявление девяти новых городищ раннего железного века, что дает возможность дополнить сведения о системе расположения правобережных памятников, уточнить их топографию, варианты укреплений. Уточнены месторасположения Русско-Атайского и Тиханкинского III городищ, составлены их новые планы. Перед исследователями актуализируется необходимость нового, более углубленного изучения уже выявленных городищ и их напластований.*

***Ключевые слова**: археология, Чувашское Присурье, городецкая культура, городища, укрепления, система расселения, топография, картографирование.*

На территории Чувашской Республики расположена большая группа памятников раннего железного века, ранее соотносимая с городецкой культурой (северо-восточная группа по А.П. Смирнову и Н.В. Трубниковой) [1]. В течении последнего десятилетия археологической экспедицией под руководством М.И. Федулова и А.А. Семёнова проводилось регулярное обследование присурских районов республики. В ходе мониторинга археологических объектов на территории всей Чувашской Республики осмотрены почти все из

известных 70 городищ. Вновь выявленные объекты городища существенно дополняют имеющуюся базу данных.

В 2017–2023 гг. археологические разведки на территории Ядринского и Красночетайского муниципальных округов Чувашской Республики привели к весьма интересным результатам в области пополнения базы данных о городищах раннего железного века в бассейне р. Сура. В 2018 г. нами была предпринята попытка подвести некоторые итоги изучения городищ, проведён анализ их топографии, введены в научный оборот сведения о новых памятниках (д. Выселок №1 и №2, Козловка, Пандиково, Пчелка) [2]. Однако, на данный момент к этой теме необходимо вновь обратиться и поставить задачу перед следующими исследователями.

Целенаправленным поиском городищ наша экспедиция не занималась. Все городища были обнаружены при мониторинге археологических памятников, включенных в реестр объектов культурного наследия, а также в ходе совместной экспедиции по изучению остатков Сурского оборонительного рубежа.

Русско-Атайское II городище. Работы по локализации на местности Русско-Атайского городища привели к открытию нового объекта. Н.В. Трубникова в 1961 г. оставила неточные описания городища, указав только номер лесного квартала, который неоднократно менялся. Нами предпринималось несколько безуспешных попыток его найти. Планомерное обследование оврагов в окрестностях деревни наконец вывело нас на границу с Шумерлинским муниципальным округом. Восточнее д. Триер было обнаружено два городища – описанное Н.В. Трубниковой (с него впервые снят план (рис. 2, №1) и новое. Новому присвоено название Русско-Атайское II городище (рис. 1, №23, рис. 2, №7). Оно имеет по одному валу и рву с напольной и мысовой стороны. Общая длина составляет 104 м. В центральной части напольных укреплений имеется проход. Расстояние между городищами составляет всего 500 м., и располагается они на одной стороне оврага.

Тиханкинское III городище. Надежды найти этот памятник было ещё меньше. По описаниям Н.В. Трубниковой 1961 г. оно «располагалось в лесу, километрах восьми от д. Тиханкино». За основу поисков было взяты план и направление городища, указанное в отчёте, но как оказалось, направление было неверным. План памятника был уточнен. Следует отметить, что сложнее поиска этого памятника были только поиски Поганкинского (Ермошкинского) городища в Вурнарском муниципальном округе. Оно в отличии от описанных выше никогда не осматривались профессиональными археологами, однако и его поиски увенчались успехом (рис. 1, №22, рис. 2, №3).

Чебаковское III городище. При осмотре береговой линии у с. Чебаково выявлено новое городище – Чебаковское III городище. Оно расположено на мысовидном выступе коренной террасы правого берега р. Сура. В 230 м к С от него находится комплекс памятников Чебаковское городище (в литературе городище известное как Чебаковское I городище РЖВ и поселение «Кизим висту» эпохи бронзы).

Городище имеет подтреугольную форму и защищено дугообразными напольными валом и рвом. Длина площадки городища, включая вал и ров составляет 106 м. Проезд на территорию городища не зафиксирован (визуально не просматривается), но северная оконечность вала имеет небольшую высоту, что, возможно, указывает на проход, на городище в данном месте. Для выявления культурного слоя и археологических предметов в

центральной части площадки заложен шурф. В шурфе найдена керамика балановской культуры эпохи бронзы и развал чащи РЖВ (рис. 1, №5, рис. 2, №4).

Хвадукасинское II городище. Выявлено в 500 м к югу от Хвадукасинского I городища (ранее оно описано как Пандиковское (илл. 2, №6) на мысу, имеющем такую же ориентировку. Имеет треугольную форму и вытянуто на более чем 90 м. С напольной стороны укрепления представлены сложной и мощной системой из двух рядов валов и рвов с проездом в центре. С напольной стороны имеется одиночный ров и вал. В шурфе найдена керамика РЖВ (рис. 1, №13, рис. 2, №5).

Хвадукасинское III городище. Городище расположено на узком и длинном мысу, выходящем в пойму р. Сура, в 1800 м от вышеописанного. Длина составляет около 80 м. Напольный вал и ров сильно оплыли. Вал имеет продолжение вдоль северного края площадки. На осыпях мыса собраны фрагменты керамики РЖВ (рис. 1, №14, рис. 2, №3).

Таким образом, была выявлена новая группа из трех городищ, вытянутых на двухкилометровом участке берега р. Сура.

Дубовское II городище. В 750 м с СЗ от памятника находится ещё одно городище в археологической науке известное как «Дубовское (Пчелкинское II или Красночетайское II) городище Карман ту». В этой связи новое городище названо Дубовское II городище. Оно имеет трапециевидную форму, с наибольшим расширением в южной части. Центральная часть площадки имеет естественное возвышение, вокруг которого возведены ров и вал. Длина площадки городища, включая вал и ров, составляет 99 м. Культурный слой содержит керамический материал РЖВ.

Укрепления городища представлены одним напольным рвом и валом, их общая длина составляет 136 м. Проезд на территорию городища располагается у изгиба рва (рис. 1, №18, рис. 2, №2).

Вурманкас-Асламасское городище. Городище занимает мыс правого берега р. Штранга. Мыс образован р. Штранга и её безымянным правым притоком. Общая длина городища, включая вал и ров, составляет 95 м. Система укреплений городища представлена одним напольным рвом и шишкообразным валом. Ров визуально прослеживается, но сильно оплыл и плавно переходит в склоны с обеих сторон. Вал дугообразно загнут внутрь площадки. Вал не имеет явно выраженного проезда на территорию площадки городища. Ширина вала – 22,60 м, длина 21,40 м. Ответвление вала вдоль западного края городища имеет протяженность 24 м и сохранилось на высоту 40–70 см. Даная часть вала сильно оплыла. На оползне, почти у самой воды найдена бронзовая пластинчатая пряжка. Литая бронзовая пряжка имеет овальную форму (рис. 60.). Лицевая сторона орнаментирована 4-мя рядами ложновитых полос, имитирующих плетение. Поверх орнамента припаяно 5 овальных пластин. На внутренней стороне имеется небольшая петля для крепления иглы, которая, судя по остаткам ржавчины, была железная. Подобные по форме и технике изготовления пряжки найдены ранее на памятниках РЖВ в Чувашии и Среднем Поволжье (рис. 2, №8).

Таким образом, преобладающим типом присурских памятников является надпойменный террасно-мысовой тип. Надлуговой тип распространяется по мере отдаления от р. Сура. Дубовское II городище расположено на выступе коренной террасы, такие имели форму широкого треугольника или подквадратную (подобные Ядринскому или Питишевскому). Вероятно, зона прямой видимости была у группы городищ Русские Атай и Хвадукасы. Наблюдается интересная картина компоновки городищ по 2–3 в одном месте

(Чебаково, Сареево, Выселки, Дубовка). На всех новых объектах найдена керамика, что указывает на то, что они являлись жилыми. Система укреплений городищ представлена разнообразными вариантами количества и расположения валом и рвов (от одного до трех).

Открытие новых городищ на территории присурских районов Чувашии ставит перед исследователями новые задачи для изучения памятников РЖВ. Укрепления в виде валов и рвом явно указывают на городища, но поселения, не имеющие видимых признаков, остаются за пределами внимания. Могильники данного периода не обнаружены вовсе.

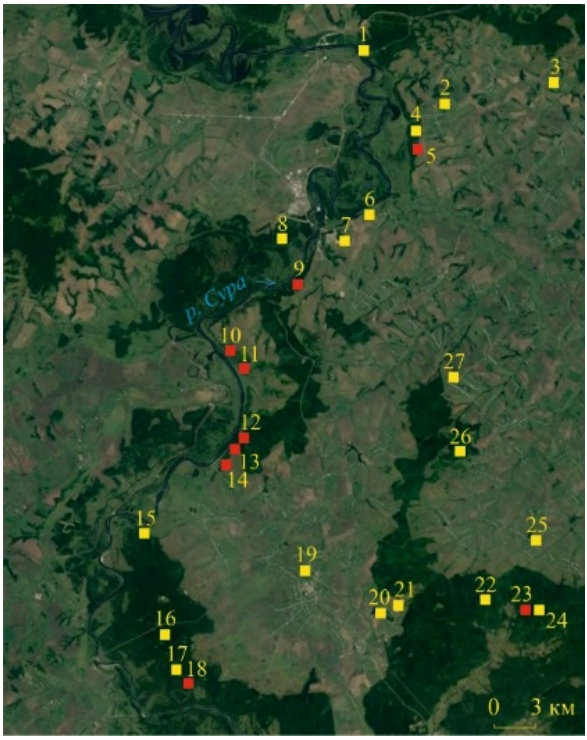
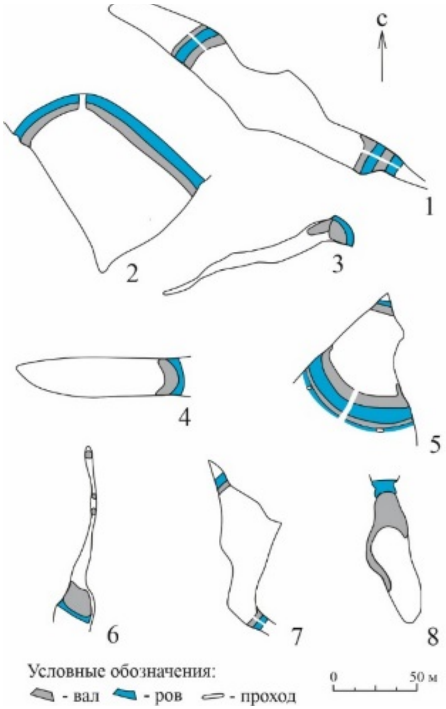


Рис. 1. Карта расположения присурских городищ

1 – Засурьевское (Засурское), 2 – Чебаковское II «Карсот Виркес», 3 – Мурзакасинское, 4 – Чебаковское I «Кизим Висту», 5 – Чебаковское III, 6 – Сареевское II «Хыр Карти», 7 – Сареевское I «Ножа Вар», 8 – Ядринское; 9 – Козловское, 10 – Выселок №1, 11 – Выселок №2, 12 – Хвадукасинское I, 13 – Хвадукасинское II, 14 – Хвадукасинское III, 15 – Питишевское, 16 – Пчелкинское, 17 – Дубовское I, 18 – Дубовское II, 19 – Калугинское, 20 – Тоганашское I, 21 – Тоганашское II, 22 – Тиханкинское III, 23 – Русско-Атайское II, 24 – Русско-Атайское I, 25 – Тиханкинское I.



Илл. 2. Планы городищ: 1 – Русско-Атайское I; 2 – Дубовское II; 3 – Хвадукасинское III; 4 – Чебаковское III; 5 – Хвадукасинское II; 6 – Хвадукасинское I; 7 – Русско-Атайское II; 8 – Вурманкас-Асламасское.

Список литературы

1. Смирнов А.П. Городецкая культура / А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова. – Вып. Д1–14. – М.: Наука, 1965. – 40 с. – EDN ZVPWLF

2. Федулов М.И. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья / М.И. Федулов, А.А. Семёнов // Поволжская археология. – 2018. – №1 (23). – С. 137–149. DOI 10.24852/pa2018.1.23.137.149. EDN YVFYOP

Федулова Ирина Анатольевна
соискатель, учитель,
руководитель поискового отряда «Искра»
МБОУ «Гимназия №1»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПУЛЕМЁТНЫЙ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЙ КОЛПАК СУРСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА КАК ОБЪЕКТ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

***Аннотация**: статья посвящена находке железобетонного пулемётного колпака на территории Сурского оборонительного рубежа 1941–1942 гг. Описана система оборонительных сооружений в окрестностях с. Ильина Гора, представленная сетью эшелонированных древо-земляных сооружений, среди которых найдено первое железобетонное.*

***Ключевые слова**: Чувашское Присурье, Сурский оборонительный рубеж, картографирование укреплений, пулемётный колпак, ЖБОТ, поисковый отряд «Искра», военная археология.*

В 2020–2021 годах поисковым отрядом «Искра» проводилась работа по выявлению остатков военных сооружений Сурского оборонительного рубежа в рамках реализации проекта «По местам оборонительного рубежа Чувашии», поддержанный грантом Главы Чувашии О.А. Николаевым [1]. Проводился опрос местного населения, участников строительства, но главное удалось выявить, что сохранность древо-земляных сооружений позволяет определить их месторасположение и картографировать [2]. Несмотря на многочисленные упоминания в литературе о железобетонных укреплениях, выявить их на местности сразу не удалось.

В преддверии великого праздника Победы – 9 Мая текущего года в ходе очередного выезда поискового отряда «Искра» удалось выявить железобетонный пулеметный колпак в 270 м (аз. 155^0) от южной окраины с. Ильина Гора Большесундырского сельского поселения Ядринского муниципального округа. Следует отметить, что окрестности села неоднократно осматривались в ходе полевых работ, но данные участок не привлекал к себе внимание. Вдоль береговой линии выявлены также остатки одиночных окопов, ДЗОТов, траншей и противотанковых рвов. Рис.1. На местах найдены металлические строительные инструменты и предметы, принадлежавшие строителям рубежей.

Колпак расположен в центре распахиваемого поля, на котором имеется небольшой участок, поросший кустарником. Поверхность участка усыпана фрагментами керамической черепицы, оставшейся от разрушенного строения (со слов местных жителей здесь располагалась ткацкая фабрика).

Рис. 1. Оборонительные сооружения у с. Ильина Гора.
Сектор обстрела из колпака

Колпак расположен на краю большой ямы, диаметром 3,5 м и глубиной более 1,5 м. На дне ямы имеется квадратная конструкция из металлического уголка, под которой прослеживаются следы деревянной обкладки хода. То, что яма и колпак являются единым сооружением, не вызывает сомнений – яма расположена в тыльной стороне колпака, создавая подземную часть оборонительного сооружения. Колпак частично завалился в яму, вероятно, после сгнивания удерживающих его конструкций.

Амбразура имеет размеры 75×40 (внешняя часть) и сужается до 60×40 см. Сектор обстрела порядка 60^0 направлен на с. Ильина Гора и поле между краем береговой террасы и деревней.

Колпак выполнен методом монолитной заливки с применением армирующих железных прутков. Толщина стенок составляет 12 см. Рис. 2. Вся внутренняя поверхность покрыта железными креплениями для деревянной опалубки, которая в дальнейшем служила дополнительным противоосколочным покрытием. На потолке сохранилась часть сильно обгоревшей деревянной обкладки.

В верхней части колпака имеется отверстие 5 см диаметром для окопного перископа. С боковых сторон есть квадратные отверстия 12×12 см., назначение которых пока не выяснено. Колпак не имеет видимых повреждений и трещин.

Рис. 2. Общий вид колпака

Согласно техническим характеристикам, колпак предназначался для пулемётного расчёта из двух человек. Являлся быстровозводимым (около 60 чел/час), даже в отсутствии техники, не требовал специальной военно-строительной подготовки и допускал использование разных местных строительных материалов для обустройства основания.

На Московских рубежах обороны «противоосколочные колпаки» устанавливались на круглом железобетонном основании с входным проемом и пулемётным столом. Его размеры совпадают с описываемым нами – высота 90 см, диаметр – 170 см, толщина стенок – 13 см.

Железобетонный пулемётный колпак был спроектирован специалистами проектно-конструкторского бюро Главного военно-инженерного управления, военными инженерами С.В. Барсуковым, П.К. Бузником и Л.Н. Никольским. Впоследствии он становится типовым и массовым сооружением, включенным в наставление для инженерных войск по полевой фортификации 1943 года (ПФ-43).

После установки на заранее подготовленные позиции колпак засыпался землей и маскировался, что повышало его боеспособность. Пулемет, нередко это был станковый «Максима», закреплялся на простом деревянном столе, но были и другие варианты основания. Рис. 3.

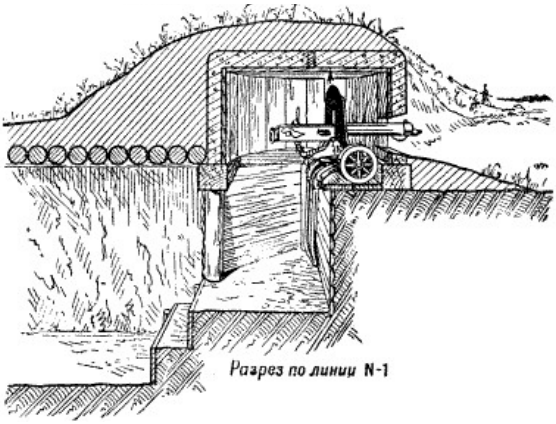


Рис. 3. Вариант создания огневой точки с помощью колпака

Точная дата появления первых пулеметных колпаков на Сурском рубеже неизвестна, но можно с уверенностью отнести данное сооружение к октябрю 1941 – февралю 1942 гг.

Доподлинно известно, что после завершения Великой Отечественной войны часть пулемётных колпаков вывезены на хранение в г. Чебоксары, но, если это было сделать сложно они передавались в распоряжение местных колхозов.

Насколько нам известно из публикаций нахождение подобных объектов времён 1941–1943 гг. на территории Чувашской Республики не было известно. В 2017 г. в Заволжье был найден колпак меньших размеров – 1,4 м в диаметре, 0,45 м в высоту, с толщеной стенок в 0,25 м. Отличаются и другие размеры – отверстие под перископ 0,1 м, амбразура – 0,4×0,6 м. Раскопки показали, что колпак не был установлен для реальных боевых действий, и носил скорее учебный характер. По нему велась стрельба из стрелкового и минометного оружия [3].

Опыт создания мемориальных комплексов с применением пулеметных колпаков имеется в Ленинградской области и Подмосковье, но не смотря на массовость подобных находок, лишь небольшая часть этих укреплений сохранилась в виде памятников. В Среднем Поволжье примеров таковых немного. У трассы М7 в районе д. Ачапное под Нижним Новгородом бетонный колпак установлен в качестве памятника с памятной табличкой и предметами периода войны – противотанковым ежом. На форуме «Rufort.info – Фортификация» собраны разнообразные примеры расположения колпаков на местности, представлены многочисленные виды укреплений, различающиеся по размеру, материалу изготовления (железные, железобетонные), форме (в том числе квадратные) [4].

Колпак представляет историко-культурный интерес как пока единственное обнаруженное железобетонное укрепление периода строительства Сурского оборонительного рубежа. Находка железобетонного пулеметного колпака ставит перед исследователями новые задачи. Следует усилить поиск подобных укреплений на Сурском оборонительном рубеже, принять меры по сохранению исторического наследия Чувашской

Республики периода Великой Отечественной войны. Необходимые документы были отправлены в Министерство культуры Чувашской Республики и дальнейшая судьба колпака будет зависеть от решения государственного органа, что будет способствовать популяризации знаний о Великой Отечественной войне и героическом труде жителей Чувашии в её годы.

Список литературы

1. Федулов М.И. Проблемы изучения Сурского оборонительного рубежа (на примере Ядринского, Красночетайского и Шумерлинского районов Чувашской Республики) / М.И. Федулов, И.А. Федулова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей - трудовой подвиг народов Поволжья: мат. межрег. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 319–326. EDN VKTTJI

2. Федулов М.И. Результаты обследования Сурского оборонительного рубежа в 2021 году / М.И. Федулов, И.А. Федулова, А.А. Семенов // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сб. мат. II Всерос. науч. конф. с междунар. участ. – Чебоксары, 2022. – С. 178–187. – EDN CSUFBF

3. Мясников Н.С. Недостроенный рубеж и полевой военный городок за Волгой (итоги полевых работ 2017-2018 годов на позициях 1941-1944 годов в Чувашском Заволжье) / Н.С. Мясников, Е.Г. Шумилов // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей - трудовой подвиг народов Поволжья: мат. межрег. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 280–297. EDN LAXMCN

4. Фортификация. Пулеметные колпаки в ВОВ (бетонные и металлические, ЖБОТ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rufort.info/index.php?topic=1233.190 (дата обращения: 16.10.2023).

Чибилёва Валентина Петровна
канд. геогр. наук,
старший научный сотрудник
Институт степи Уральского отделения РАН
г. Оренбург, Оренбургская область

DOI 10.31483/r-108117

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И.Ф. БЛАРАМБЕРГА В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

***Аннотация**: исследование Оренбургского края неразрывно связано с комплексными общегеографическими академическими экспедициями следующих естествоиспытателей: П.И. Рычков, Э.А. Эверсманн, П.С. Паллас, С.С. Неуструев, Н.А. Зарудный, С. Карелин, И. Бларамберг, Е. Мейендорф и др. Оренбурский край долгое время оставался «воротами в Азию». Здесь формировались экспедиции, собирались статистические, картографические, а также этнографические научные материалы о соседних странах. Свой весомый вклад в изучение обширного Оренбургского края и азиатских соседних стран внесли участники военных и дипломатических экспедиций, в частности Иван Федорович (Иоганн) Бларамберг. Им были собраны важные физико-географические и топографические данные, а также этнографические сведения о туркменском населении прибрежной территории. Большую ценность исследованиям академических экспедиций придавало следующее: в равной степени их интересовали и природа края, и быт, культура и традиции народов, населяющих Оренбургскую губернию и соседние страны, а также сведения о достопримечательностях городов и окрестностей, торговле, полезных ископаемых и минеральных ресурсах. Раскрытию данного аспекта и посвящена работа.*

***Ключевые слова**: Оренбургский край, исследования, академические экспедиции, Оренбургско-Прикаспийский регион.*

Статья подготовлена в рамках темы государственного задания «Проблемы степного природопользования в условиях современных вызовов: оптимизация взаимодействия природных и социально-экономических систем». Номер государственной регистрации АААА-А21-121011190016-1.

Первое знакомство Ивана Федоровича Бларамберга (1801–1878), с Оренбургским краем произошло в 1836 году при подготовке и участие в третьей, Каспийской экспедиции, возглавляемым талантливым исследователем Г.С. Карелиным.

Экспедиция, на южные и восточные берега Каспийского моря, оказалась очень успешной. Впервые были обследованы заливы юго-восточного Каспия и древнего устья Амударьи – Узбоя, проведены новые съемки берегов моря, а также уточнены и доработаны имевшиеся карты восточного побережья Каспия. Экспедиция посетила местность Астрабадского залива Ирана для установления торговых отношений с русским купечеством. Самым значительным достижением экспедиции было обследование залива Кара-Богаз-Гол (залив Черной Пасти). Впервые изучены острова Челекен и Огурчинский, где было отмечено обилие нефти и соли [2; 6].

В этой экспедиции И. Бларамбергом были собраны важные научные данные, этнографические сведения о туркменском населении прибрежной территории, а также статистические и физико-географические. Собранный обширный материал, побудил И. Бларамберга, не будучи официально ученым, приступить к созданию первых своих трудов, начиная с 1836 г.: «Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 году», «Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган». Эти труды были напечатаны в 1850 г. в издании Русского географического общества [3; 6].

В 1841 году, 17 января, в г. Оренбург прибыл военный инженер, генерал-лейтенант И.Ф. Бларамберг к своему новому месту службы в чине поручика и до 1855 года состоял на службе в Отдельном Оренбургском корпусе. Ему поручалось охранять сразу две дипломатические миссии на опасном отрезке пути, от Оренбурга до реки Сырдарьи, одна – подполковника К. Бутенева, следовавшая в Бухару, эта миссия была известна под названием «Бухарская экспедиция 1841–1842 годов» и другая, капитана П. Никифорова, направлявшаяся в Хиву (май–июль 1841 г.). Экспедиции продолжались в общей сложности более года, за это время, членами экспедиции было собрано и издано много ценных естественно-исторических и географических работ о Бухаре. Ряд статей было опубликовано Бутеневым К.Ф. в «Горном журнале» за 1842 г., по монетному делу, минералогии, метеорологии [1; 6].

Во время этих служебных обязанностей, которые И. Бларамберг успешно выполнял, он также занимался ещё, по пути следования, сбором материалов о быте и традициях населения Казахстана (Киргизской степи), и смежных с ними собственно российских губерниях.

В своих «Воспоминаниях», изданных в 1878 году, Иван Федорович Бларамберг впечатляюще описал Оренбургский период своей жизни и деятельности – о путешествии в составе топографической экспедиции Г.С. Карелина на восточное побережье Каспийского моря в 1836 г., о службе в Оренбурге, во время которой ему часто приходилось выезжать в степь по делам. Он пишет: «…каждый раз, когда я возвращался из степного похода в свой дом в Оренбурге, я чувствовал себя стесненным; казалось, мне не хватает воздуха. Это чувство, которое со временем проходит, охватывает каждого, кто долгое время дышал чистым, степным воздухом, спал в кибитке или прямо на земле и кому горизонтом служила необозримая степь. Только постепенно привыкаешь снова к комнатному воздуху» [5; 6].

В многочисленных своих путешествиях, он дает детальное описание берегов рек Тобола, Большого Аята, Иргиза, Темира, Эмбы, а также притоков р. Урала: «... степных рек много, но они несудоходны. Притоки, исключая Илек, впадающий в Урал, теряются в озерах или песках и камыше; даже главная река, Эмба, не достигает Каспийского моря. Другие, летом пересыхают или образуют маленькие, очень богатые рыбой озера…». Проводит топографические съемки и описывает Мугоджарские горы и самую высокую ее вершину – Айрук. Определяет места для возведения укреплений [1; 5; 6].

И.Ф. Бларамберг, в частых своих разъездах проводит сбор материалов по этнографии, изучает быт и нравы населения, а также собирает и другие сведения самого различного характера, которые пригодятся ему для

будущих его исследований. И такие исследования он методически подготавливает к печати.

Научные труды Ивана Федоровича Бларамберга, вызывают несомненный интерес. В 1841г. он подготовил «Статистическое обозрение Персии» – энциклопедию по различным вопросам истории, географии, экономики. Эта работа, увидела свет в 1853г. В 1848 г. в большой серии «Военно-статистического обозрения Российской империи» выходит составленное им совместно с офицерами Герном и Васильевым «Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии» (Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV. Ч. 2. СПб., 1848, С. 1–121+14 таблиц), также он осуществляет аналогичный труд по Вятской и Казанской губерниям.

Иван Федорович Бларамберг в 1845 г. был принят в действительные члены Русского географического общества по рекомендации Ф.П. Литке (русский мореплаватель, географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал, ставший в 1864–1882 президентом Академии Наук), с этого времени его научная деятельность была тесно связана с Обществом отечественных географов [1; 5].

В 1852 году И.Ф. Бларамберг выдвигается с небольшим отрядом, перед которым формально ставились «рекогносцировочные» цели, а фактически, нужно было овладеть крепостью Ак-Мечетью. Ак-Мечеть была заложена Омар-ханом, правителем Кокандского ханства в 1818году и представляла собой северо-западный форпост ханства. В итоге, отряд смог лишь разрушить некоторые укрепления, но привезенные Бларамбергом разведывательные данные позволили генералу В.А. Перовскому, лично возглавившему в 1853 г. новый поход на Ак-Мечеть, захватить ее и открыть царским войскам дорогу для широкого продвижения вглубь Средней Азии [6; 4].

В декабре 1855 г. И. Ф. Бларамберга перевели в Петербург. Где он продолжал успешно заниматься научными исследованиями в области географии, истории, топографии и геодезии. Будучи директором Военно-топографического депо, успешно работает над подготовкой и выпуском в свет «Записок» депо, где печатаются богатейшие исторические материалы, всевозможные географические, геодезические, барометрические исследования. В 1857 году возглавляет работы военных топографов, а также ведется работа по подготовке Генеральной карты Российской империи. Работа, над которой была завершена к началу 1863 г. Иван Федорович Бларамберг умер 8 декабря 1878 г. [5].

Несомненную ценность исследованиям академических экспедиций придавало то, что образованные и стремящиеся к приобретению новых и разнообразных знаний, военные, будучи непрофессиональными учеными, внесли свой весомый вклад в естествознание, в изучении природы края, быта, культуры и традиции народов, населяющих Оренбургскую губернию и соседние страны.

Список литературы

1. Географический атлас Оренбургской области. – М.: ДиК, 1999. – 96 с.

2. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Избранные главы / П.С. Паллас. – Уральск: ТОО «Оптима», 2006. – 220 с.

3. Чибилёва В.П. Познавательные возможности этнического туризма Оренбургской области / В.П. Чибилёва, А.А. Чибилёв // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – №43. – С. 85–91. (РИНЦ; DOI:10.18411/; lj-10–2018–4; IDSP:000001:lj-10–2018–4).

4. Чибилёва В.П. Этнический туризм как фактор устойчивого развития территорий: культурно-познавательный аспект / В.П. Чибилёва, И.Ю. Филимонова // Этническая культура. – 2020. – №1 (2) – С. 26–29.DOI:10.31483/г-75012. EDN CIDDQU

5. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И. Рычков, Э.А. Эверсманн, С.С. Неуструев. – М., 1949. – С. 60.

6. Чибилёв А.А. В глубь степей. Очерки об естествоиспытателей Оренбургского края / А.А. Чибилёв. – Екаткринбург: УИФ Наука,1993. – 120 с.

7. Этнотуризм в России. Турстат. Исследования рынка туризма и путешествий по России и СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://turstat.com/ethnotourismrussia (дата обращения: 11.10.2023).

Широков Олег Николаевич
д-р ист. наук, декан, профессор
Матюшин Петр Николаевич
канд. ист. наук, доцент
Кашаев Игорь Михайлович
соискатель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЕЗДНЫХ ВОИНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация*: в статье рассмотрены основные направления деятельности уездных воинских начальников по организации мобилизации в первые годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Выявлено и обозначено содержание мобилизационных мероприятий на территории Чувашского края, обозначены недостатки в организации мобилизации новобранцев и запасных нижних чинов на материалах Чебоксарского и Цивильского уездных воинских начальников.*

Ключевые слова*: Первая мировая война, 1914–1918 гг., мобилизация, уездные воинские начальники, Чувашский край.*

Изучение опыта проведения мобилизационных мероприятий в русской армии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. позволяет современной исторической науке определять не только организационные особенности начального этапа военных действий в целом по стране, но и региональные особенности проведения мобилизационных мероприятий в границах отдельных уездов и губерний Российской империи. В свою очередь, выявление региональной специфики этих процессов позволяет сформировать новые тенденции развития российской историографии в изучении этого вопроса.

Стоит отметить, что проведение мобилизационных мероприятий на начальном этапе Первой мировой войны 1914–1918 гг. не становилось объектом отдельного и самостоятельного исследования. Описание проводимых мероприятий военным ведомством на территории Российской

империи (не говоря о конкретных регионах), часто носила эмоциональную окраску народных недовольств и волнений, не показывая реальных процессов организации и проведении масштабных (на то период времени) мероприятий. Лишь в последнее десятилетие региональная историография стала проявлять интерес к данным аспектам, выделять институт уездных воинских начальников как ключевое звено в проведении воинской мобилизации в стране в условиях развертывания военных действий на всем протяжении Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Общая мобилизация в начале Первой мировой войны на территории Российской империи была объявлена 17 июля 1914 г. В телеграмме за подписью военного, морского министров и министра внутренних дел, направленной Генштабу 17 июля 1914 г., говорилось: «Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному расписанию 1910 г. точка первым днем мобилизации следует считать 18 сего июля 1914 г.» [1]. Уже 20 июля в секретной телеграмме от Казанского губернатора в адрес Чебоксарского уездного воинского начальника поступает телеграмма «Сего числа (т.е. 20 июля) в 11 часов 27 минут утра от Казанского губернатора получена телеграмма следующего содержания: «вскоре после особых распоряжений о призыве ратников I разряда в потребном расписании 1910 г. к исполнению сего необходимо заблаговременно подготовиться» [2, л. 1]. 21 июля 1914 г. был издан указ Николая II «О призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда в некоторых местностях Империи». В этих документах нашли отражение различные аспекты организации мобилизационных мероприятий в уездах и губерниях по призыву как новобранцев, так и запасных нижних чинов. Практическая часть по реализации принимаемых решений возлагалась на губернский и уездный уровни. На территории Чувашского края данные вопросы решались в Ядринском, Цивильском, Алатырском, Чебоксарском уездах, входящих в состав Казанской губернии и входящие в Казанский военный округ (10 губерний).

Ключевым видом деятельности уездных воинских начальников стало выполнение мобилизационных предписаний по набору и отправки в войска новобранцев и запасных нижних чинов, а также выполнение аналогичных предписаний по мобилизации коней и лошадей для нужд частей регулярной армии. При этом именно на воинских начальников уездов было возложено ведение и статистических данных. Данные собирались и заносились в алфавитные книги, формулярные списки и учетные карточки военнослужащих, а также переносились в сопровождающие ведомости, и все это в кратчайшие сроки.

География распределения новобранцев и запасных нижних чинов было весьма внушительным. Так, из Чебоксарского уезда основными местами мобилизационной дислокации были:

I запасной батальон – Царицын – Царицынский уезд (472 человека), Царевский (1201 человек), Чистопольский (198 человек). Всего 1876 человек.

III запасной батальон – Самара – Самарский уезд (1225 человек), Бузулукский (217 человек), Бугульминский уезд (434 человека). Всего 1876 человек.

V запасной батальон – Петровск – Петровский уезд (1100), Саратовский (94), г. Саратов (217), Новоузенский (464 человека). Всего: 1875 человек.

VI запасной батальон – Балашев – Балашовский уезд (1003), мамадышский (699), Малмыжский (173 человека). Всего: 1875 человек.

13 пехотная запасная бригада:

140 пехотный запасной батальон – г. Пенза – Чебоксарский уезд – 46 челвоек из 1876;

142 пехотный запасной батальон – Симбирск – Симбирский (760 человек), Тетюшский (189), Спасский (462), Бугульминский (465). Всего: 1876 человек.

60 пехотный запасной батальон – г. Алатырь – Алатырский уезд (603 человека), Ардатовский (672), Цивильский (600). Всего: 1875 человек.

64 пехотный запасной батальон – г. Мокшан – Мокшанский (423), Курмышский (779), Ядринский (599), Козмодемьянский (74). Всего: 1875 человек.

167 пехотный запасной батальон – Инсар – Инсарский (672), Цивильский (55), Чебоксарский (410), Саранский (574), Чистопольский (164 человек). Всего: 1875 человек [3, л. 2–3 об.].

Завершающим мобилизационным мероприятием для уездных воинских начальников была отправка команды в местные бригады. Для Чувашского края местами сбора данных команд были два города – Казань и Симбирск. Доставка команд в бригады целиком полагалась на финансовые возможности уезда, в связи с этим, качество исполнения этого шага также было неудовлетворительным. В переписке с начальником Казанской местной бригады за 1916 г. имеется сообщение следующего содержания: «В одном из запасных батальонов при посещении его ночью командированным мною генералом Язвиным был обнаружен полный беспорядок: люди спали в мундирное одежде и сапогах, дежурные и дневальные тоже и на вопросы отвечали «не могу знать», много нижних чинов находилось в самовольной отлучке, а места на койках занимались другими нижними чинами» [4, л. 26].

Так, по отчетам Цивильского уездного воинского начальника за весь период военных действий, число возвращенных новобранцев из призывных пунктов и запасных воинских частей имело нестабильную динамику [5, л. 465].

Таблица 1

Число возвращенных новобранцев из призывных пунктов и запасных воинских частей

	1914	1915	1916	1917	Итого
По болезни	17	56	34	13	120
Вовсе от службы	25	28	30	10	93
	42	84	69	23	215

Наряду с мобилизацией в действующую армию уездные воинские начальники занимались также вопросами выявления и возвращения в действительные воинские части дезертиров, выявленных на территории округа. Эта проблема находилась на контроле на всем протяжении войны и даже после выхода России из военных действий. Так, еще в мае 1917 г. в адрес начальника местной бригад в г. Казань была получена телеграмма с информацией о том, «начальник Генерального Штаба уведомил, что по имеющимся сведениям в управлениях воинских начальников являются нижние чины опоздавшие с явкой из отпусков в войсковые части или самовольно отлучившиеся из последних, а равно и военнообязанные, несвоевременно явившиеся по объявлении призыва» [6, л. 17]. При этом, качество

работы воинских начальников, судя по данным данной переписки, были признаны неудовлетворительными. Среди серьезных недостатков работы по возврату дезертиров обратно в воинские части указывалось, что «воинские начальники не входят в разбор дела, уклоняются от отправки таких нижних чинов и военнообязанных на службу в ближайшие воинские части» [6, л. 17].

В связи с этим, всем воинским начальникам на территории Чувашии было приказано принять меры, чтобы воинские начальники без всякого промедления «отправляли своим распоряжением таких нижних чинов и военнообязанных в ближайшие воинские части, препровождая последних составленный письменный опрос их о причинах и обстоятельствах несвоевременной явки для наложения взыскания» [6, л. 17].

Придавая серьезное значение делу успешного розыска и задержания дезертиров к данной деятельности привлекались и местные органы надзора. С началом изменений в государственном устройстве Российского государства в 1917 г. к этой работе в Чувашии стали привлекать губернских или уездных комиссаров и начальников милиции «за содействие оказывать таковым самое энергичное содействие» [6, л. 130]. Несмотря на весьма существенную помощь, результативность была весьма низкой. В одном из отчетов по Цивильскому уезду было отмечено, что «розыски эти полицейским управлением как выяснилось, производится медленно и даже в одном уезде района бригады, сношения о розыске держалось в полиции без всякого движения продолжительное время. Большинство переписок полицейским управлением возвращалось за нерозыском, но уездные воинские начальники имея ввиду, что у этих разыскиваемых в районе уезда проживают родственники и от которых полиция может точно выяснить местонахождение разыскиваемых, вновь возвращали переписки для дальнейшего розыска и вести розыск через волостное правление или когда указано хотя бы приблизительно где может находиться запасной нижний чин, то через уездных воинских начальников» [7, л. 16]. К лету 1916 г. число разыскиваемых нижних чинов и ратников по уездам Казанской губернии было значительное – 3439 человек [7, л. 16].

Таблица 2

Сведения о числе нижних чинов не призванных на военную службу за нерозыском

Наименование уездов	Нижние чины		Ратники	Всего
	1 разряд	2 разряд		
Казанский	-	-	-	-
Свияжский	100	91	89	280
Цивильский	62	53	32	147
Чебоксарский	142	153	117	412
Козмодемьянский	118	78	65	261
Ядрирнский	31	28	30	89
Царевококшайский	33	46	49	128
Лаишевский	96	96	139	331
Чистопольский	135	195	248	578
Мамадышский	299	227	134	660
Тетюшский	124	93	59	276

Описание нагрузки на уездных воинских начальников прекрасно описано в оном из донесений из Цивильского уезда, в котором автор указывает, что «ежедневно комиссии и заседания отвлекают воинских начальников от прямого дела.

В период войны на воинских начальников возложено много и другого дела, а почти каждое новое законоположение, каждое распоряжение высшего военного начальства прямо или косвенно касается воинских начальников, которые обязаны в интересах армии и населения закон претворить быстро и правильно в дело.

Гражданская администрация, привлекаемая к участию в военном деле, тогда оказывается беспомощной и только воинский начальник является руководителем всяких дел, которые так иди иначе относятся к войне» [8, л. 128 об.].

Повседневный труд по организации различного рода учета (наличности запасных нижних чинов, учет укомплектования армии ратниками 1 и 2 разрядов и новобранцами и т. д.), по мнению автора доклада, «это важное дело учета, регистрации и производства розысков в присутствии лежит на обязанности одного лишь безответственного делопроизводителя присутствия и вольнонаемных часто переменяемых писарей» [8, л. 128 об.].

Наряду с этим также возросла переписка: «к октябрю 1916 г. в среднем до 10 000 входящих бумаг и выпущено до 65 000 номеров, не считая проходных свидетельств. в управлениях уездных воинских начальников уездных городов переписка на ¼ меньше, но во всяком случае отмеченные цифры входящих поступающих бумаг чрезмерно велико и непосильно для наличного состава писарей» [8, л. 129].

Единственным знающим и сознающим важность дела из всех членов присутствия являлся на тот момент уездный воинский начальник и так как от продуктивности работы воинского присутствия зависела в большей мере успешность работы в управлении, и следовательно, укомплектовании армии, то уездные воинские начальники вынуждены были большую часть работы возложить на свои управления, а именно: учет уволенных вовсе от службы отпусках, все дальнейшие работы (отпускные билеты, ведение розыска, привлечение к ответственности), исполнять без внешнего участия со стороны присутствия.

Список литературы

1. Военное законодательство Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rp-net.ru/pdf/rvs/VZRI.pdf (дата обращения: 23.09.2023).

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 306. – Оп 1. – Д. 175. Л. 1.

3. ГИА ЧР. – Ф. 306. – Оп 1. – Д. 225. – Л. 2 – 3.об.

4. ГИА ЧР. – Ф. 305. – Оп 1. – Д. 472. – Л. 26.

5. ГИА ЧР. – Ф. 305. – Оп 1. – Д. 402. – Л. 465.

6. ГИА ЧР. – Ф. 305. – Оп 1. – Д. 399. – Л. 17.

7. ГИА ЧР. – Ф. 305. – Д. 400. – Л. 16.

8. ГИА ЧР. – Ф. 305. – Оп 1. – Д. 472. – Л. 128 об.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов
III Всероссийской научной конференции с международным участием
(Чебоксары, 29 сентября 2023 г.)

Редакционная коллегия: *О. Н. Широков, О. Г. Вязова, Н. А. Петров, М. И. Федулов*
Компьютерная верстка *А. Д. Федоськина*
Дизайн обложки *Н. В. Фирсова*

Подписано в печать 02.11.2023 г.
Дата выхода издания в свет 07.11.2023 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13,02. Заказ К-1209. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru